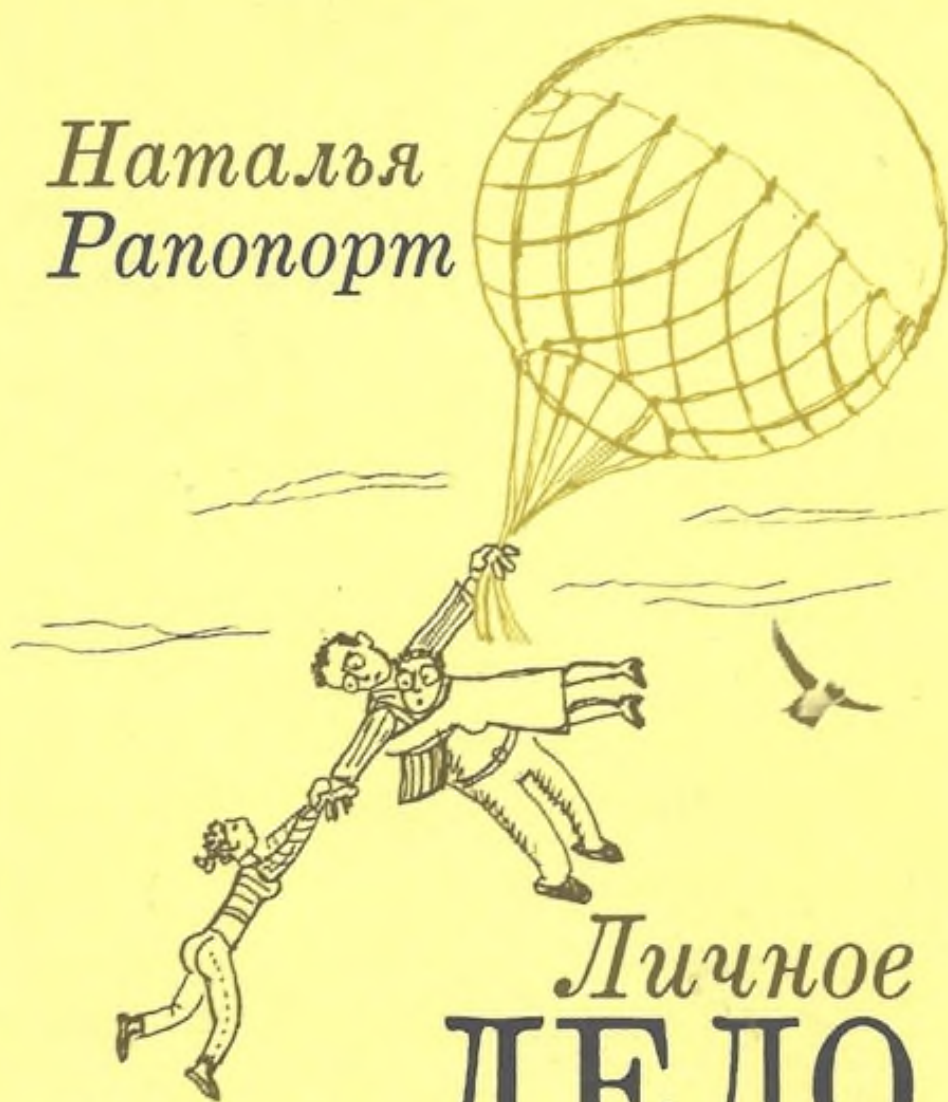

Наталья
Рапопорт

Личное
ДЕЛО

Автобиографический
роман

НАТАЛЬЯ РАПОПОРТ

Личное Дело

БОСТОН • 2013 • BOSTON

Наталья Рапопорт

Личное Дело

Natalya Rapoport

Personal Case (Lichnoye Delo)

Печатается в авторской редакции

Copyright © 2013 by N. Rapoport

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1-940220-00-0

Library of Congress Control Number: 2013945582

M•GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

Phone: 781.990.8778

Фотографии в тексте: из архива автора.

Обложки и рисунки в тексте: © Виктория Рапопорт.

Printed in the United States of America

Моему мужу В.В.

*Творец таким узлом схлестнул пути,
настолько сделал общим беспокойство,
что в каждой личной жизни ощутим
стал ветер мирового неустройства.*

Игорь Губерман

Личное Дело

ПОВЕСТЬ

ОТ АВТОРА

Больше двух десятилетий мы живём в Америке. Я давно хотела написать о нашем американском пути, но, точь-в-точь как ерофеевский Веничка, который всю жизнь мечтал попасть на Красную площадь и неизменно оказывался на Курском вокзале, я принималась писать об Америке — и опять писала о России. Жизнь в России, при всей её фантазмагоричности, была соткана из плотной грубой ткани и натирала нежные места. На этом фоне жизнь в Америке представлялась призрачной, колеблемой ветром кисеёй — не сбросишь со счетов жизни, да не ухватишь. Но в конце концов час настал, и вы держите в руках повесть о жизни обыкновенной советской семьи, начавшейся в тридцатых годах прошлого века в Советском Союзе и продолжающейся в двадцать первом веке в Америке. Америка пролегла глубоким водоразделом, поделившим жизнь на «до» и «после». Так же построена повесть, в ней две части: Россия и Америка. Первая отвечает на вопрос «почему», вторая — на вопрос «как».

В конце книги вас ждут рассказы и эссе, без которых «Личное дело» автора было бы неполным.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Россия

*Среди терни и незабудок
Не нами выбрана стезя
И родина есть предрассудок,
который победить нельзя.*

Б. Окуджава

СХЛЕСТНУЛИСЬ ГЕНЫ В ЧРЕВЕ СОННОМ

Родственников у мальчика было не густо: мама да бабушка. Были ещё две тётки и дядя, но дядя был сильно пьющий и умер совсем молодым, а тётки со своей частной жизнью тоже в счёт не шли. Бабушка успела родиться и пожить до Великой Октябрьской социалистической революции. Она была из хорошей зажиточной семьи и пела в церковном хоре. Регентом в церкви служил высокий, кудрявый, смахивавший на цыгана красавец по имени Василий Ильин, мечта местных невест. Он был из бедных, но при такой внешности и голосе это значения не имело. Бабушка вышла за него и родила ему четверых детей. Они жили счастливо в большом и красивом бабушкином доме и, может, так и прожили бы до глубокой старости, но случилась Революция. Городок Короча, где они жили, оказался на пересечении военных троп гражданской войны и то и дело переходил из рук в руки — белые, красные, опять белые, в конце концов — и уже навсегда — красные. Дед Василий Ильин несколько раз убегал с белыми, но неизменно возвращался к семье и пытался, не слишком успешно, примениться к жизни у красных. Над его головой висел готовый в любую минуту сорваться дамоклов меч, ибо красные пение деда в церкви (а он ещё, страшно сказать, преподавал в церковной школе) приравнивали к служению классовому врагу. Времена были не сентиментальные, и однажды дед только чудом избежал расстрела. Ему удалось скрыться. Он опять подался к белым — и пропал. Долгое время о нём не было никаких вестей, но однажды пришло письмо от незнакомой женщины. Оказалось, что дед дошёл с белыми до Крыма и умер там от тифа. В письмо была вложена фотография дедовой могилы. Бабушка осталась одна с четырьмя детьми и страшным клеймом: лишенка. Она и все её малолетние дети были лишены права голоса как члены семьи классово чуждого элемента, в бозе почившего в тифозном бараке.

Мальчик в детстве часто слышал это неприятно шипящее слово «лишенцы» — оно представлялось ему чем-то вроде стригучего лишая, которым болели соседские котята. Котят утопили вместе с мамой-кошкой. Подросши, мальчик подивился, насколько точным был возникший в детстве образ.

Мальчик любил рассматривать фотографии деда — молодцеватый, похожий на гусара из старой книжки дед Ильин ему

очень нравился. Молодая женщина на фотографиях внимания мальчика не привлекала, и если бы ему сказали, что это его бабушка, он бы очень удивился. Бабушку Пелагею мальчик застал маленькой сгорбленной старушкой, согнутой в виде буквы «Г». Выдвинутые далеко вперёд голова и плечи, казалось, должны были тянуть её к земле, и было странно, что бабушка не падает лицом вниз, а ходит резво, нарушая законы равновесия. Руки у бабушки были шершавые, похожие на еловые ветки; на суставах росли шишки величиной с большой лесной орех. Бабушка вела дом и воспитывала мальчика — мама его дома бывала редко. Мама была опытная медсестра, и в посёлке, где они жили, фактически заменяла врача. Жители посёлка называли её «доктор». Мама работала день и ночь: принимала больных в поликлинике, навещала лежачих на дому; её вызывали в любое время, в метель или грозу — она брала свой чемоданчик и уходила кого-то спасать.

Вы вправе спросить — а папа? Папы что, не было? Был, конечно. Но очень недолго. Отец и мать мальчика встретились в двадцатых годах прошлого века в небольшой сельской больнице на юге России. Отец был врач-гинеколог и заведовал больницей, а мать направили в эту больницу после окончания медицинского училища. Разница в возрасте в семнадцать лет никого не смущала, и вскоре они поженились. В начале тридцатых годов у них родился сын. Отец мальчика вдохновенно молодился, красил рано поседевшие волосы и даже ухитрился скостить себе в паспорте десяток лет. Он был из правоверной еврейской семьи, но отрёкся от веры отцов и, по слухам, выдавал себя за караима. В отношениях с женой он решительно опровергал расхожий образ обобщённого еврея как хорошего семьянина и заботливого родителя. Когда мальчику было всего шесть лет, отец их покинул и вскоре бесследно исчез на просторах Родины, чтобы вернуться спустя тридцать пять лет, через три месяца после своей смерти, в виде информации из Мосгорсправки.

С отцом мальчику, конечно, не повезло, но деды были, согласитесь, широкого диапазона: один, Василий, пел на клиросе, другой, Исаак, преподавал в хедере. Никого из них мальчик не знал. Бабушки тоже были широкого диапазона: одну звали Пелагея, другую почему-то Шарлотта. Вот, собственно, и вся родословная.

...В начале тридцатых годов отец мальчика получил почётное назначение — заведовать больницей не где-нибудь в глухой дыре, а в самих Горках Ленинских. Семья с новорождённым сы-

ном перебралась почти к самой столице. Отец купил небольшую избу в посёлке Расторгуево, что недалеко от Суханово, бывшего имения князей Волконских. Спустя три десятилетия подросший мальчик встретит там свою судьбу в моём лице.

В начале тридцатых годов усадьба Волконских представляла собой жалкое зрелище — главный дом сгорел, территория заросла, куда ни глянь, всюду следы полного запустения. Но в 1935 году усадьбу реконструировали архитекторы, по возможности сохранив в первозданной прелести, и устроили там свой Дом творчества. От идиллических времён князей Волконских остался семантический след — пруд «Волконка».

Тем временем неподалёку от Дома творчества архитекторов другая серьёзная организация, называемая в народе уважительно во множественном числе — органы — основала в бывшем Екатерининском монастыре самую страшную гулаговскую тюрьму — Сухановку, по сравнению с которой даже чудовищное Лефортово с его индустрией пыток могло показаться домом отдыха. Здесь, по соседству с имением Волконских и Сухановской тюрьмой, рос мальчик.

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ

История монастыря и Сухановской тюрьмы заслуживает нескольких слов. Когда-то здесь были густые леса, в которых любил охотиться царь Алексей Михайлович. Легенда рассказывает, что в 1658 году, во время отдыха на охоте, царю явилась во сне святая великомученица Екатерина, сообщившая, что у него родилась дочь. Царь прервал охоту и отправился в Москву. По дороге он встретил гонца, посланного к царю с тем же сообщением. Царь назвал дочь Екатериной, а на том месте, где ему явилась святая великомученица, заложил женский монастырь и подарил ему чудотворную икону. Монастырь получил название Екатерининская пустынь. В 1918 году Екатерининскую пустынь закрыли большевики, но вскоре опять открыли, переселив туда монахинь из закрытого ими Красностоцкого монастыря. Екатерининская пустынь прожила еще тринадцать лет, но в год рождения мальчика, поздним летом 31-го года, монастырь стремительно освободили, переквалифицировав в тюрьму. Монахинь в двадцать четыре часа выкинули из келий на улицу. Идти им было совершенно некуда, и старожилы вспоминают, что монахини плакали, сидя на платформе Расторгуево. Кое-кого приютили

сердобольные местные жители, о судьбе других можно только догадываться. В монастыре разместилась тюрьма для мелких уголовников, а позже и малолетних преступников. Монастырские кельи быстро и без затрат превратили в тюремные камеры.

Режим этой первой Сухановской тюрьмы был на редкость вегетарианским: там даже выступали вечерами заезжие артисты или проходили концерты художественной самодеятельности. Всё ещё действовала надвратная церковь Дмитрия Ростовского, куда ходила молиться соседка мальчика, с которой его семья делила крохотную избу. Мальчика в церковь не водили. Бабушка Пелагея, переехавшая к ним из Корочи, была, конечно, религиозная, но без нажима и экзальтации. После бегства и гибели мужа-регента, в церковь она больше не ходила и постов не соблюдала. Бабушка любила говорить: «Не то, что в уста, а то, что из уст», — дескать, чистота помыслов важнее внешних ритуалов, и Бога надо носить в душе. Мальчик с этим вырос.

При надвратной церкви Екатерининской Пустыни оставались двое — монахиня Вера и игумен Пантелеймон. Но в 1934 году монахиня Вера была зверски убита на церковной колокольне; игумен Пантелеймон чудом избежал той же участи. По официальной версии, убийство совершил сбежавший уголовник с целью ограбления. Церковь тотчас закрыли. Игумена Пантелеймона арестовали, решив таким образом проблему его жилплощади, и он умер в тюрьме или ссылке. Иконы и церковную утварь жители вывезли ночью, закопав в сено, в соседнюю деревню Ершово. Там они дожили до наших дней, если не считать чудотворной иконы, подаренной царём Алексеем Михайловичем — её украли в семидесятых годах прошлого века и так и не нашли. Так закончилась история Екатерининской Пустыни и началась новая страшная история этих мест.

На этой колокольне в 1932 году была зверски убита монахиня Вера.

Фото Михаила Маховича.

В 1935 году земли вокруг имения Суханово, включая Екатерининский монастырь, были объявлены заповедником и переданы в аренду Союзу архитекторов СССР. Уголовную тюрьму из Екатерининской пустыни куда-то перевели. Но Союз архитекторов хозяйничал там недолго. 23 ноября 1938 года заместитель наркома внутренних дел, а фактически уже руководитель НКВД Берия направил на имя председателя Совнаркома Молотова следующее письмо: «В связи с возникшей необходимостью оборудовать особо изолированную тюрьму специального назначения при ГУГБ НКВД, нами намечено использование для этой цели территории и зданий Сухановского монастыря, переустройство которых под тюрьму может быть произведено в месячный срок». Последовавший вслед за тем совершенно секретный приказ НКВД от 2 декабря 1938 года гласил: «...В трёхдневный срок реализовать постановление СНК СССР о выселении с территории строительства личного состава подсобного хозяйства дома отдыха Архитектурного фонда».*

*Россия — странный садовод,
И всю планету поражает,
Верша свой цикл наоборот:
Сперва растит, потом сажает.*

Игорь Губерман

В конце 1938 года на территории монастыря под наблюдением Берии начались спешные работы, и 15 января 1939 года новая секретная политическая тюрьма — Сухановка, получившая в народе название «дача пыток» или «дача Берии», приняла своих первых заключённых. В бумагах НКВД тюрьма именовалась «Спецобъект № 110». Тюрьма была рассчитана на 150–160 заключённых. Здесь в строжайшей секретности содержались лица, занимавшие раньше крупные государственные посты. Надзирателей вместе с внутренней охраной было 70 человек. Ни заключённые, ни охрана не имели имён — только номера. Даже трупы заключённых, которые до постройки внутреннего крематория отправляли в тюремный морг Бутырки, прибыва-

* По материалам «Новой газеты» от 7 декабря 2009 г.

ли туда только под номерами. Повидимому, потом в самой Сухановке организовали импровизированный крематорий. Есть свидетельства, что заключённых расстреливали по ночам и тут же отправляли трупы в печь, чтобы поднимавшийся ночью из трубы чёрный дым не вызывал вопросов у окрестных жителей.

В Сухановке содержали только самых отборных. Настоящая крупномасштабная фабрика смерти была по соседству в Бутово, где на так называемом Бутовском полигоне были расстреляны многие тысячи жертв. Известно, например, что за время правления наркома Ежова, в 1937 и частично в 1938 году, на Бутовском полигоне было расстреляно 20765 человек. Массовые расстрелы производили и на бывшей даче Ягоды в соседней «Коммунарке» — там расстреливали работников НКВД, партийное руководство, военных высоких рангов.

Возможно, именно в этих застенках провели свои последние дни Исаак Бабель и Всеволод Мейерхольд.
Фото Михаила Маховича.

В апреле 1939 года в Сухановку был доставлен предшественник Берии, «железный нарком» Ежов — маленький, похожий на хорька извращенец, обвинённый в шпионаже, мужеложестве, и подготовке террористических актов. В Сухановке он провёл девять месяцев до расстрела. Известно, что допрашивал Ежова сам Берия. Через месяц после ареста Ежова, по его навету арестовали и доставили в Сухановку Исаака Бабеля. У Бабеля был когда-то роман с будущей второй женой Ежова — вероятно, Ежов мстил. А ещё через месяц арестовали Мейерхольда. Недели допросов «по-сухановски» хватило, чтобы Бабель признал, что был членом руководимой Ежовым террористической организации. Мейерхольд продержался три недели, потом тоже всё подписал. Именно это и нужно было Берии. Все трое — и кровавый изувер

Ежов, и его гениальные жертвы были расстреляны в течение одной недели в конце января — начале февраля 1940 года...

Смутные и невнятные слухи о том, что происходит в Сухановке, просачивались в соседние посёлки, жизнь которых в какой-то мере была с Сухановкой связана. Муж нянечки, работавшей с матерью мальчика в поселковой больнице, был одним из охранников Сухановки. Мать как-то поинтересовалась у неё, что там происходит. Нянечка только вздохнула: «Я раз попробовала его спросить, так он так рявкнул, что я больше не заикалась».

А тюремным «врачом» в Сухановке работал муж Паулины, завуча расторгуевской школы, в которой учился мальчик. Паулина была маленького роста, с тонкими поджатыми губами и злоеющим выражением едва заметных глаз. Характер её соответствовал внешности — Паулина была редкостная сука. Её родная дочь Ритка — на год старше мальчика — в школьные годы несколько раз уходила от неё в бега, но бывала, конечно, поймана мощным аппаратом, коему верой и правдой служил её отец. Из-за побегов Ритка пропустила в школе целый год и доучивалась в одном классе с мальчиком. Кстати, бурные школьные годы не помешали ей впоследствии пойти по ракетной части и даже получить Государственную премию.

Екатерининская Пустынь принадлежала НКВД-КГБ-МВД больше пятидесяти лет. «Свято место пусто не бывает», — гласит народная пословица. После доклада Хрущёва на XX съезде Сухановка перестала функционировать как политическая тюрьма, и там последовательно размещались областная тюремная больница и школа МВД. В годы Перестройки монастырь вернули церкви, и в мае 1992 года Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил вновь открытый Свято-Екатерининский мужской монастырь. Так, совершив полный оборот, закончилась (хочется надеяться!) зловещая история здешних мест.

Но вернёмся назад, в тридцатые годы. Папа мальчика был человек проникательный. В тридцать седьмом году он предпочёл исчезнуть с территории и из памяти обитателей Горок Ленинских. Бросив всё — дом, работу, семью, — он внезапно укатил на Дальний Восток. Мальчику не было тогда и шести лет. До войны отец присылал семье приличные деньги, а один раз даже приехал их навестить и привёз в подарок сыну патефон и необыкновенный чемоданчик: он раскрывался, как гармошка, в гнезда которой были уложены замечательные пластинки. Это был единственный за всю жизнь подарок отца, и мальчик очень им дорожил. Помимо патефона они с матерью получили в наследство от отца только еврейскую фамилию. Во время войны отец бесследно исчез, а мама и мальчик по фамилии Вайсберг оказались на оккупированной немцами территории.

Война гуляет по России

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...*

Давид Самойлов

Когда начались бомбёжки, москвичи прятались в подвалах, переоборудованных под бомбоубежища, а жители Подмосковья по приказу местных властей отрывали щели, служившие им бомбоубежищами. Одна такая щель была открыта во дворе Расторгуевской избы, туда собирались соседи. Но немцы рвались к Москве, бомбёжки становились всё интенсивнее, и на семейном совете (бабушка, мама и тётя Галя) было решено отправить мальчика с мамой в «тихое и надёжное место» — в Корочу, под Белгород, где в старом корочанском доме жила мамина сестра тётя Вера с пасынком Юрой. Народ посообразительней рвался эвакуироваться в Ташкент, за Урал, в Сибирь, а наш мальчик с мамой отправился на запад, и некому было их, безумных, остановить — отец к этому времени исчез из поля зрения. Они приехали в Корочу ранней осенью сорок первого года...

Примерно с год в Короче действительно было тихо. Мальчик ходил в школу, в третий класс. В их большом и удобном Корочанском доме разместились офицеры-радивисты во главе со старшим лейтенантом Некрасовым. Во дворе на крытом грузовике стояла рация, из грузовика торчала высокая антенна. Иногда к радистам приходил огромный, обросший бородой мужик, в подчёркнуто крестьянской одежде — очевидно, разведчик, ходивший через линию фронта. Мальчик запомнил его в ватных брюках, сапогах и шапке-ушанке — значит, дело было зимой. Мужик что-то показывал радистам, склонившимся над картой. Кроме него время от времени приходил, опираясь на шашку, раненный генерал Шамшин. Входя, он вытаскивал пистолет и кричал: «давайте немедленно связь, всех перестреляю!». Связь, конечно, была никудышная, но в конце концов её удавалось установить без жертв.

Отношения радистов с хозяевами дома были самые тёплые, от них родные мальчика получали кое-какие военные сводки.

А сводки становились всё тревожнее. Немцы со страшной скоростью катились на восток, навстречу своей гибели под Сталинградом. Стала слышна канонада. Радисты сообщили, что немцы прорвали фронт, спешно свернули свою рацию и собрались уезжать. Остаться в Короче мальчику и маме с фамилией Вайсберг было опасно, к тому же все в Короче знали, что муж тётки Веры — известный всей округе замечательный хирург — служит в Красной Армии. От Москвы немцев к этому времени отбили, и на семейном совете было решено бежать от немцев и попытаться вернуться в Расторгуево. Радисты предложили подбросить их до ближайшей станции. Быстро собрали самое необходимое и вчетвером — мальчик с мамой и тётка Вера с Юрой — покинули Корочу.

Их подвезли к станции Старый Оскол. Тёте Vere чудом, по каким-то липовым справкам, удалось достать билеты на составленный из теплушек поезд. Состав тронулся в путь, но даже при самой богатой фантазии нельзя было сказать „поехал«. Проезжали несколько метров и останавливались. Ещё несколько метров — и снова остановка. Через несколько часов доковыляли до какого-то большого разъезда, где скопилось немислимое количество эшелонов, в основном воинских, но были и «пассажирские». Здесь встали окончательно. Выяснилось позже, что ведущая на восток железная дорога была перерезана немцами и ехать было некуда, но в тот момент никакой информации не было, и на разъезде царилa полная неразбериха. Набитые солдатами воинские эшелоны стояли, открытые всем ветрам. И вражеские бомбардировщики не заставили себя ждать. Они шли волнами на бреющем полёте, осыпая эшелоны градом бомб. Метавшихся в панике людей расстреливали сверху из пулемётов. Всё вокруг гремело, рвалось и горело. Мальчик и его родные выпрыгнули из поезда и бросились в соседний заболоченный кустарник. Это спасло им жизнь. Бомбы летели со страшным нарастающим воем как будто прямо на них, но падали где-то рядом и уходили глубоко в болото, где разрывались, поднимая фонтаны грязи и осколков. Мальчика и его родных не задело: вылетавшие из болота осколки теряли энергию и покрывали меньшую площадь, чем те, что рвались прямо на земле.

Сколько это продолжалось? Мальчику казалось — целую вечность. На самом деле, может быть, час или несколько часов. Наконец стихло. Они выползли из болота и направились к месту, где раньше стоял их поезд. Картина, которую они увидели, осталась с мальчиком на всю жизнь. То, что ещё несколько часов

назад было людьми, по большей части молодыми солдатами — превратилось в месиво изуродованных, развороченных и обгоревших трупов. Стонали и кричали лежавшие на земле окровавленные раненые. Тлели разбитые в щепы догорающие вагоны. Стоял ясный день жаркого лета, но солнца не было видно из-за дыма и пепла. Не уцелел ни один эшелон, ни один вагон. Но вот чудо — около того, что было когда-то их поездом, валялись кое-какие вещи из тех, что они взяли с собой при бегстве из Корочи. Часть этих вещей увязали в узелки и двинулись прочь из этого ада. Куда? В стороне от железной дороги виднелись уцелевшие избы какого-то посёлка, там были живые люди. Мальчика с родными — «вакуйрированных» — пустили переночевать. Всю ночь они не спали — ждали нового налёта, но в эту ночь немецкие самолёты больше не прилетали. Утром отправились дальше. Было ясно, что идти надо на восток, на Воронеж, и оттуда добираться до Москвы. Хозяева хаты показали основное направление и объяснили дорогу.

*И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.*

Давид Самойлов

По страшной жаре шли дней десять. На ночь останавливались в деревнях, меняя прихваченную с собой одежду на ночлег в каком-нибудь сарае. Наконец подошли к Дону. И тут стало ясно, что изнурительный переход из Старого Оскола был напрасным: все переправы через Дон на спасительный левый берег были полностью разбомблены. Солдат переправляли на понтонах, и на глазах у мальчика пролетавшие низко гитлеровские самолёты поливали их огнём из пулемётов. Мало кому посчастливилось добраться до берега.

Мальчик и его родные попали в ловушку. Выбора не было — единственный путь был назад, в Корочу, до которой было добрых две сотни километров. Остановились на ночь в заброшенном сарае, а когда наступило утро, сквозь щели сарая увидели на дороге немецких мотоциклистов. Так на последующие девять месяцев они оказались на оккупированной территории. И каждую секунду этих страшных месяцев жизнь одиннадцатилетнего мальчика по фамилии Вайсберг висела на волоске.

Домой возвращались недели три просёлочными дорогами, по которым в обе стороны текли потоки неудавшихся беженцев. Мимо, не обращая на них внимания, катили на машинах и мотоциклах немецкие солдаты. Повсюду были следы жестоких боёв. Однажды проходили мимо пушки, рядом с которой лежали трупы пяти наших солдат, все босые. Мародёры содрали с них сапоги, но не озаботились похоронить.

Другой раз наткнулись на запряжённую в телегу лошадь, одну, без хозяина. Наши солдаты отступали в панике, и по дорогам было много брошенных лошадей, машин, оружия. С лошадьми в их маленькой группе никто управлять не умел, но тётя Вера — сельская жительница — многократно наблюдала, как это делают другие. Решили попытаться. Погрузили на телегу нехитрый скарб, сели и поехали. Застоявшаяся лошадь сначала было обрадовалась вновь обрётённому смыслу жизни, но вскоре утратила уважение к неопытным хозяевам и больше щипала траву на обочине, чем шла вперёд. С грехом пополам добрались к вечеру до какой-то деревни и попросились на ночлег. Хозяева хаты лошадь распрягли и пустили пастись в огороде, а утром сообщили, что телега стоит на месте, а лошадь «ушла». Это был большой удар для путников, хотя, по правде говоря, пешком они передвигались быстрее, да и хозяевам хаты лошадь была полезнее. К тому же скарб, который они тащили на себе, с каждым днём становился всё легче — его меняли по деревням на ночлег и еду. И наступил день, когда на горизонте показались строения маслобойного комбината и колокольни Корочи. Они вернулись домой.

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

*Как это было, как совпало –
Война, беда, мечта и юность.
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!*

Давид Самойлов

В те дни в Короче не было ещё никакой администрации и творилась полная неразбериха. Немецкие солдаты текли через город, практически не задерживаясь. Процветало безудержное мародёрство. Разгромили и растащили мельницу, маслобойный

комбинат, старую, прекрасно оснащённую гимназию. Активное участие в этой грабительской вакханалии принимал сводный кузен мальчика, пятнадцатилетний Юра. У него тогда ещё не диагностировали шизофрению, от которой он впоследствии умрёт в психиатрической больнице. Юра притащил домой груду духовых ружей и заряженный пистолет. Сам он пистолет носить боялся и отдал его мальчику, приказав постоянно держать за поясом под рубашкой. Юра был старший, большой, авторитарный, и мальчик беспрекословно ему подчинялся. Юра ревниво следил, чтобы пистолет всегда был у него под рукой, то есть у мальчика под рубашкой.

Однажды у них в доме на несколько дней остановилась группа немецких солдат. Один из них, типичный немецкий бюргер, с пивным брюшком, толстой шеей и совсем не солдатским видом, очень тосковал по своей семье. Хозяевам хаты он представился как «Вася». Мальчика нежно называл Вовка, сажал на колени и угощал немецкими яствами. Мальчик сидел на коленях немецкого солдата с Юркиным заряженным пистолетом, слегка выпиравшим из-под тоненькой рубашки... Но обошлось.

...На смену немецким солдатам в Корочу вошли венгры. Они обосновались в городе всерьёз и надолго — видимо, по гитлеровскому плану Короча предназначалась им. Венгры стали наводить в городе порядок. Возникла новая администрация, появился городской голова и районные старосты (один из них жил в доме напротив); появились венгерские жандармы в замысловатых шляпах с большими птичьими перьями. Приказано было сдать паспорта на регистрацию.

Сейчас можно только диву даваться наивности родных мальчика. Ничего ведь не стоило его маме заявить о потере паспорта и через новую администрацию «восстановить» другой, на девичью фамилию Ильина. Анна Васильевна родилась и выросла в Короче, Ильиных здесь все знали, а потерять паспорт в хаосе тех дней было проще простого — никто бы не усомнился. Но нет! Сёстры отнесли в комендатуру на регистрацию свои настоящие паспорта. Тёте Вере — Вере Васильевне Коваленко — её паспорт вернули, а паспорт Анны Васильевны Вайсберг задержали. И до наивных женщин стало, наконец, доходить, что они натворили... Речь шла не об Анне Васильевне — она была русская и это многие могли подтвердить — речь шла о её рождённом от еврея сыне. Было ясно, что единственный выход — немедленно извлечь паспорт Анны Васильевны из пачки задержанных паспортов. Извлечь, но как?! Тут Вера Васильевна вспомнила, что

её муж Филипп Иванович перед войной оперировал сына нового городского головы и спас мальчику жизнь. Сёстры пошли на рынок и купили огромный бидон мёда — в таких бидонах молочницы привозили из деревень молоко. Вечером они оттащили этот неподъёмный подарок городскому голове. Сработало! Утром мама получила обратно свой криминальный паспорт.

Тем временем у них в доме поселился большой начальник, пан Томаш Дайзлер, с обслугой: ординарцем, денщиком, поваром и ещё несколькими подчинёнными. Среди них был пожилой чех, немного говоривший по-русски. Через него шло общение постояльцев с хозяевами, хотя при сложившихся обстоятельствах было уже не ясно, кто хозяин, а кто постоялец. Пан Томаш Дайзлер был длинный, сухой и прямой, как жердь. Каждое утро мальчик наблюдал увлекательнейшее зрелище, даже вскакивал пораньше, чтобы не пропустить. Сначала денщик выходил во двор и начищал сапоги Пана до зеркального блеска. Потом пан Дайзлер выходил в этих сапогах, а ординарец приводил ему статного, красивого, лоснящегося от чистоты коня и придерживал стремя, пока Пан вскакивал на коня и уносился на работу.

С обслугой пана Дайслера у хозяев хаты установились, насколько это возможно при отсутствии общего языка, вполне человеческие отношения. Однажды у калитки их дома остановилось двое венгерских жандармов в сопровождении русского полицака. К ним вышел молодой лейтенант из обслуги Пана. Звали его Имре, до войны он был учителем. Он долго спорил о чём-то с пришедшими. Полицай и жандармы показывали руками на дом и хотели войти. Имре отрицательно качал головой и во двор их не пускал. В конце концов те ушли. Имре вернулся и рассказал через чешского переводчика, что приходили за маленьким евреем, который якобы живёт в этом доме. «Я им сказал, что в этом доме нет никаких евреев, а живёт пан Томаш Дайзлер, и если они ещё раз здесь появятся, полицая не поздоровится. Больше они не придут», — успокоил он Анну Васильевну, увидев ужас на её лице. Они действительно больше не появились.

Однажды обслуга сообщила, что пан Дайзлер уезжает в отпуск: Пан — личный друг самого Хорти, и дома у него большой замок в красивом парке. Ещё через какое-то время пришло известие, что Пан не хочет возвращаться. Но, вернуться, видимо, пришлось, потому что Пан снова объявился в Короче. К этому времени, после поражения под Сталинградом, дела у немцев шли хуже некуда. Ходили слухи, что наши прорвали фронт и приближаются к Короче. Снова стала слышна канонада. «Ско-

ро твой папка вернётся», — шёпотом пообещал мальчику пожилой чех. Он не любил немцев, да и венгров, кажется, тоже.

Пан с обслугой быстро собрались и уехали. Канонада становилась всё громче, поведение венгерских солдат всё более паническим, было ясно, что они обращаются в бегство. И наступил день, когда по улице цепочкой, пригибаясь, с ружьями наизготовку побежали советские солдаты. Однако бой, к которому они готовились, не состоялся: воевать им было не с кем. Противник покинул Корочу.

Родные мальчика наготовили бутербродов с повидлом, добытым Юркой при разграблении плодоовощного завода, и на глазах у всей улицы вышли приветствовать советских солдат. Это были опять очень рискованные действия. Фронт всё ещё колебался, вполне могли вернуться немцы, и вряд ли сестёр погладили бы по головке за откровенную радость по поводу возвращения Красной Армии. К счастью, немцы в Корочу больше не вернулись.

В доме мальчика пана Дайзлера сменили опять наши солдаты. Надолго они обычно не задерживались — переночуют и мчатся дальше, в наступление. Канонада то отдалялась, то приближалась, но окончательно не затихала. Одна группа солдат задержалась у них на неделю или две. К ним привыкли, с ними сдружились, но внезапно они исчезли — видимо, ушли ночью. Несколько дней после их исчезновения канонада гремела совсем рядом, потом стала затихать, и дня через три, глубокой ночью, раздался стук в дверь: «Хозяюшка, открой, это мы. Наши все живы!». Они как вошли, так и рухнули вповалку на пол, а сколько проспали, мальчик не помнит — может, сутки, может, двое.

Фронт отодвинулся, и пришла пора возвращаться в Расторгуево, где оставались бабушка Пелагея и тётя Галя и где мальчик мог бы, наконец, снова пойти в школу. Но для возвращения нужны были пропуск и средства. Ни того, ни другого у них не было. Отец пропал бесследно. Помогали им незнакомые люди, в основном военные — подбрасывали на своём транспорте, ибо военный транспорт не проверяли. В конце концов, правдами и неправдами мальчик с мамой добрались до расторгуевской избы. И тут выяснилось, что из-за долгого отсутствия их расторгуевскую прописку аннулировали, лишив тем самым маму права на работу, а мальчика возможности учиться в расторгуевской школе. Невероятными усилиями удалось и это уладить.

Мама мальчика устроилась медсестрой в госпиталь для раненых лётчиков — его во время войны разместили на терри-

тории бывшего Дома творчества архитекторов в Суханово. Лётчиков, в большинстве обгоревших, доставляли в госпиталь на маленьких самолётах — «кукурузниках». В кабине самолёта помещалось только два человека — пилот и штурман. Раненых привозили в закрытых люльках, прикреплённых под крыльями. Самолёты приземлялись на небольшом поле около берёзовой рощи; раненых вынимали из люлек, переносили в машины и отвозили в госпиталь, а самолёт либо улетал, либо отъезжал самоходом в соседнюю рощу, чтобы не ночевать в открытом поле. Расторгуевские мальчишки бегали смотреть на прилёты-отлёты этих странных сооружений и все как один мечтали стать лётчиками.

Раненые лётчики были в большинстве своём с очень тяжёлыми, не совместимыми с жизнью ожогами. Так рядом с Домом творчества архитекторов возникло небольшое военное кладбище. Постепенно его стали осваивать местные жители, и к сегодняшнему дню кладбище разрослось до внушительных размеров. Там похоронены родные мальчика.

НА КАНАВЕ

*Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь.
Не стыдися — что за дело,
Это многих славных путь.*

Н.А.Некрасов

Мальчик пошёл наконец в школу, где вовсе не оказался переростком: многие его сверстники во время войны пропустили год-два. В школе учителя учеников, а за ними и ученики друг друга называли по фамилии. Следуя школьной традиции, с этого момента и мы будем называть мальчика по фамилии — Вайсберг. Это тем более оправдано, что так он называет себя сам, а вслед за ним — жена, дочь, близкие друзья и незнакомые граждане. Об уникальном эпизоде, в котором он представился по имени, мы ещё услышим, а пока, для нас с вами, мальчика зовут Вайсберг.

Неисповедимы пути школьных прозвищ. Школьного физика звали «Мензурка», но это — по невежеству, потому что мензуркой следовало бы называть химичку, у которой как раз никакого прозвища не было. Очень пожилую, почти слепую «немку» называли «Прицеп»; её приводила в школу учительница чуть помоложе, по прозвищу «Буксир». Школьного завуча суку Паулину называли «Пуля». Кругломордого хохла Поливайленко из вайсбергского класса называли «жид», а по отношению к себе Вайсберг этого слова никогда не слышал, несмотря на недвусмысленную фамилию и внешность. Вайсберга в школе любили за незлобивый характер, юмор, справедливость и постоянную готовность помочь. Учился он очень хорошо без особого труда, и у него оставалось много времени для общественной жизни.

Общественная жизнь протекала «на канаве». Это был своеобразный форум, римский клуб, палата лордов. Депутатом от несидевших был один Вайсберг, остальные отсидели различные сроки от полутора до пяти лет. Серьёзных бандитов среди них не было, в основном — допризывные дети войны.

Неподалёку от посёлка Расторгуево был дачный посёлок. Дачники — белая кость — жили там летом, а зимой дачи были зако-

На канаве

лочены. Время было очень голодное, и расторгуевские мальчишки залезали в дачи в поисках чего-нибудь полезного, что можно было бы продать или обменять на еду. Их отлавливали и сажали на разные сроки, в зависимости от размера нанесённого ущерба и тяжести сопутствующих обстоятельств. Ближайший друг Вайсберга Пашка Клятов отсидел минимальный срок — полтора года. Пашка залез в какую-то дачу и был на этом пойман. Его отец вернулся с войны тяжёлым инвалидом, не работал и пил по-страшному, а мать — тётя Стеша — работала всякую чёрную работу. Бедствовали они ужасно. Тем не менее, когда Вайсберг забежал к Клятовым в обеденное время, его непременно сажали за стол и наливали столько же похлёбки, сколько остальным членам семьи. Забыть это невозможно, Вайсберг и не забыл. К несчастью, немного подросши, любимый друг Пашка Клятов начал пить наравне с отцом и умер совсем молодым от цирроза печени.

Но вернёмся на канаву. Она проходила вдоль всей Вокзальной улицы, местами углубляясь, местами замирая, а как раз напротив вайсберговской избы обтекала довольно широкую площадку — удобное место встреч и заседаний. Таким образом, Вайсбергу посчастливилось занимать стратегически важную позицию. В школе договаривались: «в три на канаве», или «после физики на канаве». Собирались, обсуждали вчерашний матч Спартак-Динамо, с уважением слушали рассказы «матёрых» уголовников или назначали время проведения футбольных матчей местного значения. Ну, футбольные матчи — это, конечно, гипербола. Ничего ведь у них не было — ни бутс, ни кед, ни другой какой обуви, а самое главное — не было мяча. Играли босиком на небольшой поляне, воротами служили положенные на траву палки. «Мяч» делали из тряпок, сворачивая их в достойного размера клубок, и поддевали его голой ногой, а иногда даже исхитрялись ударить головой, обсыпаясь облаком пыли и начинявшими тряпки мелкими камушками. Но эмоциональный накал игры от этого не страдал.

Ещё играли в козла, в расшибалочку, в пристенок — на мелкие деньги. В спортивных играх у Вайсберга рано проявился и расцвёл незаурядный атлетический талант. Он бегал, прыгал, играл в волейбол, гонял на лыжах быстрее, выше, лучше всех. Его заметили и включили в состав различных команд, представлявших школу на районных соревнованиях. Там были настоящие мячи, настоящие тренеры и настоящая обувь.

Спортивный талант однажды помог Вайсбергу сохранить драгоценный чуб, когда все остальные мальчишки в классе его ли-

шились. Дело было в конце сороковых. В вайсберговский класс (седьмой или восьмой, не важно) явилась завуч Паулина с ножницами в руке и директором школы за спиной. Напомню, что муж Паулины работал «врачом» в Сухановке. Паулина принялась стричь лбы мальчишкам, позволившим себе отрастить модные тогда вихры. Была ли это личная инициатива бдительной Паулины или указание свыше, Вайсберг так и не узнал. Возможно, это было мероприятие в рамках всенародной борьбы со вшами. Застигнутый врасплох класс был в шоке и не сопротивлялся. Щёлкая ножницами, Паулина с директором за спиной постепенно приближалась к Вайсбергу. Когда эта пара оказались в опасной близости, Вайсберг вскочил на спинку своей парты, ловко перепрыгнул на спинку соседней, и так, прыгая через головы восхищённых одноклассников, под бурные аплодисменты уходил от преследователей. Допрыгал до двери и был таков. Урок, на котором это происходило, был безнадёжно сорван. «Выгоню из школы! Без матери не являйся!» — кричали ему вслед дуэтом завуч и директор. Вайсберг принял это указание как руководство к действию и недели две с утра до вечера гонял в футбол с местными корешами. Матери он, конечно, ничего не сказал. Через две недели за ним прислали гонца, велели вернуться в школу. Вайсберг пришёл, на всякий случай вооружённый для необходимой обороны, но его оставили в покое, и он один ходил гоголем со своим роскошным чубом среди изуродованных одноклассников. Забегая вперёд, скажу, что это был, возможно, единственный в жизни случай, когда Вайсберг оказал открытое сопротивление властям.

Конфронтация с Паулиной плюс неблагоприятная фамилия отозвались Вайсбергу отсутствием медали. На медаль в школе шли двое — Вайсберг и его друг Сева Тальковский. Сева получил свою медаль, а вайсберговскую отдали комсоргу класса, чья мама была председателем родительского комитета и буквально не вылезала из школы. По контрасту, вайсберговская мама с утра до ночи работала в госпитале и в школе не бывала совсем. Вайсбергу рассказала потом его любимая учительница Нина Михайловна, преподававшая литературу, что на школу выделили только две медали, и вопрос, кому дать вторую, просто не стоял — её, конечно, отдали комсоргу. У Вайсберга в сочинении нашли какую-то не то лишнюю, не то недоставленную запятую. Он был безупречно грамотен и сомневается, на самом ли деле он недоставил запятую или кто-то стёр нужную, а, может, доставил лишнюю. Но так или иначе, медали его лишили, и в институт пришлось сдавать экзамены.

Тут к месту или не к месту я вспомнила рассказ нашего друга Алёши Эфроса. Алёша окончил школу в середине пятидесятых. Класс его был очень сильный, большинство ребят собиралось поступать в престижные в то время научные или технические вузы — физтех, университет и тому подобное. Занимались день и ночь, готовились к вступительным экзаменам. И лишь один одноклассник по прозвищу «Прыщ», с трудом вытянувший на аттестат зрелости, гулял напропалую и посмеивался над изнурёнными товарищами. «Дураки вы все! — усмехался Прыщ, — поступать надо не в институты, поступать надо в Партию!». И не ошибся. Через несколько лет Алёша встретил его, холёного и лоснящегося, в метро. Прыщ страшно обрадовался: «Вот здорово, что я сегодня отпустил своего шофёра, а то бы мы с тобой не встретились!». Прыщ с блеском осуществил задуманную карьеру и стал партийным боссом, оснащённым персональной машиной и шофёром. Его одноклассникам, к этому времени ставшим уже кандидатами и даже докторами наук, такое и во сне не снилось...

Но вернёмся к Вайсбергу. Итак, медали его лишили, и чтобы поступить в институт, ему пришлось сдавать экзамены. Было это в самом разгаре борьбы с безродными космополитами.

КАК ИНСТИТУТ СТАЛИ ЛИШИЛИ ДЕВСТВЕННОСТИ

Среди всех возможных институтов ВАЙСБЕРГ выбрал Бауманский. Никто ему, наивному, не сказал, что нечего было и думать туда соваться. В Бауманский институт надо было заполнять семиэтажную анкету. Мало того, что его отца звали Александр Исаакович Вайсберг, так он ещё и исчез во время войны и так и не нарисовался. В графе об отце Вайсберг написал: «Отец — Вайсберг Александр Исаакович. Сведений об отце не имею». А что ещё он мог написать?!

Вайсберг очень прилично сдал вступительные экзамены и обеспечил себе огромную фору сверх проходного балла. Несколько дней он почивал на лаврах, но, приехав за студенческими документами, не нашёл своей фамилии в списке принятых. Вайсберг был отчаянно близорук (минус одиннадцать на одном глазу, минус двенадцать на другом, плюс астигматизм). Уткнув нос в списки на стене, он несколько раз прополз глазами от Бу...до Га...и убедился, что ничего не прозевал — его фамилии в списках не было. Это было очень странно. Его расторгуевский приятель сдал экзамены на все тройки и был принят, а у Вайсберга была всего одна четвёрка — остальные пятёрки,— но его фамилии в списках не было. Он отправился за разъяснениями в приёмную комиссию, всё ещё лелея надежду, что это ошибка. Доброжелательная девушка достала папку с его делом. К папке была припилена бумага, на ней было написано крупными жирными буквами: «Дело не рассматривать до получения сведений об отце».

Первые сведения об отце пришли к Вайсбергу через тридцать пять лет, так что с поступлением в Бауманский институт ему пришлось бы подождать несколько десятилетий. К счастью, тут вмешалась и помогла мама. Среди её пациентов были обитатели дачного посёлка, того самого, где в конце войны и первые послевоенные годы орудовали вайсберговские кореша с «канавы». В частности, там жил с семьёй директор Московского института стали (МИС). Вскоре этому институту присвоили почётное имя: он стал Московским институтом стали имени Сталина (МИСИС). По Москве ходила опасная шутка, что Институт Стали изнасиловали: был МИС, стал МИСИС. Кстати, в 1956 году, после XX Съезда Партии, институт опять переименовали — он стал называться Московский институт стали и сплавов, так что аббревиатуру менять не пришлось.

Мать рассказала директору Института стали о вайсберговских проблемах с поступлением в институт и поисками работы. Армия ему, с его близорукостью, не грозила, но с такой фамилией найти приличную работу было нелегко. Директор Института стали посоветовал Вайсбергу поработать у них в институте год лаборантом и в следующем году поступать, уже имея льготу трудовогобессонной стажа. Эта стратегия сработала. Так Вайсберг стал специалистом по конструированию гигантских электро-термических печей.

История с вайсберговским распределением на работу после окончания института была настолько типичной, что о ней даже писать скучно. Но опять сработал блат. Его тётя Галина Васильевна стала известным специалистом-металлургом. С её помощью Вайсберг попал на работу в Научно-исследовательский Институт электротермического оборудования, где и проработал три десятка лет, пока не ушёл на пенсию и не уехал в Америку.

ВАЙСБЕРГ ИЩЕТ ОТЦА, А НАХОДИТ СЕСТРУ

ВАЙСБЕРГ СТАЛ РУКОВОДИТЕЛЕМ СЕКТОРА, КОНСТРУИРОВАВШЕГО фосфорные печи. Эти его экологические бомбы разбросаны по всей территории бывших братских республик и социалистического лагеря. Монтировать печи в республиках Вайсберг ездил сам, а на монтаж в социалистическом лагере посылали проверенных партийных товарищей, так что Вайсберг за границей не бывал. Но однажды — дело было в начале Перестройки — к Вайсбергу подошёл директор института, когда-то работавший под его началом и очень его уважавший. Директор стремительно шёл в гору по партийной линии, и, не случись Перестройка, дослужился бы, наверное, до министра. Он сказал Вайсбергу: «Ситуация, похоже, меняется. Давай попробуем послать тебя на монтаж в Германию». «Ну, давай попробуем», — вяло согласился Вайсберг и начал оформлять документы на поездку. Первый этап оформления был в иностранной комиссии Института. На повестке дня — вопрос о разрешении на поездку Вайсберга Владимира Александровича на монтаж печи в ГДР. «Какой вопрос?! — возмутилась заслуженная сотрудница института, старая партизанка. — Мы что, Володю не знаем?! Пусть едет!». Все согласились, и дело ушло в министерство. Там на повестке дня стоял тот же вопрос о разрешении на поездку Вайсберга Владимира Александровича на монтаж печи в ГДР. «Что это у нас всё Вайсберг да Вайсберг за границу ез-

дит? — поинтересовался старпёр из министерских партийцев, — нам что, больше послать некого?». Все согласились, и вопрос был решён. Вайсберг особо и не надеялся, так что решение министерства его не слишком уязвило. Но вот какой причудливый поворот судьбы: благодаря несостоявшейся поездке в Германию он узнал о существовании сводной сестры и чуть было не встретился с отцом, потерянным полвека назад.

«Вайсберг Владимир Александрович, русский, беспартийный, на оккупированной территории был. Отец — Вайсберг Александр Исаакович, сведений об отце не имею». Согласитесь, даже в разгар Перестройки такая анкета не пахнет Шанелью, за каким бы номером она, эта Шанель, не стояла. Можно было бы, конечно, поменять фамилию на Ильин, но Вайсберг не хотел этого делать из гордости, да и суеты много. Можно было бы вступить в партию — но это уж увольте! Пребывание на оккупированной территории тоже не обойдёшь — это исторический факт, по недомыслию включённый когда-то в одну из первых заполненных юным Вайсбергом анкет. Исправлению могли подлежать только сведения об отце. Без особой надежды Вайсберг обратился в Мосгорсправку и совершенно неожиданно получил ответ: Вайсберг Александр Исаакович, одна тысяча восемьсот восемьдесят девятого года рождения, проживает в городе Лыткарино под Москвой. С ума сойти — совсем рядом, в Лыткарино, мимо которого мы летом каждый день ездили на дачу!

Вайсберг написал письмо по указанному в справке адресу — объяснил, кто он такой и почему разыскивает Вайсберга Александра Исааковича. Ответ пришёл месяца через три — видимо, на том конце переписки ждали, чтобы истёк шестимесячный срок предъявления прав на наследство. Дама, назвавшая себя вайсберговской сестрой, писала, что Александр Исаакович умер в возрасте девяносто пяти лет за пару месяцев до того, как Вайсберг-младший начал его разыскивать. Сообщала, что её зовут Алла, что о существовании сводного брата она понятия не имела, что это для неё большой и приятный сюрприз.

Алла приехала в гости и кое-что рассказала Вайсбергу об отце. Александр Исаакович завёл вторую семью на Дальнем Востоке то ли во время, то ли вскоре после войны. Родилась дочь. В середине шестидесятых семья переехала с Дальнего Востока под Москву, в Лыткарино, где Александр Исаакович опять заведовал больницей. О предыдущей семье он никогда не упоминал. Вайсберга поразило, что отец находился в двух шагах и никогда не поинтересовался судьбой сына.

Алла была моложе Вайсберга лет на пятнадцать. Но дело было не в возрастной разнице: слишком разным был их жизненный опыт. Аллу миновали опасности и лишения вайсберговского детства, она не знала голода и смертей, росла в благополучной семье и была активно счастливым человеком, заряженным позитивной энергией крупного калибра. В свою очередь Вайсберг — человек ипохондрического склада, тихий, тревожный, вечно ждущий от жизни, будь то погода, автомобиль или жена, каких-то подвохов и неприятностей. Его жена Наталья (о ней ниже) даже глагол придумала для его мрачноватых предсказаний: «кассандрить». В воспитательных целях она часто цитирует Вайсбергу Губермана, из неиссякаемого кладезя мудрости которого не устаёт беззастенчиво черпать:

*Будущее вкус не портит мне,
мне дрожать за будущее лень;
думать каждый день о чёрном дне –
значит делать чёрным каждый день.*

Со своим кассандрёжем Вайсберг составлял фон, на котором бушующая энергия его сестры казалась сродни ядерной. Близости между братом и сестрой не возникло. Алла была в разводе и собиралась замуж во Францию. Вайсберг улетел в Америку, и связь между ними оборвалась.

Ильяренко

Русская ветка Вайсберга:
дед Василий Васильевич и бабушка Пелагея Алексеевна Ильины

Еврейский дед Вайсберга
Исаак Вайсберг

Мама

Отец

СЕМЬЯ ОТ БОГА НАМ ДАНА

*Отойдите! Дайте спокойно сделать выбор
между единством и борьбой противоположностей!*

Михаил Туровский

ДАЖЕ САМЫЕ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ ОДНИ И ТЕ ЖЕ СОБЫТИЯ ВОСПРИНИМАЮТ И ОЦЕНИВАЮТ ПО-РАЗНОМУ. Возможно, о своей семейной жизни Вайсберг написал бы иначе. Он был чрезвычайно осторожен в выборе и женился сильно за тридцать. Со сдержанным, немногословным и уклончивым Вайсбергом его избранница, рыжая и необузданная Наталья составляет разительный контраст. От Вайсберга много не узнаешь, поэтому всё, что описано ниже, основано на Натальиной оценке людей и событий, по природе своей исключительно субъективной.

Проницательный читатель насторожился: позвольте, разве автор и Наталья — не одно и то же лицо? Не одно, дорогой читатель. Со времени описываемых событий прошло полвека; той Натальи, о которой пишет автор, больше нет. Сегодняшний автор на Наталью смотрит со стороны — иногда с улыбкой, иногда с недоумением, но себя с ней не отождествляет.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА НАТАЛЬИ С ВАЙСБЕРГОМ. ДЕНЬ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Какое, право, наслажденье
Отметить день грехопаденья,
Когда за рыжую косу
Он полюбил меня в лесу
И в страсти бурной, как в ознобе,
Готов был тотчас пасть в сугробе.
Но, в нём прочтя свою судьбу,
Я увела его в избу,
Где он меня — скажу без лести —
Весьма лишил девичьей чести,
Которой, если вспомнить строго,
И оставалось-то немного...

С тех пор до гробовой доски
Попала я в его тиски.
Но так прекрасна эта клетка,
Что я о том жалею — редко.

События описаны здесь довольно точно, и только ради хорошей рифмы слегка искажён факт избы, в которую привёл Вайсберг Наталью, а не она его. Произошло это восьмого марта, в день их второй встречи. Первая состоялась за неделю до этого на краю высокой крутой горы, куда Наталья вышла на лыжах совершенно случайно. Она отдыхала тогда в Доме творчества архитекторов в Суханово, куда папа достал ей путёвку по благу. Наталья утверждает, что ломать себе шею никакого намерения не имела — просто стояла на краю горы и смотрела с восторгом и завистью, как с неё летят другие. Внезапно рядом с ней возник, по её определению, прекрасный принц: высокий, красивый, в больших очках на интеллигентном лице — такого не каждый день встретишь не только в сухановском лесу. Принц поинтересовался, смазаны ли у Натальи лыжи. Лыжи были не смазаны. «Тогда вам ни в коем случае нельзя ехать вниз. На горе подледенело и раскатывает, а внизу снег под солнцем размок и тормозит». В том году наступила ранняя солнечная весна. Дав Наталье полезный совет, Вайсберг (в те минуты ещё аноним) постоял рядом, глядя на неё молча с явным одобрением. Казалось, он не прочь продолжить беседу, но основные соображения уже высказал и теперь не знает, чем ещё можно заинтересовать эту рыжекудрую лыжницу. Наталья испугалась, что такая интеллектуальная нагрузка ему не под силу, и он вот-вот унесётся от неё навсегда на своих смазанных лыжах. Такой вариант ей не подходил. И пока он стоял в раздумье, Наталья закрыла от ужаса глаза и сиганула вниз. Всё было, как он предсказал: где положено, разнесло, где предсказано — затормозило. Она воткнулась головой в обледеневший жёсткий наст. Когда пришла в себя, Вайсберг откапывал её из снега и приговаривал нараспев: «Я же вас предупреждал!». Этот драматический эпизод дал впоследствии Наталье в руки сильный козырь: вайсберговские упреки в безрассудстве и авантюризме она неизменно парирует сентенцией: «Ты всё знал с первой минуты».

Наталья основательно расшиблась и идти без постронней помощи не могла без всякого притворства. Пришлось Вайсбергу проводить покалеченную до дому и таким образом походя уточнить, где она обитает. По дороге представился: Володя. То, что

он назвался по имени, случай исключительно редкий. Позже он объяснил, что не был уверен, как она отнесётся к фамилии Вайсберг, и не хотел спугнуть: видно, и впрямь был подслеповат. Фамилию его она услышала через неделю, уже в постели.

Они распрощались на пороге сухановского Дворца, и он пообещал забежать в свой следующий выходной день, восьмого марта. Всю неделю Наталья стремительно зализывала раны, чтобы к восьмому марта быть в форме. Их мимолётная встреча оставила в ней глубокий след, и если бы он не пришёл, ей бы было очень больно. Но он пришёл и кружил с ней по лесу часов шесть или семь, до полного её изнеможения. Наконец в пределах видимости обнаружился какой-то посёлок, и он воскликнул: «Смотрите-ка, какая неожиданность — моя хата!». Надо сказать, что эта его стратегия была совершенно излишней. Во-первых, Наталья славится исключительным топографическим кретинизмом, и чтобы сбить её с пути, достаточно сделать один небольшой поворот. Во-вторых, этот «Володя» ей страшно понравился ещё при первой встрече, а когда через неделю она услышала его фамилию — обрадовалась вдвойне. Дело в том, что у Натальи за плечами уже была одна матримониальная попытка, не удавшаяся отчасти из-за контраста фамилий. Её первый муж, человек русско-татарского происхождения, вовсе не был антисемитом, но одна история её сильно насторожила. Вскоре после окончания университета Наталья, её новоиспечённый муж и их приятели записались на соблазнительную кругосветку на научном корабле. Мужа и приятелей постоянно таскали на какие-то комиссии, а Наталью почему-то не трогали. В конце концов выяснилось, что муж написал в своей анкете, что жена у него русская, а Натальину анкету просто не подал на рассмотрение. Наталья рассудила, что раз уж её национальность помешала мужу в такой, в сущности, малости, как заграничная поездка, то чего ожидать, случись в жизни что-нибудь посерьёзнее. Недавние события «дела врачей» крепко держали её за горло и решили судьбу её первого брака.

Но вернёмся в сухановские окрестности. Прокружив много часов по лесу, Вайсберг привёл Наталью в свою избу, и стало очевидно, что хозяин к встрече готовился: на столе стоял маленький гранёный стакан с весенними цветочками, рядом — бутылка вина со странным, от руки через чёрточку написанным названием: Хер-ес. В чём она вскоре и убедилась. Так всё началось и длится почти полвека.

ЛЮБОВНАЯ ЛОДКА И БЫТ

Наталья стала наезжать к Вайсбергу в Расторгуево на выходные дни — сначала гостьей, потом приобщилась к нехитрому хозяйству. Мудрые подруги учили её, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и она урок знала. Наталья привозила с собой антрекоты из настоящего мяса. Сегодня, когда прилавки магазинов ломаются от разнообразных яств — были бы деньги — мало кто помнит те дни, когда хозяйки мгновенно расхватывали мясо в раскалённых очередях, и на прилавках оставались только вонючие кости, которые Вайсберг даже псу своему не варил. Пёс Вайсберга Руслан («Собака Вайсбергили», по меткому определению Володи Мкртычана) был немецкой овчаркой отличных кровей, умный и добрый. Наталью признал и полюбил сразу. В гастрономе недалеко от своей работы Вайсберг доставал для него по благу хорошие чистые кости — перед вайсберговским обаянием и красотой пассивали даже продавщицы мясного отдела. Но обаяния и красоты хватало лишь на кости для Руслана — хорошее мясо для себя Вайсберг добывал редко. Вот тут-то и вступала в дело Наталья: у неё, как сотрудницы института Академии Наук, был доступ к буфету ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, кто не помнит). Профсоюзных деятелей кормили вкусно и обильно, и после них ещё кое-что оставалось для учёных окрестных институтов Академии наук. Учёных по договорённости пускали в ВЦСПС пообедать, когда отобедают хозяева. Порой там удавалось ещё и прикупить в буфете деликатесы для дома — к примеру, хорошие антрекоты. Наталья привозила их Вайсбергу. Но в выходные дни, бегаая на лыжах часов по пять-шесть по великолепному сухановскому лесу, они оба нагуливали зверский аппетит. И поджарив мясо, Наталья вступала с Вайсбергом в поединок на равных, без уступок и форы.

Однажды приезжает, а на пороге избы лежит грудная клетка в хорошем состоянии, чистая, белая, с полным набором рёбер. Наталья её осторожно отодвинула и вошла в избу:

— Что это у тебя там на пороге?

— А что там на пороге? — переспрашивает Вайсберг каким-то слишком уж индифферентным тоном — дескать, человек занят делом, а к нему лезут со всякими глупостями.

— Грудная клетка чья-то.

— А-а, не обращай внимания. Это моя предыдущая баба.

— Предыдущая баба?! Что с ней стряслось?

— Жрала много.

Этот недвусмысленный намёк впрок Наталье, однако, не пошёл, и она упорно продолжала играть на поле противника. В конце концов Вайсберг всё-таки на ней женился — надо было только терпеливо подождать ещё несколько лет.

Если Вайсберга беспокоило Натальино обжорство, то Наталью тоже кое-что тревожило. Ей казалось, что у Вайсберга совсем нет друзей — она никогда никого у него не встречала. Позже оказалось, что друзья у него, конечно, были, но из каких-то своих соображений — Наталья так и не узнала, каких именно — Вайсберг её очень долго от друзей скрывал. Как-то раз это поставило его в весьма неловкое положение. Телефона у Вайсберга в избе не было. О мобильниках тогда вообще не слышали — до их века оставалось ещё лет сорок. Наталья являлась в Ресторгуево без звонка. Приезжает как-то раз субботним утром и слышит в избе голоса. Один — высокий тенор, почти дискант, другой — глубокое контральто, чтобы не сказать бас. Чудеса! Впервые за их многомесячный роман в избе к Натальиному приезду оказался кто-то чужой. Секунду поколебавшись, она вошла. Вайсберг лежал в постели, горло было обмотано тёплым шарфом, глаза совершенно больные. Кроме него в избе находились двое: худощавый парень (ему принадлежал высокий тенор) и крупная темноволосая дама с усиками (ей принадлежало низкое контральто). Натальиным вторжением была спровоцирована немая сцена, достойная пера Гоголя. Вайсберг был в жутком замешательстве. Худощавый парень, оказавшийся впоследствии его близким другом Мишкой Зубковым по прозвищу Зуб, разглядывал Наталью с живым интересом. Дама с усиками была явно не в восторге от её появления. Наталья мысленно раскрутила эту ситуацию так: видимо, Зуб узнал о болезни друга и примчался его навестить, захватив с собой вайсберговскую бывшую подругу, существование которой, в отличие от Натальино, было среди друзей легализовано. Надо было как-то выходить из положения. Не найдя ничего лучшего, Наталья сказала:

— Здравствуйте. Я привезла вам антрекоты. Сейчас я их поджарю.

— Сковородки там,— с готовностью отозвалась дама, обозначая тем самым знакомство с инфраструктурой избы.

— Сковородки раньше были там, теперь они здесь,— парировала Наталья, обозначая в свою очередь, что знакомая даме инфраструктура в далёком прошлом, а теперь здесь всё по-иному.

Какое-то время они продолжали этот нагруженный глубоким подтекстом, запредельный по идиотизму диалог, к великому на-

слаждению Зуба. Антрекоты тем временем подоспели, больной поднялся к столу, и обед прошёл в обстановке вооружённого нейтралитета ввиду того, что все заинтересованные стороны проявляли чудеса дипломатии. Вайсберг, однако, не мог скрыть тревоги. Накормив публику, Наталья вымыла посуду (полотенце раньше было там, теперь оно здесь) и сообщила, что роль свою считает выполненной, за жизнь больного больше не тревожится и покидает общество для выполнения других, тоже абсолютно неотложных дел. С этим вышла из избы в морозную солнечную субботу. Больной Вайсберг выскочил за ней вдогонку босиком. Злобным окриком Наталья отправила его обратно и поползла в сторону станции, по дороге укрывшись в небольшом переулке. Сумочку свою она, натурально, забыла в избе. Догадливый Зуб смекнул, что дальнейшее их с подругой присутствие больному не на пользу, и вскоре Наталья увидела из своего укрытия, как они проследовали в сторону станции. В отличие от Натальи, бывшая подруга несла свою сумочку.

Наталья смотрела им вслед с ощущением важной победы. В ту пору её с Вайсбергом отношения были ещё неопределёнными и зыбкими, и ей очень хотелось иметь подтверждение их серьёзности сверх доказательств, предъявляемых им по ночам. То, что больной Вайсберг бросился вслед за ней босиком на мороз на глазах у бывшей подруги, Наталья расценила как весомое очко в свою пользу.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Наталья осторожно намекала, что хорошо бы всё стабилизировать и узаконить. Воспользовавшись удобным случаем, из горного лагеря Дома Учёных в Архызе послала Вайсбергу ко дню рождения поздравительную телеграмму: «Чсть завтрашнего праздника совершу четырёхдневное восхождение Пик Вайсберга тчк Будь здоров женат счастлив тчк». Вайсберг, однако, был крепкий орешек. Вернувшись из похода, Наталья нашла в лагере ответную телеграмму: «Чсть вчерашнего праздника совершил четырёхчасовое восхождение пивной бар «Плзень» тчк Немедленно приступаю исполнению пожеланий».

Но отношения постепенно крепили, и когда Наталья убедилась, что под ними твёрдая платформа, её совершенно перестало волновать отсутствие штампа в паспорте. В результате они с Вайсбергом довольно много лет «жили во грехе». Это обстоятельство, однако, имело большие неудобства, когда они собирались

куда-нибудь вместе поехать: ни остановиться в одном номере в гостинице, ни получить общую каюту на корабле они не могли. Только туристские палатки да снятые где-нибудь в Крыму или на Кавказе комнаты были им по статусу. Даже присутствие дочери, в свидетельстве о рождении которой были ясно обозначены отец и мать, не давало им права на общий номер в гостинице.

В этой связи вспоминается история, происшедшая на глазах у Натальи в шестидесятые годы в центральной гостинице города Алма-Ата. Она приехала с коллегами на международный симпозиум. Одиночных номеров, если кто не помнит, в гостиницах тогда не было (разве что люксы для специальных гостей). Обычных приезжих селили в номера на двоих, а то и на троих-четверых, с совершенно чужими людьми. Наталья подруга Зойка приехала со своим родным братом Мусиком, оба — сотрудники Академии наук, Зоя — кандидат наук, Мусик уже доктор. Фамилия у них была общая, и они попросили администраторшу, чтобы их поселили вместе. Та отказала: «У вас нет штампа в паспорте». — «Конечно, нет, — согласился Мусик, — мы же брат и сестра, а не муж и жена». — «Без штампа в паспорте вместе не селим, — отрезала администраторша, твёрдо охранявшая редут коммунистической морали. — Вы поселитесь с мужчиной, а она с женщиной» — «А вам не кажется, — поинтересовался Мусик, — что грех кровесмешения гораздо реже, чем однополая любовь?!». Наталью сразил блестящий Мусиков аргумент, но администраторша против него устояла, и Зое с Мусиком пришлось жить в разных номерах с чужими людьми.

Ситуация Натальи и Вайсберга была ещё хуже: у них были разные фамилии и разные прописки. По советским нормам эта пара, претендующая на общую каюту на пароходе или номер в гостинице, демонстрировала вопиющий разврат. Камнем преткновения для ликвидации разврата служил пёс Руслан — для немецких овчарок он был долгожителем. Переселить старого пса в Москву не представлялось возможным. Руслан страдал от слепоты и артрита, его нужно было кормить и лечить, и Вайсберг продолжал жить в Расторгуеве, а в Москве бывал наездами. Регистрировать брак, живя врозь, казалось нелепым.

Однажды Наталья с Вайсбергом собрались в путешествие на корабле по Волго-Балту. Жить в одной каюте им не светило, но тут в ситуацию включился Натальин папа: он выдал им Свидетельство о Браке, написанное от руки на именном бланке профессора-патологоанатома. Вот его текст:

Профессор
Я.Л.Рапопорт
Институт Грудной Хирургии АМН СССР
Москва, Проспект Ленина, 8; Телефон В 2-52-65

В Туристическое Бюро Министерства Обороны СССР

Я, отец Рапопорт Н.Я., кандидата химических наук, научно-го сотрудника Института Химической Физики АН СССР, свидетельствую, что она состоит в браке с Вайсбергом В.А., не оформленном по семейным и бытовым обстоятельствам. Оформление брака намечено на осень 1970 года. Прошу не чинить препятствий к выдаче им путёвок по формальным обстоятельствам.

Заслуженный деятель науки,
Профессор Рапопорт
15 августа 1970 года

<p>Профессор Я. Л. РАПОПОРТ Москва ИНСТИТУТ ГРУДНОЙ ХИРУРГИИ АМН СССР Проспект Ленина, 8 Телефон В 2-52-65</p> <p>В Туристическое Бюро Министерства Обороны СССР</p> <p>Я, отец Рапопорт Н.Я., кандидат химических наук, научный сотрудник Ин-та химической физики АН СССР, сви- детельствую, что она состоит в браке с Вайсбергом В.А., не оформленном по семейным и бытовым обстоятельствам. Оформление брака намечено на осень 1970г. Прошу не чинить препятствий к выдаче им путевок по формальным об- стоятельствам.</p> <p>Заслуженный деятель науки, Профессор 15 августа, 1970г.</p> <p><i>Я.Л. Рапопорт</i></p>

Поразительно, но этот, мягко говоря, нестандартный документ сработал! В конце концов, как и было обещано Министерству обороны, морозным декабрьским днём 1970 года Наталья с Вайсбергом оформили отношения через ЗАГС и сыграли весе-

лую свадьбу, но годовщины брака отмечают всё-таки не в декабре, а по факту — восьмого марта, в день грехопадения.

У Губермана где-то описано, как во время церемонии бракосочетания Давида Самойлова его пятилетняя дочь выскользнула из толпы гостей и с криком «мамочка, папочка!» бросилась к родителям. Дама с красной лентой через плечо, державшая в этот момент речь об обязанностях, налагаемых созданием новой ячейки советского общества, от удивления ляпнула: «Кто это?», на что кто-то из гостей ответил: «А это их будущий ребёнок». Дабы избежать подобной ситуации, пятилетнюю Вику Наталья с Вайсбергом на свою церемонию не взяли.

Вступив в официальный брак, Вайсберг раздал всем членам семьи высокие должностные посты. Наталья получила статус Главного Искусоведа, дочь Вика (вв) — Главного Художника и Министра Беспорядка, кот Афанасий — Главного Кота, себе (ВВ) Вайсберг отвёл скромную, но ключевую роль Начальника Отдела Снабжения и Директора Продовольственной Программы, по совместительству исполняющего обязанности ЗамНачСексИнформо.

Среди прочих несомненных достоинств, Вайсберг покорила Наталью замечательным чувством юмора. В те годы он много и удачно шутил.

У Губермана есть замечательные строчки:

«Из нас любой, пока не умер он/себя слагает по частям/из интеллекта, секса, юмора/и отношения к властям».

Из этих же компонентов слагал себя и Вайсберг.

...В каком-то далёком теперь году православная Пасха пришлась на двадцать второе апреля — день рождения Владимира Ильича Ленина, кто не помнит. «Редкий случай в православном календаре, — заметил Вайсберг — Пасха совпала с Рождеством!». Эта его шутка очень понравилась Юлию Даниэлю,* и он её широко цитировал.

* Молодой читатель, возможно, не слышал о громком судебном процессе над двумя российскими писателями, Юлием Даниэлем и Андреем Синявским, печатавшими во Франции резкую сатиру на советскую власть под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц. В течение десяти лет КГБ пытался разгадать, кто из ныне живущих русскоязычных писателей скрывается под этими псевдонимами. Об обстоятельствах, при которых их поймали, читайте в книге Натальи Рапорт «То ли был, то ли небыль», издательство «Феникс», 2004 г. Даниэля и Синявского судили и, к возмущению советской и мировой интеллигенции, отправили в мордовские лагеря. С суда над Даниэлем и Синявским началось в Советском Союзе диссидентское движение.

С Юлием Даниэлем и его женой, художником и искусствоведом Ириной Уваровой, Наталья тесно дружила и проводила у них гораздо больше времени, чем Вайсбергу бы хотелось. Чтобы порадовать Вайсберга, Ирина посылала ему в баночках мелкие гостинцы, которые искусно пекла. Субботним утром Вайсберг спрашивает Наталью:

— Хочешь, я дам тебе задание на целый день и большую часть вечера?

— Что надо сделать?

— Отнеси Ирине её баночки.

...Как-то Наталье пришлось служить переводчицей для приехавшей в институт группы иностранцев. Это случилось впервые, и она дико уставала. Пожаловалась:

— Казалось бы, языковая практика, с каждым днём должно становиться всё легче, а мне с каждым днём говорить всё труднее.

— Что ж тут удивительного,— откликнулся Вайсберг.— Ты каждый день необратимо расходуешь свой словарный запас.

...Друг семьи Вульф Слободкин — большой меломан. Однажды он целый месяц безуспешно пытался купить проигрыватель с устраивавшим его звуком: в одну субботу покупал, в другую возвращал обратно и покупал следующий. Наталья — единственный в их кругу человек с машиной — была обречена каждую субботу возить Вульфа менять проигрыватели. В конце концов Вайсберг взбунтовался: «Слушай, если Вульфу так не везёт с проигрывателями, может, он для разнообразия купит себе выигрыватель?»

Наталья с Викой пытались держать заданную Вайсбергом планку. Тут надо объяснить, что обозначенный в вайсберговских документах возраст был во время войны уменьшен на год с целью продления действия полагавшейся ему детской продовольственной карточки — по детским выдавали чуть больше продуктов, чем по взрослым. Сама идея и её исполнение принадлежали вайсберговской маме. Они с сестрой, ничтоже сумняшеся, взяли вайсберговское свидетельство о рождении, чернильницу с фиолетовыми чернилами и школьную ручку, и в числе 1931 переправили единицу на двойку. Получилось хорошо. В те годы свидетельство о рождении печатали на невыразительных бумажонках меньше половины теперешнего бумажного листа, а вайсберговский документ вообще видал виды, пройдя через тяготы бегства и оккупации. Подлог сработал, и Вайсберг целый год ел чуть больше, чем ему полагалось по советскому закону, но

всё равно был страшно бледен и тощ. Подложный год рождения перешёл потом из свидетельства о рождении в паспорт. Вайсберг не вспоминал о потерянном годе, пока не подошло время оформления пенсии. Спустя полвека он попытался его вернуть. И, представьте, попытка увенчалась неожиданным успехом: в селе Стрелица чудом сохранилась книга рождений за 1931 год! Оттуда прислали официальную выписку в московский районный ЗАГС, и в вайсберовских документах появился истинный год рождения.

В ответ на эти события к своему пятидесятилетнему юбилею Вайсберг получил письмо следующего содержания.

Уважаемый тов. Вайсберг!

В отделении ЗАГС Ленинградского р-на с 1.III с.г. работает комиссия по борьбе с приписками. Комиссия установила, что в 1981 году вам был приписан лишний год.

Просим вас явиться 1.IV.1983 в Нарсуд для выяснения вашего вопроса. При себе иметь следующие документы:

- 1. Справку о моменте зачатия.*
- 2. Три фотографии в профиль и фас во внутриутробном периоде.*
- 3. Свежеудалённый орган, по изотопному составу которого можно было бы точно установить ваш истинный возраст.*
- 4. Справку от супруги с печатью Первого Отдела Вашей организации, удостоверяющую Ваш фактический (биологический) возраст по различным видам активности.*

*Секретарь комиссии по борьбе с приписками
А.А.Недописов*

Одним словом, они жили весело, несмотря даже на хроническую нехватку денег, по поводу которой Вайсбергом был составлен следующий протокол.

ВЫПИСКА

Из Протокола рассмотрения бедственного материального положения (б.м.п.) старшего научного сотрудника (ст.н.с.) доктора химических наук (д.х.н.) Рапопорт Н.Я.

- 1. Рассмотрен вопрос о б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я.*
- 2. Установлено следующее:*
 - а) Доход (До_{ох}) находящейся в б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я. составляет не более 300 (трёхсот) рублей в месяц.*

б) Б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я. является следствием закона, имеющего следующее математическое выражение:

$D_{ox}/P_{acx} \ll 1$ так как при $D_{ox} = Const, P_{acx} \rightarrow \infty$ (поясню: согласно этой формуле доход, поделённый на расход, много меньше единицы, потому что доход постоянен, а расход стремится к бесконечности).

в) Виновным в б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я. является её муж Вайсберг В.А. (по определению).

3. Решение

а) Чтобы впредь было неповадно, взыскать с поименованного Вайсберга в пользу находящейся в б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я. единовременные алименты в размере его (Вайсберга) должностного оклада — 200 р.

б) Если в дальнейшем не прекратит, выгнать вон с конфискацией имущества в пользу находящейся в б.м.п. ст.н.с. д.х.н. Рапопорт Н.Я.

в) Обжалованию не подлежит.

Кстати, о Натальиной докторской степени. Вайсберг в самом прямом смысле приложил к ней руку, поскольку вписывал красивым чертёжным почерком семиэтажные химические и математические формулы в каждый из пяти экземпляров диссертации. Тут уместно сообщить молодому читателю, что в 1985 году, работая в Институте химической физики Академии наук СССР, Наталья ещё ни одного компьютера в глаза не видела. Черновик диссертации она печатала на машинке «Эрика», а начисто диссертацию перепечатывала профессиональная машинистка, оставляя места для формул. Вайсберг вписывал их от руки, макая рейсфедер в чёрную тушь. Если ошибался, осторожно срезал написанное бритвой и вписывал заново. Работа была ювелирная, а точнее — адская!

На банкете по поводу Натальиной защиты народ резвился вовсю. Вайсберговский нечеловеческий труд по оформлению Натальиной диссертации был отмечен весьма уважаемыми организациями: Президиумом Академии наук СССР и Академией художеств.

Глубокоуважаемый тов. Вайсберг!

Решением Общего Собрания Академии Наук СССР Вы признаны лучшим специалистом по химической физике среди инженеров печного профиля. Ваша неустанная творческая деятельность по стимулированию развития этой области науки даёт основания

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В ШЕСТИ КАРТИНАХ

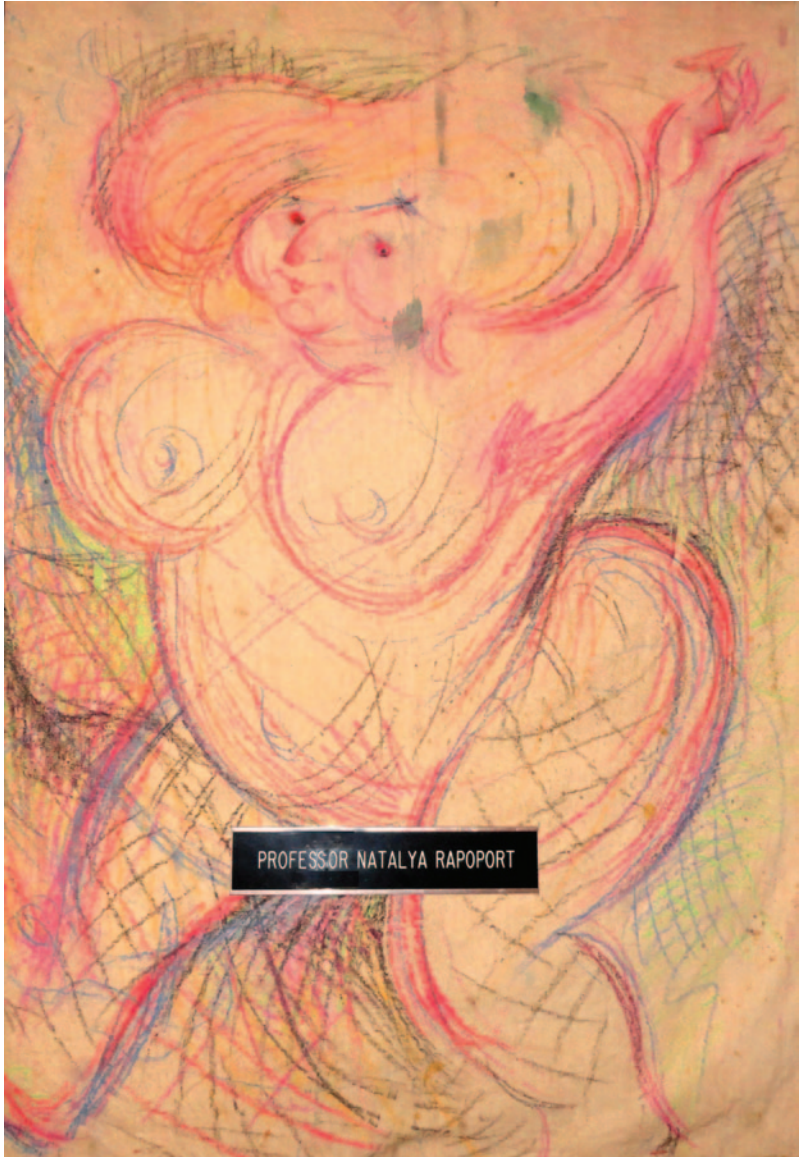
Рассказана Викторией Рапопорт в 1986 году
к Натальиной докторской защите

Врёшь! Не уйдёшь!!!

Как вы относитесь к своей мировой славе?

Открытие бюста на родине героя

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

Случай Вайсберга был довольно редким в советской практике: достаточно крупным сектором руководил человек беспартийный. Но партийный или беспартийный, а к советской власти Вайсбергу приходилось применяться и соответствовать. К примеру, выводить сектор на праздничную демонстрацию. Один такой эпизод, связанный с ноябрьской демонстрацией позднебрежневских времён, остался у всех в памяти. К демонстрации в вайсберговском секторе относились серьёзно, начинали готовиться за неделю, распределяли, кто купит водку, кто пиво, кто нехитрую закуску. Вайсбергу как начальнику и правофланговому доверяли нести знамя. В тот ноябрьский день погода была ужасная: промозгло, серо, мрачно, то дождь, то колючий снег. Путь к Красной площади в толпе таких же мучеников всенародного энтузиазма начинался от Таганки. Продвигались медленно, то и дело забегая в какую-нибудь подворотню или подъезд «погреться». В очередной раз выходят из подъезда, а демонстрации нет — улица пуста, одинокие прохожие снуют туда-сюда по своим личным делам, как молекулы в беспорядочном броуновском движении. Где демонстрация?! Разогнали?! В критической ситуации Вайсберг как начальник принял единственно возможное решение: мчаться на рысях с развёрнутым знаменем к Красной площади. Там на входе их остановила милиция. Оказалось, что демонстрацию действительно свернули, потому что Брежнев замёрз, стоя на Мавзолее. Расходитесь по домам, посоветовали милиционеры Вайсбергу и его подчинённым — от них благоухало за версту, и не подумайте, что «Шанелью».

Случайно выглянув в кухонное окно, Наталья с Викой увидели такую картину: по двору нетвёрдой походкой шествовал их муж и отец с развёрнутым знаменем красного шёлка в поднятой руке, как раненый комиссар с картины Петрова-Водкина. В таком виде, не опуская развёрнутого знамени, ввалился в дом. «Что ты такое принёс?!» — возопили дуэтом Наталья с Викторией. «Очень нужная вещь, — объяснил пьяный Вайсберг, — будут погромы, будем вывешивать из окна». Вайсберга уложили спать, знамя аккуратно свернули, и в таком виде оно осталось жить в московской квартире вплоть до вайсберговского отъезда в Америку. Натальины подружки приходили, щупали шёлк, цока-

ли языками, просили отрез на кофточку, но Наталья блюла честь мундира и знамя в обиду не давала.

Неожиданное применение этому предмету нашла дочь Виктория — ей было тогда лет пять-шесть. На следующий день после описанных событий, вернувшись с работы домой, Наталья с Вайсбергом застали Вику стоящей столбиком около холодильника в коридоре, со свёрнутым знаменем в руке. Когда они вошли, Вика даже не пошевелилась. «Что происходит? — забеспокоилась Наталья — Что ты делаешь?» Не отрывая взгляда от противоположной стены, Вика тихо прошептала, почти не разжимая губ: «Я не могу с тобой разговаривать. Я часовой у Мавзолея». И тут Наталья с Вайсбергом увидели, что на двери холодильника крупными пластилиновыми буквами выложено: «ЛЕНИН».

Вика ходила тогда в расположенный напротив их дома детский сад Московского комитета партии. Получала там адекватное учреждению воспитание. В этот сад её устроил дедушка как заслуженный орденосец и ветеран Великой Отечественной войны, награждённый Орденом Ленина. Прежде Вика посещала районный ясли-сад, куда ходила с чёткой периодичностью: два-три дня в саду — две-три недели в постели с высокой температурой и тяжелыми осложнениями. В районном саду в каждой группе было тридцать детей, а отдельной комнаты для дневного сна не было. Нянечке приходилось каждый день снимать с антресолей и водружать обратно тридцать раскладушек. Нянечка решала эту проблему незатейливо: укладывая зимой детей спать, раскрывала настежь окно — кто выживет, тот выживет. Выживала примерно половина, но Вика в эту половину не входила. Положение было отчаянное: Вика на глазах чахла, Наталья больше сидела с ней дома, чем работала. Тут некто осведомлённый посоветовал наталиному папе Якову Львовичу обратиться в детский сад Московского комитета партии, расположенный, как оказалось, в двух шагах от их дома. Вика начала ходить туда лютой зимой. Семья ждала в тревоге. Проходит три дня; пять; десять, месяц и два — Вика здорова! Низкий поклон за это МК КПСС!

Но жизнь вяжет свои кружева из любого материала. Вернувшись после первого дня в новом саду, Вика спросила Вайсберга:

— Ты в какой цекЕ работаешь?

— Я? Ни в какой. Я инженер, инженеры не работают в цекЕ.

Вика ужасно расстроилась:

— Как же так? У всех детей папы работают в цекЕ, а ты — инженер?

— Зато у тебя дедушка — ветеран Великой Отечественной войны и награждён орденом Ленина и ещё многими орденами.

— Это не считается,— запричитала Вика.

— Кто тебе такое сказал? — удивился Вайсберг.

— Нянечка Светлана Александровна.

Нянечка Светлана Александровна делила детей по ранжиру, соответствовавшему положению родителей в партийной иерархии. С беспартийным отцом-инженером Вика была на самой низкой ступени этой лестницы, ниже падать было некуда. Но, как известно, спасение утопающих есть дело рук самих утопающих, и Вика взяла инициативу в свои руки. Чтобы сгладить неприятное впечатление от социальной непригодности отца, она отнесла в подарок нянечке Светлане Александровне беззаботно оставленное Натальей на тумбочке старинное золотое кольцо, подарок родителей. Самое поразительное, что нянечка этот подарок приняла. Потребовалась большая изобретательность, чтобы вернуть кольцо и при этом не нанести ущерб ребёнку, отданному на несколько лет нянечке в рабство. Пришлось купить другое кольцо, тоже золотое, и уговорить нянечку поменяться — дескать, ребёнок перепутал предназначенное в подарок кольцо. Инцидент был таким образом исчерпан, отец-инженер ребёнка прощён, и мосты успешно наведены.

САМОВЫМЫШЛЕННИКИ

Страна бурлит, колышется,

Шумит, воюет, пьёт,

Сама с собою мирится,

Сама в себя плюёт.

Тимур Шаов

ПОТРЯСАЮЩЕЕ ПО ТОЧНОСТИ ПОПАДАНИЯ СЛОВО, вынесенное в заглавие, придумала вайсберговская копировщица Лида. Лида была гениальна в своём словотворчестве. Тяжёлая шизофрения не мешала ей быть великолепной копировщицей. Работая, она что-то непрестанно бормотала себе под нос, время от времени выступая с громкими заявлениями типа: «А Жохринтосовых вообще никаких не было! Нигде и никогда!».

Когда Вайсберг вписывал формулы в Натальину диссертацию, Лида подошла, заглянула ему через плечо и вдруг произнесла

с расстановкой, громко и убеждённо: «Эта реакция не пойдёт!» Вайсберг передал её рецензию Наталье, и она серьёзно встревожился: вдруг Лида причастна к научным тайнам, и формула неверна?! К счастью, у официальных оппонентов таких сомнений не возникло.

Время от времени Лида попадала в больницу, где её, по-видимому, лечили электрошоком — «ляпали». Её продолжали «ляпать» и по выходе из больницы, и занимался этим, по её представлениям, не кто иной, как сам Брежнев и его приближённые — «самовымышленники»! Вайсберг принёс это слово домой, и Наталья поразилась его меткости и ёмкости.

Вайсберг Лиду опекал и защищал, но судьба её была грустной. Когда перед отъездом в Америку Вайсберг вышел на пенсию, кто-то из новых сотрудников вызвал психиатрическую перевозку. Лиду увезли и больше её никто не видел. Нигде и никогда...

ПАРНЯ В ГОРЫ ТЯНИ — РИСКНИ

Горная деревня Архыз в Карачаево-Черкессии, откуда Наталья когда-то намекала Вайсбергу, что им не худо бы пожениться, приглянулась Московскому дому учёных. Там устроили палаточный лагерь, ставший для Натальи, Вайсберга и Вики постоянным местом летнего отдыха. День рождения Вайсберга в конце июля они обычно отмечали где-нибудь под Софийскими водопадами. Вот сидят вечером у костра, а откуда-то сверху, с горы, группа товарищей катит огромный валун. Подкатили, отдышались и сняли с валуна прикреплённый к нему кусок бересты с такими письменами:

На берегах Софийских рек
Лежал сей камень много век.
В такой торжественный минут,
Его неся, мы к вам бредут.
Не пропадёт наш скорбный труд:
Такой подарок не сопрут!
Мы поздравляем в этот час
Володю — славного среди нас.
Пускай живёт он столько год,
Пока течёт Софийский вод.
Привет Наташе Рапопорт,
Что украшает наш курорт,

И мы не будем возражай,
Когда вы мальчика рожай.
И пусть Виктория, ваш дочь,
Не ест, не пьёт, не спит три ночь:
Портрет напишет к юбилей
Для Третьяковской Галерей.

Положа руку на сердце, Наталья не была рождена для такого вида отдыха. Она ползла с группой в горы, стараясь не отставать и не задерживать, а нетренированное сердце рвалось из груди и билось где-то в горле, готовое в следующую секунду вырваться наружу. Добавьте к этому патологическую боязнь высоты. Переправы по брёвнам над бушующими горными потоками — неотъемлемая составляющая Архызских походов — снились ей в ночных кошмарах. Она одолевала эти переправы вслепую, закрыв глаза и намертво вцепившись в вайсбергговскую спину. Пятилетняя Вика перебегала по брёвнам сама, и это зрелище было для Натальи хуже её собственных переправ...

О комфорте такого «отдыха» говорить вообще не приходится. В августовские дни, вылезая по утрам из палаток, они, бывало, оскальзывались на мелких лужицах, покрывшихся за ночь тонким ледком. Покидать в этих условиях тёплый спальник было подвигом воли и мужества.

Словом, отдыхать Наталья начинала, только садясь в обратный поезд. Что же несло её в Архыз каждый год? Преодоление? Вероятно, и это, но не только. Зимой Наталью, где бы она ни была, мучило и гнало с места утомительное ощущение, что она не там, где должна сейчас находиться. Только в горах да на Даниэлевской кухне это ощущение проходило. Может, предки её пасли скот где-нибудь на горных склонах Португалии, и постоянная тоска по горам была записана у неё в генах?

Вайсберг был бы не прочь вместо Архыза поваляться где-нибудь на Черноморском побережье, но Наталья такой вариант не обсуждала: Архыз — и точка. Однажды — Вики в том году с ними не было — они решили всё-таки на несколько дней перебраться из Архыза на побережье. Путь к морю лежал через два перевала и был им известен в самых общих чертах. Они ушли из Архыза вдвоём, без палаток, без карты, без какой-либо связи с миром, запасшись на несколько дней пути куском холодного мяса. Вскоре оказалось, что тропа, по которой им рекомендовано было идти, завалена сошедшими за зиму лавинами. Приходилось то и дело наводить переправы и форсировать туда и сюда

бушующую горную реку. Всё это могло кончиться очень плачевно: случись что — помощи ждать было неоткуда. На их отполированные временем скелеты, возможно, наткнулся бы спустя столетия какой-нибудь забредший в эти глухие места путешественник...Но обошлось!

Безумная идея штурмовать вдвоём Большой Кавказ, как и другая, ещё более безрассудная — о ней речь впереди — принадлежала, конечно, Наталье. То ли у неё совершенно отсутствовал инстинкт самосохранения, то ли была абсолютная вера в своего ангела-хранителя. Но, так или иначе, в горах Наталья теряла чувство реальности и безумствовала. Сейчас можно только диву даваться, что осторожный Вайсберг почти безропотно шёл у неё на поводу.

Второй заслуживающий внимания случай, навсегда оставшийся у обоих в памяти, произошёл, как это ни смешно, в Гаграх, куда они приехали в конце апреля на майские дни. С берега Наталья приглядела заросшую самшитом гору и тотчас вознамерилась на неё взойти. Идея казалась невинной и цель вполне достижимой — надо было только подняться на вершину горы по крутому боковому склону, сделать траверс поверху и спуститься по более пологому склону, обращённому к морю. Отдадим должное Вайсбергу — он сильно сомневался в реальности этой затеи. Времени у них было мало — от завтрака до обеда. Они ушли тёплым апрельским утром в маечках и шортах, оставив Вику — ей было тогда года три или четыре — на попечении хозяйки снятой ими квартиры.

Пройдя немного по ущелью в поисках удобной для подъёма тропы, они наткнулись на опущенный шлагбаум с прикреплённым к нему объявлением, что в ущелье медведи и вход туда запрещён. Вайсберг хотел немедленно повернуть обратно, но Наталья заявила, что, во-первых, объявление запрещает идти в ущелье, а не в гору, и, во-вторых, можно попытаться подняться в гору прямо с этой точки, не переступая порог шлагбаума. И тотчас полезла вверх. Вайсбергу ничего не оставалось, как лезть за ней следом.

Они карабкались вверх, цепляясь за ветки самшита и подтягиваясь, а гора становилась всё круче. Иногда где-то недалеко раздавался треск, словно ветки ломались под чьими-то тяжёлыми шагами. Наталья вопросительно смотрела на Вайсберга — медведь? Вайсберг молчал.

Так они карабкались уже несколько часов, а вершины всё не было видно...Забегая вперёд, сообщу, что путь до вершины этой

горы у опытных горных туристов занимает три с половиной дня, а с боковой стороны, которую облюбовала Наталья, подняться туда вообще невозможно, потому что путь преграждает высокая скала с отрицательным уклоном, не видимая с моря. Эту информацию они получили три дня спустя в отделении милиции, куда явились за своими паспортами — их отнесла в милицию хозяйка квартиры после исчезновения бросивших ребёнка постояльцев.

В какой-то момент даже Наталье стало ясно, что необходимо возвращаться. Спускаться оказалось невероятно трудно. Они давно потеряли путь, по которому лезли вверх, и, двигаясь теперь вниз с невероятными усилиями, неожиданно вышли на край той самой скалы с отрицательным уклоном, о которой упомянуто выше. Чтобы как-то её миновать, снова полезли вверх, забирая по диагонали вправо, в сторону моря. Попытались спуститься с этой точки — и опять оказались над скалой. Они совершили несколько бесплодных попыток — все они выводили на край проклятой скалы. Оттуда им было слышно, как гудят проносящиеся внизу по шоссе автомобили, но пути вниз не было.

Между тем начало темнеть и стали сгущаться тучи. Было ясно, что в этот день им уже не спуститься, и надо искать способ провести ночь на горе. Им сказочно повезло: в какой-то момент они наткнулись на вырванное с корнями дерево. Оно лежало почти горизонтально на деревьях, растущих ниже по склону, а в земле от его корней осталось небольшая выемка, где можно было сидеть. Там Наталья с Вайсбергом устроились на ночь.

Тьма упала внезапно, хоть глаз выколи. Сразу стало очень холодно и пошёл дождь, а потом началась гроза. Всё вокруг сверкало, и грохотало, и лило. Они были в майках и шортах, и был конец апреля. Гроза кончилась внезапно, и снова наступила кромешная тьма. В этой тьме перед ними вдруг бесшумно возник ярко светящийся глаз. Волк?! Вайсберг нашарил то ли ком земли, то ли камень, швырнул в горящий глаз и зарычал страшно. Глаз как будто исчез. «Ушёл?» — спросил Вайсберг. «Ушёл, но сейчас приведёт на обед всю стаю». И действительно, вскоре глаз появился снова. Потом второй. Потом ещё и ещё. Они передвигались бесшумно, и — что удивительно — независимо друг от друга. Вайсберг до рассвета рычал и швырял в них комья мокрой земли. Когда чуть рассвело, выяснилось, что это светлячки.

Когда забрезжил рассвет, Вайсберг объявил, что всё, пора, надо трогаться в путь. Накануне они не смогли спуститься по сухому склону, теперь задача усложнилась вдесятеро. За ночь поросший самшитом глинистый склон размок от дождя и стал

скользким, как каток. Ветви деревьев, за которые им надо было цепляться, тоже стали скользкими. Наталья оскальзывалась, падала и катилась кубарем по крутизне, сдерживаемая, к счастью, стволами самшита, о которые больно обивала бока и конечности. Минут через пятнадцать она пришла к заключению, что спуститься ей не под силу. Между тем прошли почти сутки, как они оставили Вику с хозяйкой съёмной квартиры, с обещанием вернуться вчера к обеду. Покормила ли хозяйка Вику? Уложила ли спать? Что она думает об их исчезновении?

Ясно, что необходимо было как можно скорее вернуться к ребёнку. Хотя бы одному из них. Вайсберг сильнее, быстрее и ловче, у него — если пойдёт один — есть шанс спуститься. Если пойдут вдвоём, Наталья будет его тормозить, они опять не найдут дороги и погибнут оба. Наталья изложила Вайсбергу эти соображения спокойно, без эмоций, и предложила попрощаться и расстаться. Вайсберг воспринял её речь неадекватно. «Извини, — сказал Вайсберг и съездил ей по физиономии. — Пришла в себя? Теперь пошли». Они опять начали спускаться. Несколько раз их выносило на проклятую скалу, но где-то ближе к сумеркам, наконец, повезло: наткнулись на русло высохшего ручья и сползли-скатились по нему почти вертикально вниз. Последние несколько метров летели по воздуху и приземлились на смотровой площадке большого санатория, с ног до головы облепленные толстым слоем мокрой глины, как две огромные необожжённые греческие амфоры. Целовавшаяся на площадке парочка превратилась от удивления и испуга в спаренный соляной столб.

На вторые сутки к ночи Наталья с Вайсбергом добрались, наконец, до своего дома. Постучали. Хозяйка глянула через щель и в ужасе захлопнула дверь, но Вика узнала голоса и закричала «Мама! Папа!». Явились они как нельзя более кстати: на следующее утро милиция начала бы разыскивать их родственников по месту прописки, чтобы прилетели забрать ребёнка. Не хочется думать, что было бы с Натальиными родителями... Но всё обошлось.

Гагринская милиция оштрафовала их на крупную сумму за якобы посланную в горы спасательную команду. На этой горе, объяснили им в милиции, каждый год погибает несколько человек. Никакой экспедиции, конечно, за ними не посылали. Но неприятность большой денежной потери не шла ни в какое сравнение со счастьем спасения. Наталья получила жестокий урок и, в какой-то степени, намотала его на ус.

По объявлению

РАССКАЗЫВАЯ О СЕМЬЕ, НЕЛЬЗЯ НЕ УПОМЯНУТЬ о её членах, игравших в семейной жизни весьма существенную роль: Викиных нянях и Коте Афанасии. Проницательный читатель, вероятно, заметил, что, начиная с какого-то момента, в повествовании стал там и сям мелькать ребёнок. О событиях, с этим связанных, рассказывает Наталья.*

Декретный отпуск мой кончился, и мы начали искать няню.

— Я звоню по объявлению. Как к вам доехать?

— А где ты находишься?

— Я-то? В будке около парикмахерской.

— На какой улице?

— Не знаю.

— Как ты туда попала?

— От вокзала пришла.

— От какого вокзала?

— На какой приехала.

— Откуда ты приехала?

— Я-то? Из деревни.

— Город какой-нибудь рядом есть?

— Не.

— А где на поезд села?

— В Ярославле.

— Тогда иди назад к вокзалу, садись на метро...

Так в нашем доме появилась Дуська. После проведенного с ней короткого инструктажа я вышла на работу, а Дуська с годовалой Викторией вышли гулять на улицу.

Это было настоящей катастрофой для обороноспособности державы. Краснощёкая, полногрудая, цветущая шестнадцатилетняя Дуська мигом дезорганизовала работу Московского Военного Округа. Казалось, что в нашем дворе расквартирована военная часть, часовые которой несут неусыпную службу у нас в подъезде и под дверью. Телефон раскалялся от звонков:

— Еву позовите.

— Позовите Еву.

* Впервые опубликовано в книге Натальи Рапопорт, «То ли быть, то ли не быть», изд-во «Феникс», 2004 г.

Отупев от родов, жизненных проблем и недосыпа, я не сразу сообразила, что Ева — это от Евдокии, элегантная аббревиатура нашей Дуськи.

— Еву можно?

Еву было можно. Очень даже можно. Быстро овладев тайнами профессии, Дуська умело гуляла с ребёнком и с солдатами одновременно, с толком используя дневное время, когда дома, кроме них с Викой, никого не было.

Кроме красоты и вкуса к жизни, у Дуськи была ещё вывезенная из деревни своеобразная лексика. Значащие слова тонули в море, мягко говоря, вводных.

— Бери свою б..дь и пойдём гулять, — вдохновенно рифмовала Дуська, указывая на Викину любимую куклу, и Вика долго была уверена, что кукла именно так и называется.

А ребёнок, между прочим, уже начинал говорить.

Однажды к нам в гости пришел мальчик из очень интеллигентной семьи. Кудрявый, аккуратно причесанный, в белоснежной кружевной рубашечке с чёрным бантиком. Виктория из кожи вон лезла, чтобы понравиться этому принцу. Показывала свои сокровища:

— Смотри, мама мне вчера подарила новую б..дь, говорящую! Мама схватила принца и больше мы их не видели...

Потом Дуська забеременела.

Надо сказать, что родители мои через такие испытания уже однажды проходили. Было это много лет назад, когда родилась моя старшая сестра Ляля. Ту девушку звали Нюра. Нюра гуляла с красноармейцем, в отличие от нашей Евы — с одним, но ведь и время тогда было другое, пуританское.

— Нюр, ты с ним поосторожнее, — посоветовал папа.

— Да что Вы, Яков Львович, мы с ним уже два месяца встречаемся и только недавно познакомились! — успокоила Нюра.

Нюра, конечно, забеременела, а солдат сбежал. Нюра знала, где стоит его часть, и написала письмо начальнику.

Вскоре пришел ответ, но не от начальника, а от самого солдата: «Дорогая Нюра, — писал солдат, — Вы написали товарищу начальнику, что я являюсь отцом Вашего зачатия...». Как «отец нюриного зачатия» солдат себя не оправдал и «знакомство» с Нюрой категорически отрицал. С абортами тогда было сложно, и Нюра уехала рожать в деревню, а сестру мою Лялю отдали в ясли.

Вооружённые этим опытом, родители мои предсказывали близкий конец нашей с Евой эпопеи, и он не заставил себя ждать.

На семейном совете, состоявшемся при деятельном участии самой пострадавшей, решено было устроить Дуську на аборт, а потом немедленно отправить домой к маме, чтобы присматривала за дочерью. Эта последняя часть протокола совершенно не входила в Дуськины планы и вызвала яростное сопротивление, но папа проявил твёрдость духа и, когда Дуська поправилась, сам отвёз её на вокзал и посадил в поезд.

* * *

Сколько раз потом я проклинала себя за наше чистоплюйство! Потому что на смену Дуське пришла по объявлению настоящая ведьма. Высокая женщина лет шестидесяти, с довольно правильными чертами лица, которое почему-то казалось мне безобразным. Вскоре я разгадала тайну её уродства: лицо безобразили свирепые глаза. Вика стала вздрагивать и плакать по ночам. Какое-то время мы терпели. Первым не выдержал дед:

— Эльвира Петровна, ребёнок никогда не перестанет плакать, если на него так злобно кричать!

Реакция была совершенно неожиданной.

— Ага, я так и знала, что вы уже побывали в райкоме, сыщики! — оскалилась наша няня. Увидев полное недоумение на папином лице, осеклась, но было поздно. Папа-таки съездил в райком партии по месту её прописки. Оказалось, что на склоне лет Эльвира Петровна круто поменяла профессию: в няни она пришла из надзирательниц женских лагерей, откуда была изгнана с выговором по партийной линии за жестокое обращение с заключёнными...

* * *

Малютку Еву Моисеевну привёз в наше отсутствие ее сын.

С Викой в это время сидела наша соседка, она-то их и впустила. Сын поставил в коридоре сундучок и исчез, не оставив никаких координат.

Вернувшись с работы, мы с Вайсбергом застали в нашей постели сладко спавшую крохотную седую старушку.

— Это — мне? — спросил восхищённый зрелищем Вайсберг. Старушку аккуратно разбудили.

— Ева Моисеевна, сколько Вам лет? — поинтересовалась я.

— Семьдесят пять, — сказала Ева Моисеевна.

— Она забыла, — прокомментировал мой папа. — Спроси, не помнит ли она Декабрьское восстание на Сенатской площади и не при ней ли отменили крепостное право?

Трогательно свернувшись калачиком, Ева Моисеевна целыми днями спала на двух составленных около телефона стульях, временами отвечая на звонки, о которых, впрочем, мгновенно забывала. Мы пустились на розыски её сына. Каким-то чудом нам в конце концов удалось его найти — деталей не помню, но цепочка была длинная. Практичный сын потребовал выкуп — иначе забрать мать никак не соглашался. Мы были в восторге от простоты и изящества всей операции: на месяц избавившись от матери, он ещё и заработал на этом деле, и, как видно по отточенности деталей, не впервые...

* * *

Нина Дмитриевна приглянулась нам сразу.

— Вешу ровно сто килограмм! — с гордостью сообщила она о своём выдающемся достоинстве.

— Толстая, значит, наверно, добрая, — с надеждой шепнул мне Вайсберг, — давай возьмём!

К сожалению, очень скоро выяснилось, что Нина Дмитриевна совсем не умеет готовить и что ребёнок лежит совершенно вне сферы её интересов: основное внимание она сосредоточила на моем овдовевшем отце. Нина Дмитриевна всё живописала ему ужасы холостого и преимущества женатого существования.

— А физиология не нужна, можно и без физиологии, — объясняла папе Нина Дмитриевна, видимо, не очень уверенная в его возможностях.

— То есть как это можно без физиологии! — возмутился папа, — без физиологии никак нельзя!

— Нет, если нельзя без физиологии, можно и с физиологией, — быстро согласилась Нина Дмитриевна.

— Такое весомое счастье само в руки плывёт! — смеялся папа. — Жаль, что она не умеет варить кашу и жарить яичницу.

Потерпев матримониальное фиаско, Нина Дмитриевна ушла сама. Она была симпатичная тётка, и хочется верить, что в конце концов она нашла любителя заниматься физиологией на голодный желудок...

* * *

Тётя Шура была гренадёрского роста и говорила басом. Вечером первого дня, проведённого с тётей Шурой, Вика с нетерпением ожидала в коридоре у входной двери моего возвращения с работы:

— Мама, ты в какого Бога веришь?

Огорошенная вопросом, я с ходу ответила:

— Ни в какого.

— Как же так? — удивилась Вика.— Тётя Шура верит в русского Бога, я верю в еврейского, а ты в какого?

Спустя пару дней мы ужинали вечером на кухне, и тётя Шура все смотрела на Вайсберга, а потом сказала мне своим густым басом:

— Наташк! А твой муж, наверно, не яврей!

— Почему Вы, Тётя Шура, так думаете?

— А лицо такое приятное!

Не вполне уверенные, что трёхлетнему ребенку полезны такие этнические экскурсии, мы расстались с тётей Шурой, но история имела продолжение. Напротив нашей дачи стоял, да и сейчас стоит, дом Федосьи Парфёновны (Парфённы); Парфённа жила там круглый год. В пору моего детства Парфённа носила прозвище «Это Самое», потому что испытывала трудности с выражением мыслей и объяснялась примерно так:

— Вчера, это самое, на Фабричной, это самое, клубника, это самое, крупная, это самое...

На лето Парфённа сдавала свой дом, а сама перебиралась в сарайчик. В то лето у неё жила семья с мальчиком Вовкой Викиного возраста; Вика с ним играла. Однажды, вернувшись с работы, я застала Вику в очень дурном расположении духа.

— Что случилось?

— Я с бабушкой Парфённой больше не вожусь!

— Почему?

— Она пессимистка!

— Парфённа?! Пессимистка?!

— Да, пессимистка! Подумаешь тоже, евреев не любит! Может, она сама еврейка, а может даже, еще хуже!

Выяснилось, что утром сосед Вовка забежал сказать Вике, что больше играть с ней не будет, потому что бабушка Парфённа сказала ему, что Вика еврейка, а с евреями водиться не след.

Меня поразил тогда не сам факт — меня сразила каша в трёхлетней Викулиной голове. Надо сказать, что такую же кашу я наблюдала потом и у Викиного однокашника Мишки Александра, чистейших русских кровей, из старой русской аристократии, и, может быть поэтому, слегка грассировавшего. Зайдя за Викой в школу, я застала жестокую драку первоклассника Мишки Александра с первоклассником Ромкой Бухаровым. Ромка, задыхаясь, колотил Мишку:

— Еврей! Запинаешься! Эг не выговагиваешь! — выплевывал Ромка и попутно ругал Мишку матерно.

Мишка, не оставаясь в долгу, колотил Ромку, и при этом парировал с достоинством:

— Ну и что, что еврей! Что, что еврей! Евреи умные! А захочу, в Израиль уеду!

К концу школы — да нет, конечно, гораздо раньше — все они уже прекрасно разбирались, кто есть кто...

Вот на какое длинное отступление подвигла меня наша короткая встреча с тётёй Шурой...

* * *

Елизавета Алексеевна была когда-то инженером-химиком. Узнав, где я работаю, сказала:

— У меня есть кое-какие вопросы к академику Гольданскому, по поводу Менделеевской системы. Вы бы не могли устроить мне с ним свидание?

— По-моему, будет больше толку, если она будет ходить вместо тебя в Химфизику, а ты сидеть с Викой, — посоветовал папа. Он оказался прав. Потому что уже на следующий день вечером, вернувшись с работы, я застала Володю и папу очень обеспокоенными. Елизавета Алексеевна спала.

— Когда мы пришли домой, она была какая-то очень странная, возбуждённая, щёки горят, говорит нечленораздельно, всё время повторяет одни и те же слова, — доложил Володя. — Может, шиз?

— Вам не показалось? Вчера ведь была совершенно нормальная, даже с Гольданским хотела беседовать!

Утром всё было в порядке, но вечером повторилось по вчерашнему сценарию. Мы терялись в догадках. Ах, нам бы поднять глаза на кухонный шкаф, где уже несколько месяцев зрела в пятилитровой бутылки чернорябиновая настойка! Володя над ней колдовал и никому не давал пробовать, дожидаясь одному ему ведомого срока. Но мы не подняли туда глаз. А через пару дней на кухню пришел очень рассерженный и расстроенный папа:

— Наташа, ты пила мой коньяк?

У папы была заповедная бутылка армянского коньяка из Шустовских погребов, чуть ли не столетней выдержки, преподнесенная ему Ереванским доктором, чью диссертацию он оппонировал. Папа этот коньяк даже не пил, а только нюхал и умилялся. И вот папа спрашивает:

— Наташа, ты пила мой коньяк?

Я возмутилась. Папа прекрасно знал, что я уже много лет ничего не беру без спроса, а уж то, чем он так дорожит — тем более.

— Но у меня была полная бутылка, а теперь половина,— недоумевал папа. И тут дал удивительную промашку, простительную, пожалуй, только учёному-естествоиспытателю его ранга. Он принёс карандаш по стеклу и сказал с угрозой:

— Хорошо, ставлю риску!

И с тем провёл чёрточку по уровню коньяка в бутылке.

Надо ли говорить, что риска не понадобилась! На следующий день бутылка была пуста, как барабан, а Елизавета Алексеевна спала мёртвым сном в своей комнате, лёжа частично на полу, частично на кровати, и благоухая чесноком. Папа не мог успокоиться:

— *Такой* коньяк закусывать чесноком! Нет, вы только подумайте, *такой* коньяк закусывать чесноком!

Папа не спал всю ночь — всё дожидался, когда проснётся Елизавета Алексеевна, и едва услышав шевеление в её комнате, сказал:

— Елизавета Алексеевна, как Вы могли *такой* коньяк закусывать чесноком?!

— Какое Вам дело, чем я закусываю свой коньяк,— недружелюбно отозвалась Елизавета Алексеевна.

— Нет, мне совершенно безразлично, чем Вы закусываете *свой*,— отвечал, едва сдерживаясь, папа,— но мне не всё равно, чем Вы закусываете *мой*!

Я поняла, что надо вмешаться.

— Елизавета Алексеевна, мне кажется, наша встреча была ошибкой.

— Да,— согласилась Елизавета Алексеевна,— вы мне несимпатичны.

Мы расстались. За проведенную в нашем доме неделю Елизавета Алексеевна осушила пятилитровую бутылку Володиной настойки и бутылку чудесного армянского коньяка.

— Подумать только, и мы ей не симпатичны! — обижался папа.

И тут, наконец, нам улыбнулось Счастье. У Счастья было лицо бабы Маши — маленькой, суетливой, доброй, заботливой и ворчливой. Словом, настоящей Няни.

— Викуля, принеси, пожалуйста, мячик,— просила я.

— За ним далеко идти. Я его туды положила,— отвечала Викуля, и показывала в книжке: это жароф, это бигамот, а это кенгурА. И все мы были счастливы.

Баба Маша прожила у нас несколько лет, пока у неё в Ярославле не родился внук. Мы ещё долго дружили. А Вика пошла, наконец, в детский сад.

АФАНАСИЙ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ (Из записок Натальи)*

ВИКЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОГДА В СЕМЬЕ ПОЯВИЛСЯ ЕЩЁ ОДИН ЧЛЕН, которому все верно служили. Нельзя сказать, что Афанасий был из хорошей семьи: мы купили его за три рубля у какого-то пропойцы на Птичьем рынке. Пропойца вертел его за хвост и хрипел:

— Купите кота, а то удушю!

Был день хоккейного матча, пропойце позарез нужны были три рубля. Он торопился и нервничал, и было очевидно, что он уже созрел и вот-вот приведёт угрозу в исполнение.

Котёнок был крохотный, полосатый, с мутными глазками. Как-то сразу стало ясно, что он — Афанасий, для родственников и друзей — Афоня. Он вовсе не обещал вырасти таким красавцем, каким стал в отрочестве.

В понедельник на работе я сообщила, что совершила акт беспредельного гуманизма, купив за три рубля на Птичьем рынке помоечного кота. Мы кормили его из соски и учили пользоваться туалетом.

Месяца через три ко мне по каким-то делам забежал мой коллега Володька Дубинский, мельком взглянул на мое приобретение, сказал:

— Тебя обманули! Это не помоечный кот, это — сибирский!

Афанасий действительно на глазах превращался из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. У него была густая шерсть раз-

* Впервые опубликовано в книге Натальи Рапопорт, «То ли быль, то ли небыль», изд-во «Феникс», 2004 г.

нообразных пастельных оттенков, пышные галифэ на ляжках и величественная походка; сосед Лёня Бриль из уважения звал его Иннокентием и обращался к нему не иначе как «Товарищ генерал».

Котёнок оказался на редкость смышлённым, и я даже подумывала, не сменить ли ему имя, скажем, на Эйнштейн, но Вайсберг воспротивился: во-первых, внешностью он был чистый Афанасий, а во-вторых, говорил Вайсберг, нечего портить коту прекрасное пролетарское происхождение еврейской фамилией. Наш предыдущий котёнок Мозя Кожушнер кончил трагически: прихватил от кого-то на даче стригущий лишай, я повезла его на консультацию в ветлечебницу, его забрали в кабинет и, ничего мне не сказав и ни о чём не спросив, вынесли через несколько минут маленький взъерошенный трупик. На мой истошный вопль хладнокровно отрезали:

— Мы стригущих лишаев не лечим. Мы их уничтожаем.

Легко догадаться, что заразившуюся от Мози Вику я в поликлинику не повела.

Вайсберг считал, что Мозю сгубило еврейское имя, которое, как известно, в Советском Союзе никому впрок не шло.

Травмированные трагической судьбой котёнка Мози, мы лишили Афанасия радости общения с подругами, за что я до конца его долгой жизни испытывала острый комплекс вины. Всю свою неостребованную любовь Афанасий перенёс на нас с Викой. Он любил нас нежно, хотя в грош не ставил, зато глубоко, я бы даже сказала панически уважал Вайсберга. Каждое утро у нас в доме повторялся некий ритуал. Вайсберг уходил на работу раньше всех; хлопала за ним входная дверь, и тут же раздавался тяжёлый галоп Кота. Он с разбега вышибал дверь спальни, гигантским прыжком взлетал на кровать, ложился мне на грудь, обнимал лапами за шею, лизал подбородок и пел от нежности и счастья. Однажды Вайсберг что-то забыл, вернулся и застал эту картину.

— Афанасий! — возмутился Вайсберг, — это моё место!

Кота как ветром сдуло. Но справедливо рассудив, что Вайсберг не столь стар, чтобы каждый раз что-нибудь забывать и возвращаться, Афанасий уже на следующее утро исправно пел у меня на груди.

Между собой Вайсберг и Кот общались с помощью тонко разработанной знаковой системы. Однажды я заболела тяжёлым гриппом, и, чтобы никого не заразить, отправилась спать в столовую. Сообразительный Кот мгновенно просёк, что я сплю

одна, и перенес свой утренний трюк на ночное время. Часа в три ночи он вышибал дверь столовой, прыгал мне на грудь и приставал с нежностями. Мне и без того было плохо, а тут ещё этот негодяй пугал меня до полусмерти и не давал спать. Тогда Вайсберг поставил перед закрытой дверью столовой свой кед. Кот понял намек и больше меня не беспокоил.

Афанасий и Вайсберг любили смотреть вместе хоккей. Они садились рядышком на диване, уставившись в телевизор. Афанасий водил глазами за шайбой, а порой бросался к экрану и пытался поддеть ее лапой.

К остальным телепередачам, включая Новости, Кот относился равнодушно. Сидя рядом с Вайсбергом на диване, он уходил в себя и думал о чем-то своём, глядя в пространство. Иногда мысли эти были тревожные и неприятные, и он нервно подёргивал хвостом.

— Я думаю словами, — заметила как-то Вика. — А чем думает Афанасий? Мяуканьем?

В том, что Кот *думает*, ни у кого из нас сомнений не было.

У Афанасия была очень богатая артикуляция. Вечерами, когда я возвращалась с работы, он держал длинную и эмоциональную речь, рассказывая о событиях за день. Его московская жизнь протекала в замкнутом пространстве нашей квартиры и не была богата приключениями. А душа просила простора. Нам приходилось внимательно следить, чтобы Кот не удрал на лестничную клетку. Дело в том, что он облюбовал себе место в подвале, под дверью архитектора, спроектировавшего сантехнику нашего дома, и справлял там большую нужду. Этим он, повидимому, выражал своё отношение к дизайну нашего сортира. Архитектор энергично протестовал против такой формы критики и даже подал в товарищеский суд. «Признайте свою вину и попросите суд сохранить Вам жизнь», — напутствовал меня Юлий Даниэль. Я извинялась, била себя кулаком в грудь и носилась вслед за Котом с совком и ведёрком, но я не всегда бывала дома, и Кот искусно ловил подходящий момент, удирав на лестничную клетку и вихрем мчался гадить под архитектурскую дверь.

Если это не удавалось, Коту приходилось пользоваться нашей квартирной уборной. Российская цивилизация тогда ещё не дошла до горшков со специальным благоухающим песком, принятых на Западе, и Кот справлял нужду в покрытую вчерашней газетой фотографическую кювету. Он был очень чистоплотен. Когда мы возвращались с работы, он первым делом требовал, чтобы ему постелили свежую газету, даже если в данный момент

не планировал ею пользоваться; он выразительно смотрел мне в глаза, коротко мяукал и вёл к уборной. При этом ему было не всё равно, что ему подстелили. В отличие от циничных сограждан, Кот не какал на портреты в чёрной рамке на первой полосе газеты. Сначала мы думали, что это случайность, и повторяли эксперимент, благо жизнь предоставляла для этого достаточно возможностей. Оказалось, что Кот не делал этого принципиально: он в равной степени отказывался какать на портреты Брежнев, Андропова и Черненко и орал до тех пор, пока портреты не переворачивали лицом вниз. «Какой уважительный кот!» — удивлялась наша домработница Нина Ивановна.

Поменяв Коту газету, мы шли на кухню ужинать.

Афанасий в еде был разборчив и на что попало не зарился; другим деликатесам предпочитал мороженого минтая, пока однажды случай не послал мне маленькую черырёрхрублевую корбочку мороженой осетрины. По дороге домой осетрина слегка оттаяла и благоухала из моей сумки. Когда я вошла в квартиру, с котом случилась истерика. Истошно вопя, он стал делать вокруг меня какие-то немислимые кульбиты, дёргал за юбку, рвал из рук сумку и пытался разодрать её когтями, чего раньше никогда себе не позволял, будучи воспитан в интеллигентной семье; весь наносной лоск с него разом спал. Коту достались осетровые хрящики. С той поры, встречая меня у двери, он каждый раз с вопросом и надеждой смотрел на мою сумку, но такая удача ни в его, ни в моей жизни больше не повторилась...

Хека Кот не любил. Помните, была реклама:

Каждый русский человек
Должен кушать рыбы хек.
Кто за хеком не бежит,
Тот татарин или жид.

Кот на такую дешёвку не поддавался и хека ел только в исключительных случаях, когда ничего другого под рукой не было.

А сосисок Кот не ел совсем: он на них охотился. Дашь ему сосиску, он начнёт её подбрасывать, ловить, гонять по полу — видимо, принимал за мышь. Это наводило меня на грустные размышления — я подозревала, что Коту виднее. Однажды Кот загнал сосиску под буфет и сутки её караулил, распластавшись перед буфетом в напряжённой охотничьей позе и нервно подёргивая хвостом в ожидании, когда она выскочит. Потом потерял интерес и о сосиске забыл.

...Из поездки в Израиль в восемьдесят девятом году я привезла Афанасию банку заморских кошачьих консервов. Вайсберг угощать Кота не стал — сказал, что консервы надо оставить на чёрный день, который вот-вот непременно наступит. Чёрный день наступил года два спустя, когда мороженный минтай куда-то уплыл, за ним последовал хек, и в нашем рыбном магазине стали продавать чудовищного вида женские трусики, которых Кот не ел. Тогда Вайсберг открыл заветную банку. И представьте — Кот страшно заорал, стал трясти над ней лапой, отшвырнул в сторону, выскочил из кухни и сутки туда не заходил, ожидая, чтобы выветрился запах заморского деликатеса.

Ничто человеческое было Коту не чуждо. Воспитание и внешний лоск скрыли, но не подавили черты, обусловленные происхождением и наследственностью. Кот был вороват и имел тенденцию к пьянству. Запах валерьянки приводил его почти в такое же неистовство, как запах осетрины, но встречался чаще. Пузырьки с валерьянкой Кот доставал из самых заповедных мест, и, зажав в лапах, зубами откручивал пробку — так откручивает ханыга белую головку в углу продовольственного магазина. Напившись или даже просто нанюхавшись, Кот принимался валяться с боку на бок, после чего вскакивал и кружился в бешеном танце, пытаясь поймать свой хвост. От свойственных ему солидности и самоуважения не оставалось и следа...

Однажды, зайдя в папин кабинет, я застала абсолютно булгаковскую картину. Кот сидел в папином кресле в поразительно развязной позе, облокотившись на спинку и раскинув по креслу задние лапы. В передних лапах он держал хрустальную рюмку, из которой папа ночью пил валерианку, и, закинув голову, пытался извлечь со дна вождеделенные капли... Судьбу рюмки описывать не буду.

...Склонностью к воровству Афанасий создал однажды совершенно критическую ситуацию. Был папин юбилей, семьдесят пять лет. Ждали кучу гостей. Где-то, по большой протекции, папа достал индейку — это был гвоздь программы. Мы с Вайсбергом целый день над ней трудились, чем-то начиняли, мазали, испекли с яблоками и оставили в тёплой духовке. Войдя в очередной раз на кухню, я заметила, что дверь духовки слегка приоткрыта. Почуввав недоброе, я открыла дверцу и похолодела от ужаса. Кот лежал сверху на индейке, обнимая её лапами, словно совершал с птицей акт любви. Он был распластан между индейкой и потолком духовки; в этой позе он застрял и удрать не мог. К тому моменту, когда я его обнаружила, он отъел уже приличный ку-

сок от индейкиной шеи — к счастью, будучи распластан, он был ограничен в передвижениях и ел только то, что было под рукой. Я застонала от ужаса. Вот-вот должны были придти гости, надо было что-то срочно предпринимать. Отложив воспитательный процесс до лучших времён, мы с Вайсбергом осторожно извлекли Кота из духовки. Он мгновенно слинял на шкаф в передней, оставив нам изуродованную птицу. Проанализировав размеры бедствия, мы сделали небольшую пластическую операцию, считали, как могли, котовую шерсть и, рискуя индейку засушить, тщательно её пережарили. Гости потом ели и хвалили, а я до конца вечера так и не оправилась от пережитого стресса. Кота мы тогда воспитывать не стали: к моменту, когда гости разошлись, он уже забыл о совершенном преступлении, спрыгнул со шкафа и тёрся у наших ног. Он бы просто не понял, за что наказан, а в таком случае наказание теряет смысл.

...У наших соседей по лестничной клетке был бело-рыжий фокстерьер по имени Молли. Как-то мы ехали в лифте с его хозяевами. Вике было годика три.

— Викуля, — сказали соседи, — что ж ты к нам никогда не заходишь? Заходи в гости.

— А вы кто? — спросила Вика. — Вы у Молли живёте?

Мы всей семьёй жили у Афанасия, это было прекрасное время.

Афанасий прожил долгую и, в целом, счастливую жизнь. Окружённый всеобщей любовью, он умер в девяносто пятом году в возрасте двадцати лет.

КАКИЕ РОЗЫ НАМ УГОТОВИЛ ГИМЕНЕЙ

*Перестало даже пламя
Польхатъ в полночном мраке,
Где дракон с одной драконшей
Состоит в законной драке.*

Рената Муха

У ЧИТАТЕЛЯ, ВОЗМОЖНО, СЛОЖИЛАСЬ ИЛЛЮЗИЯ, что жизнь Натальи с Вайсбергом протекала в атмосфере безоблачного семейного счастья. Сейчас мне предстоит с глубоким сожалением эту иллюзию развеять. Очень тепло относившийся к Вайсбергу Зиновий Ефимович Гердт называл его страстотерпцем. Губерман с ним соглашался: «Выпьем за Володю, который с таким достоинством несёт своё счастье».

Где-то ближе к концу семидесятых годов между Натальей и Вайсбергом впервые пролегла глубокая трещина, связанная с полярным отношением к проблеме эмиграции. Стоя по разные стороны рва, Наталья с Вайсбергом протягивали друг другу руки и силились его перешагнуть, долгое время безуспешно. События бежали по замысловатой траектории, и, вкратце, развивались так.

Наталья защитила кандидатскую диссертацию в середине шестидесятых, но к концу семидесятых всё ещё ходила в коротких штанишках младшего научного сотрудника. При этом с научной работой у неё был полный порядок, на подходе была докторская, не было лишь соответствующего статуса — и зарплаты. Вокруг неё защищали кандидатские диссертации партийные русские мальчики, и их почти мгновенно переводили в старшие научные сотрудники, а Наталья безнадежно засиделась в младших. Это было оскорбительно, и в конце концов она решила поговорить с высоким институтским начальством. Начальство поразило её своей откровенностью.

«Наташа, — сказал заместитель директора института, — к тебе лично это никакого отношения не имеет. К тебе все прекрасно относятся. Но дело в том, что академик Эмануэль развёл в вашем отделе синагогу, и райком им недоволен. Если он ещё и тебя переведёт в старшие, у него будут неприятности с райкомом. Ты хочешь неприятностей Эмануэлю?». Наталья не хотела неприятностей

Эмануэлю. Она была ему обязана по гроб жизни. Он взял её на работу в Химфизику — ведущий институт Академии наук — десять лет назад, в один из самых критических моментов её судьбы, когда её побрезговал даже текстильный комбинат «Красная Роза», куда она обратилась за работой по объявлению в «Вечерней Москве». Наталья была в то время социальным изгоем с чёрным тавром: её поймали в трамвае с Солженицынским «В круге первом», присланным ей на прочтение приятелем-физиком, профессором Горьковского университета Беней Тавгером. Чтобы понять, что произошло, надо открутить часы назад ещё на несколько лет.

БЕНЯ ТАВГЕР

В начале шестидесятых Наталья обычно проводила летний отпуск, путешествуя с друзьями детства Алёшей и Эриком по Восточному Крыму. Сейчас трудно сказать, что послужило тогда причиной их размолвки — ни Наталья, ни Алёша этого не помнят, а Эрик погиб в конном походе на Алтае. Но факт — Наталья на что-то обиделась и ушла одна через Карадаг в Новый Свет. Пытаясь срезать дорогу, сошла с нахоженной тропы и вскоре зависла над обрывом. Знаете, как это бывает: человека вдруг охватывает паника. Наталья стояла на уступчике скалы перед небольшой расщелиной, для преодоления которой нужно было сделать один шаг вперёд и вверх. Вот этого шага Наталья сделать не могла. Пути назад тоже не было: уступчик был крохотный, развернуться невозможно. Далеко внизу торчали, как пики, острые камни. Наталья стояла, прижавшись к скале, вцепившись мёртвой хваткой в какую-то неровность, и боялась шелохнуться. Ситуация с каждой секундой становилась всё более катастрофической: руки немели, колени начинали дрожать. Вдруг она услышала вдалеке — видимо, на тропе — мужские голоса и что есть силы позвала на помощь. На её крик примчались двое. Один из них наклонился и крепко ухватил её за запястья. Этого оказалось достаточно: страх мгновенно испарился, Наталья без всякого труда преодолела расщелину и оказалась на твёрдой земле. Может ли быть лучший повод для знакомства? Натальино спасителя звали Бенцион Тавгер. Он был невысокий, коренастый, темноволосый, с огромными жгучими глазами навывкате и какой-то восточной внешностью; даже сквозь крымский загар было видно, что он очень смуглый по природе. Его спутника Наталья не запомнила. Оба они были из Горького,

физики, молодые профессора Горьковского университета. У Натальи с Бенею завязалась дружба, он бывал у неё в гостях в Москве, в промежутках они переписывались.

В Горьком вокруг Бени сложился кружок студентов, изучавших иврит и печатавших самиздат. Он и Наталью уговаривал в разговорах и письмах изучать иврит и ехать в Израиль. Самиздат Бенины студенты искусно маскировали под диссертации и издевательски писали на обложках какой-нибудь вздор вроде «Марксизм-ленинизм о международном рабочем движении». Студенты постоянно курсировали в Москву или через Москву, и Бенею присылал с ними Наталье «диссертации» на «рецензию»; таким же путём, через возвращавшихся в Горький студентов, книги отправлялись обратно. Солженицынский «Круг» был в двух «томах». Первый том был быстро прочитан и благополучно вернулся в Горький, а второй слишком медленно читала Натальяина мама. Приятель прислал Наталье строгое письмо: «Где от «пи» до двух «пи?» (от пи до двух пи — вторая половина круга). Письмо пришло открытое, измятое и изодранное, но Наталью это почему-то не насторожило. Позже выяснилось, что Бенею на тот момент уже арестовали, но ни Наталья, ни позвонивший ей с Курского вокзала студент, возвращавшийся в Горький из Львова, этого не знали. Был шестьдесят девятый год, после процесса Даниэля и Синявского в стране во всю кагэбэшную мощь шла охота за диссидентами и самиздатом. Студент спросил, не хочет ли Наталья что-то передать его профессору. Наталья подтвердила, что хочет, и они договорились встретиться на Курском вокзале. Натальину переписку перлюстрировали и телефонные разговоры прослушивали, так что звонок студента не прошёл незамеченным. Наталью взяли с поличным по дороге в трамвае; ожидавшего её студента, тоже с поличным — самиздатом, возвращавшимся в Горький из Львова — взяли на Курском вокзале. Наталье потом рассказали, что судьба его была печальной. Из университета парня мгновенно выгнали и забрали в армию. У него были больные почки, и армии он не пережил.

...В те годы в уголовной статье о самиздате была графа за распространение, но не было графы за печатание. Чтобы осудить Бенею по статье о самиздате, КГБ требовалось доказать, что он не только печатал, но и распространял. Но требуемых показаний на Бенею Наталья не дала. Он просидел несколько месяцев в тюрьме без предъявления обвинения, потом его перевели в сумасшедший дом (это была обычная практика), продержали там ещё несколько месяцев и выпустили. Он уехал из Горького

в Новосибирск, оттуда, очень быстро, в Израиль. Стал героем Израиля в войне Судного дня (1973) и вскоре умер, совсем молодым, от инфаркта. В Израиле есть площадь Бенциона Тавгера...

Допрашивавший Наталью человек привёл её в Первый отдел Карповского института, где она тогда работала. Ей джентельменски предложили написать заявление об уходе по собственному желанию, грозя в противном случае уволить по нехорошей статье, например, за опоздания на работу. У Натальи хватило ума отказаться. На следующее утро её позвал в свой кабинет академик Каргин. «Наташа,— сказал Каргин,— ищите себе работу. Я буду вас держать, пока не найдёте. Но вас переведут на лаборантскую ставку — тут я бессилён вам помочь». В Карповском институте в это время началась пресловутая «карповская система», когда любому сотруднику, в зависимости от продуктивности и привходящих обстоятельств, можно было изменить зарплату. У Натальи была крохотная, часто и тяжело болевшая Вика, и она, случалось, опаздывала на работу на несколько секунд, а то и минут. Опоздания и были официальной причиной, по которой её, кандидата наук, сбросили на лаборантскую ставку.

Наталья стала искать работу. Искала долго, напряжённо и безуспешно. Начала с приличных мест, даже пыталась получить должность заведующей лабораторией в Институте медицинских полимеров, где её хотели, но, конечно, не смогли. Постепенно амбиции её опускались всё ниже, и на каком-то этапе Вайсберг начал искать ей работу по объявлениям в газете «Вечерняя Москва». Однажды он вычитал, что текстильному комбинату «Красная Роза» нужен сотрудник для испытания механических свойств волокон. Наталья позвонила туда, объяснила, что она кандидат наук с богатейшим опытом в нужной им области, и была встречена с великим энтузиазмом, но на следующий день энтузиазм комбината «Красная Роза» не просто остыл — заledenел. Наталье объявили, что место аннулировано...Ниже падать по профессиональной лестнице было уже некуда. Надо было что-то кардинально менять в жизни: благодеяниями Каргина нельзя было злоупотреблять бесконечно. Впервые закралась мысль об эмиграции. Но как? Как???

Шёл шестьдесят девятый год, советские танки подавили Пражскую весну, до начала официальной эмиграции из СССР оставалось ещё несколько лет, железный занавес простирался из-под земли под самые небеса и ни окон, ни щелей не имел. В отчаянии Наталья опять пошла к Каргину и рассказала об эпопее с комбинатом «Красная Роза»: «Валентин Алексеевич,

я знаю, как вам трудно держать меня в Карповском, и очень вам благодарна. Я всё это время упорно искала работу, но меня никуда не брали. Вчера меня не взяли на комбинат «Красная Роза» тянуть нитки. Я не знаю, что мне делать, но понимаю, что должна уйти из института, чтобы не держать вас в затруднительном положении». Каргин посмотрел на неё с какими-то удивившими её весёлыми искорками в глазах и спросил: «Наташа, а почему бы вам не пойти в Химфизику?» Институт химической физики был одним из ведущих институтов Академии наук СССР, мечтой любого учёного химика. Наталье показалось, что кто-то из них сошёл с ума. «Валентин Алексеевич, вы, наверное, не расслышали: вчера меня не взяли на комбинат «Красная Роза»! Какая Химфизика?!» — «Наташа, — сказал Каргин, — Эмануэль создаёт в Химфизике новый отдел и ему нужны такие специалисты, как Вы. Я с ним поговорю». На следующее утро Каргин заглянул в лабораторию: «Наташа, звоните Эмануэлю: он вас берёт». Академик Эмануэль был тогда академиком-секретарём химического отделения Академии наук, то есть Главным химиком страны. Это было, как в чудесном сне. Наталья боялась проснуться.

На следующий день после этого разговора Каргин улетел на неделю в Италию, но вернулся досрочно, потому что его жена тяжело заболела. Прямо из аэропорта Каргин помчался к ней в больницу, а по дороге из больницы домой умер за рулём своего автомобиля от разрыва аорты...Удар был неожиданный и страшный. Но вот что незабываемо: Эмануэль достал у кого-то номер наталиного телефона и позвонил ей домой: «Наташа, я понимаю, в каком Вы сейчас состоянии. Вы потеряли Учителя, и вообще вся ваша ситуация. Но я хочу Вам сказать: это была последняя просьба Валентина Алексеевича, и я её выполняю». У Главного химика страны ушло несколько месяцев на то, чтобы пробить Натальино назначение в Химфизику через чудовищные кадровые барьеры Академии наук, но просьбу Каргина он выполнил. Так на уровне двух всесильных академиков решилась тогда Наталья судьба.

...Десять лет спустя, сидя в кабинете заместителя директора института, Наталья не могла поверить своим ушам: «...Академик Эмануэль развёл у вас в отделе синагогу, и райком им доволен. Если он ещё и тебя переведёт в старшие, у него будут неприятности с райкомом. Ты хочешь неприятностей Эмануэлю?» Наталья не хотела неприятностей Эмануэлю. «Но то, что я имею, мне донашивать до конца дней. У меня что, нет никаких перспектив?» — «Ну почему, Наташа? Люди смертны. Как только освободится подходящее для тебя место, мы сразу переведём

тебя в старшие». — «То есть вы хотите сказать, что я должна жить и ждать, пока умрёт кто-нибудь из евреев нашего отдела?!» — «Ну, не обязательно умрёт. Скажем, уйдёт на пенсию».

Этот разговор Наталью сразил. Она ехала домой и почти в голос ревела. Было ощущение, что с неё содрали кожу. На работу не ходила: у неё впервые случилась настоящая депрессия. На этом фоне возникло острое желание немедленно бежать из этой страны — спасать себя, спасать Вику, чтобы девочке никогда не пришлось участвовать в подобном диалоге.

Вайсберг был совершенно не готов к такому обороту событий. Он принимал ситуацию с мудрым спокойствием китайского философа: в такой стране мы живём, надо с этим смириться и постараться найти наилучший выход из безвыходного положения. Наталья слушать ничего не хотела. Она засыпала и просыпалась с единственной мыслью: бежать! Заговорила о разводе.

У ЛАЗУРНОЙ КОЛЫБЕЛИ

*О небо, небо, ты мне будешь снится.
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло.
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!*

О.Мандельштам

В конце концов Наталья взяла Вику и уехала с ней в Коктебель. В те годы сложилась такая традиция: перед тем как покинуть родину, московские и питерские евреи ездили прощаться с Коктебелем. И хотя отъезд был пока только бесплотной идеей — ни вызова, ни иных необходимых атрибутов отъезда у Натальи не было, — поездка в Коктебель внутренне приближала её к заветной цели.

Но случилось непредвиденное: Наталья сломала несколько мелких косточек на правой стопе. Хотелось бы, конечно, красиво соврать, что нырнула и ударилась о камень или, к примеру, упала со скалы (что и случилось однажды, много лет спустя, на юге Франции) — но нет, она не упала со скалы, а ударилась о металлическую ножку кровати в небольшой тёмной норе, которую они с Викой снимали. Мизинец стал поперёк стопы под прямым углом, боль была адская. Наталья оставила Вику с соседями-курортниками и поехала в поликлинику в Феодосию — своей поликлиники в Коктебеле тогда не было.

Феодосия — не ближний свет, и автобусы ходили туда не часто. Кое-как добравшись до поликлиники, Наталья отстояла дикую очередь и наконец оказалась в кабинете врача — мерзкого вида тётки средних лет. Стопа к тому времени отекала, и стоявшего поперёк мизинца видно не было.

— Ушиб, — констатировала врач, — пройдёт.

— Это не ушиб, это перелом. Сделайте рентген и вы сами увидите, — умоляла Наталья.

— Если каждому курортнику делать рентген, аппарат сломается. Следующий! — вызвала врач, завершая разговор.

Наталья вернулась в Коктебель не солоно хлебавши. На следующее утро нога её почти до колена превратилась в иссинячёрную колоду. О том, чтобы на неё наступить, не могло быть и речи. Походило на гангрену. Перепуганные соседи и хозяйка квартиры соорудили две палки, на которые Наталья могла бы опираться, и вызвали такси — подняться в автобус она уже не могла. Понимая бесполезность повторного обращения в поликлинику, Наталья поехала в Феодосийскую больницу.

В Феодосийской больнице Наталью наотрез отказались принять без направления из городской поликлиники. Она пыталась объяснить, что в поликлинике побывала, но никакой помощи там не получила. «Значит, вам и у нас нечего делать», — сделала вывод сестра приёмного покоя. — «Как нечего?! Посмотрите на мою ногу!» — «Я не врач смотреть на Вашу ногу», — резонно парировала медсестра. — «Так пусть врач посмотрит». — «Без направления из поликлиники вас никто смотреть не будет». — «Хорошо, я поеду в поликлинику за направлением, только, пожалуйста, вызовите мне такси, я не могу идти». — «Мне что, по-вашему, делать больше нечего, как вам такси вызывать?». И диалог был окончен.

Наталья пыталась, как могла при своей обездвиженности, бросаться под ноги проносившимся мимо врачам. Бесполезно — они смотрели сквозь неё и уносились прочь. Шли часы. Одна из двух палок сломалась. Рабочий день в больнице подходил к концу. Обратного пути не было. Ситуация становилась совершенно катастрофической. И тут Наталью, наконец, осенило.

— Где у вас патанатомическое отделение? — крикнула она на истерической ноте проносившейся мимо медсестре. Та на секунду затормозила:

— Вам зачем?

— Затем, что если мне немедленно не окажут помощь, я там всё равно окажусь. Мне надо поговорить с заведующей патанатомическим отделением.

— Вон то строение во дворе, — показала медсестра.

Наталья собрала остатки сил и воли и, опираясь на оставшуюся палку, поскакала к прилегавшему к моргу патанатомическому корпусу. В него вела небольшая лестница, всего несколько ступенек, но это было непреодолимо. Она замерла перед входом. И тут, наконец, её ангел-хранитель опять о ней вспомнил. Дверь открылась и на порог вышла женщина средних лет с интеллигентным лицом.

— Что вы тут делаете?

— По-моему, я погибаю. Я дочка Якова Львовича Рапопорта. У меня сломана стопа, но мне никто не оказывает помощи. Взгляните на мою ногу, похоже на гангрену!

— Боже, какой ужас! Дочка Якова Львовича! Почему Вы сразу ко мне не обратились? Сейчас, сейчас, обопритесь на меня, поднимемся в мой кабинет.

Это оказалась заведующая патанатомическим отделением. В Советском Союзе не было патолога, который бы не знал папиного имени. На его учебнике выросло много поколений патологов, врачи читали его статьи и слушали доклады, он был редактором Медицинской Энциклопедии. Сверх этого он был интеллигентным, остроумным, обаятельным и доброжелательным человеком, его любили.

К великому стыду, Наталья забыла имя заведующей патанатомическим отделением Феодосийской больницы; вполне вероятно, эта женщина спасла им с Викой жизнь. Она втащила Наталью на проклятые ступеньки и позвонила заведующему хирургическим отделением:

— Здесь у вас с утра находится дочь профессора Рапопорта со сломанной ногой, и ей никто не оказал помощи!

Мужской голос резонировал в трубке:

— Что ж она сразу не сказала, что она дочь профессора Рапопорта?

Наталья не выдержала:

— А если бы я не была дочерью профессора Рапопорта, мне что, сгнивать под вашим забором?!

— Сейчас, сейчас, не волнуйтесь, вам сейчас окажут помощь!

За Натальей мгновенно прислали двух бугаёв с носилками, они перенесли её прямо к рентгеновскому аппарату, показавшему три перелома мелких костей стопы со смещениями. Последовавшие за этим процедуры проходили под личным наблюдением заведующего хирургическим отделением. Наталье сделали уколы, вправили кости, наложили гипс, разрешили позвонить

домой в Москву, усадили в такси и отправили в Коктебель, пообещав помочь с билетами на самолёт и организовать перевозку из Коктебеля на Симферопольский аэродром. Всё выполнили. Такова была сила имени Якова Львовича Рапопорта!

Когда Наталья, наконец, добралась из Феодосии назад в Коктебель, оказалось, что Вика за время её отсутствия тяжело заболела. У неё была очень высокая температура и рвота. То ли её накормили какой-то дрянью, то ли переволновалась из-за Натальино долгого отсутствия.

В таком виде они прилетели в Москву. Натальин папа организовал санитарную машину, подъехавшую прямо к самолёту. В машине сидел Вайсберг, вид его не предвещал ничего хорошего.

— Куда ты собралась уезжать?! В Израиль?! В Америку?! Тебя же в Коктебель нельзя отпустить одну с ребёнком!

В последовавшие за Коктебелем недели акценты сильно сместились — надо было срывать поломанные косточки, учиться нормально ходить, лечить хворавшую Вику. Пока всё это варилось, идея отъезда как-то сама собой потускнела и увяла.

Кстати сказать, заместитель директора Института своё обещание выполнил. Когда в Натальином отделе умерла профессор с подходящей фамилией, Наталью немедленно перевели в старшие научные сотрудники. Она в это время лежала в Боткинской больнице с тяжёлым менингитом и имела серьёзный шанс выйти из этой переделки полной идиоткой, но это обстоятельство как раз никого не смутило. Освободилось «подходящее место», и Наталью тотчас повысили в должности.

ГДЕ ТАК ВОЛЬНО ДЫШИТ ЧЕЛОВЕК?

Вскоре после описываемых событий Наталья подружилась с Ириной и Юлием Даниэлями, и жизнь её заиграла новыми красками. Рядом с ними она обрела волшебное чувство внутренней свободы, раньше ей не знакомое. Советская власть теперь существовала где-то вне её мира, и ей больше не надо было бежать из страны за свободой, обосновавшейся внутри её самой. Ни за какие подаренные ей позже блага мира — интересную работу, финансовое благополучие, поездки по странам и континентам в самые экзотические точки мира не отдала бы Наталья это десятилетие тесной дружбы с Ириной и Юлием. В их насквозь прокуренном доме был целебный воздух, пропитанный эманациями творчества, таланта и юмора. В этой уни-

кальной атмосфере росла маленькая Вика. Жизнь наладилась. Ни о разводе, ни об отъезде больше не было речи. Тем более что наступала Перестройка, с её эйфорией и неоправдавшимися надеждами. Наталья вошла в только ещё нарождавшееся общество «Мемориал», помогала писать его устав, пропадала на собраниях, митингах и демонстрациях. Сейчас «Мемориал» насчитывает многие тысячи членов, а Натальин членский билет имеет номер девяносто четыре и подписан Сахаровым.

В свою очередь Вайсберг, как большинство граждан страны в те дни, не отходил от телевизора и однажды заметил Наталье: «Как ты можешь заниматься политической деятельностью? Ты же понятия не имеешь о том, что происходит в стране!». На что Наталья ответила ему убеждённо: «Ты наблюдаешь историю по телевизору, а я её делаю!». У многих была тогда такая иллюзия...

...Параллельно с бурлящим потоком общественной жизни текла их маленькая частная жизнь. К Натальиному пятидесятилетию Вика нарисовала рыжими мелками на большой светло-бежевой тряпке удивительно похожую на Наталью, летящую в стремительном движении обнажённую тётку с гипертрофированными женскими прелестями, среди которых доминировал бюст. Тряпку эту они с Вайсбергом повесили на дверь столовой и закрыли простынёй. При большом скоплении замечательного народа Вайсберг держал ключевую речь о несомненных заслугах Натальи в различных областях деятельности, проиллюстрированную смешными Викиными шаржами, и заключил так: «Желаем тебе дальнейших успехов в труде, а также на работе. На родине героя принято открывать ему бюст. Мы с Викой решили не нарушать этой традиции». С этими словами Вайсберг содрал с тряпки простыню. Открытие бюста на родине героя состоялось, к полному восторгу аудитории! Этот Викин шедевр и сейчас украшает дверь в их американском доме. На месте фигового листочка висит снятая с двери Натальинового университетского кабинета металлическая пластинка: «Professor Natalya Rapoport».

ПРОСЛАВИМ, БРАТЯ, СУМЕРКИ СВОБОДЫ...

*Ищут писатели, ищут политики,
И политологи, и аналитики,
Ищут упорно, не могут найти
Путь, по которому надо идти.
Ищут пожарные, ищет милиция,
Машут Бердяевым и Солженицыным.
Ищут, бедняги, не могут найти
Путь, по которому надо идти.*

Тимур Шаов

Между тем жизнь в Советском Союзе становилась всё тяжелее. Куда-то начисто исчезли продукты. В огромном рыбном магазине «Маяк» торговали женскими фиолетовыми панталонами из фильма ужасов. Кота Афанасия, привыкшего к минтаю, трудно было уговорить на такое изменение меню. Вайсберг читал ему вслух выдержки из газет, но Коту было в высшей степени наплевать на проблемы переходного периода Перестройки, он истошно орал и аполитично требовал жрать.

К девяностому году стало ясно, что над Перестройкой не просто сгущаются тучи — она терпит полный крах. Среди населения, измученного отсутствием всего самого необходимого, всю бесчинствовало общество «Память». Их «бомбы» падали порой совсем рядом — в почтовый ящик.

Незадолго до описываемых событий, в апреле восемьдесят восьмого года, в журнале «Юность», издававшемся миллионным тиражом, была опубликована Натальина повесть о «деле врачей». Арест отца в одночасье выбросил инфантильную четырнадцатилетнюю комсомолку из слепоты розового детства в густой мрак советской реальности.

В событиях, описанных в повести, не было, в сущности, ничего уникального — многих детей в те десятилетия постигала такая участь. Уникальность «дела врачей» состояла в чудовищности приписываемых врачам преступлений.

Врач-убийца — что может быть извращеннее и страшнее?! Простой народ верил пропаганде и боялся обращаться к врачам-евреям в поликлиниках, не подпускал к себе врачей-евреев в больницах и страшился покупать в аптеках лекарства,

отравленные евреями-фармацевтами. Трагедия «дела врачей» выходила далеко за рамки медицинского мира — его жертвой, в сущности, была вся страна. Но, как учит нас диалектика, каждое явление имеет оборотную сторону. Была положительная сторона и у «дела врачей»: лишённый квалифицированной медицинской помощи, скончался товарищ Сталин. Арестованных врачей тотчас реабилитировали, но, как говорится в известном анекдоте, «осадок остался».

Натальин рассказ в «Юности», опубликованный в апреле восемьдесят восьмого года, не оставил читателя равнодушным: в редакцию на имя автора пришли сотни писем. Большинство писем было от читателей, тоже переживших арест родителей. Но были и другие письма, содержание которых легко угадывалось с первых строк по лексике и орфографии. Авторы этих писем скорбели, что правое дело уничтожения евреев не удалось довести до конца из-за безвременной кончины Вождя. Такого же рода записки, без конвертов и марок, Наталья с Вайсбергом находили в своём почтовом ящике. Дескать, как видите, мы знаем, где вы живёте. Ирина Уварова-Даниэль позже раскопала, что активным членом самого разнузданного, Тушинского отделения Общества «Память» была их с Натальей мастер-косметичка, работавшая в салоне-парикмахерской в двух шагах от их дома. Мастером она была отличным и весьма популярным: к ней ездили на массажи даже артистки Большого Театра. Одной рукой эта дама красила Наталье брови-ресницы, другой руководила рассовыванием в её почтовый ящик мерзких записок с угрозами в её адрес и даже в адрес Вики...Простим эту несчастную женщину — в её жизни случилась трагедия посильнее шекспировской: её собственная дочь вышла замуж за еврея и родила ей внука-полукровку...

Напуганные записками и угрозами общества «Память», Наталья с Вайсбергом пытались контролировать каждый Викин шаг и терзали её своим неусыпным бдением, что сделало Викину жизнь совершенно невыносимой. Добавим к этому, что за исчезнувшими из жизни сыром и колбасой последовали акварель, гуашь и масляные краски. И если без сыра и колбасы ещё можно худо-бедно обходиться, то жить в стране, где нет красок, как всякому ясно, невозможно. Вика заявила, что уезжает в Израиль.

НА РОДИНУ ПРЕДКОВ

*Нет ни в чём в России проку,
Страшный рок на ней лежит.
Пётр пробил окно в Европу,
А в него сигает жид.*

Игорь Губерман

ВИКА ДОБЫЛА СЕБЕ ВЫЗОВ ИЗ ИЗРАИЛЯ и подала заявление об отъезде. Тут во всю свою ещё сохранившуюся мощь развернулся ОВИР. Викина работа в Тюменском кукольном театре (два раза по две недели на постановках кукольных версий «Декамерона» и «Макбета»), о чём в её трудовой книжке была сделана неосторожная запись, оказалась непреодолимым препятствием к отъезду в Израиль. По официальной версии, проблема заключалась в том, что Тюменской прописки на эти сроки у Вики не было, и, стало быть, милиция не могла за ней следить. Так что пока не будет доказано, что, пребывая в Тюмени без прописки, Вика не совершала уголовно наказуемых деяний, отпустить её из страны невозможно. Шли месяцы, а информация от Тюменской милиции об отсутствии у Вики уголовных преступлений не поступала. «Если бы я совершала уголовные преступления, милиция могла бы это доказать, но как можно доказать, что я их не совершала?!» — недоумевала Вика. Почти каждый день она ездила в ОВИР и отстаивала дикие очереди, чтобы в очередной раз услышать, что дело её с мёртвой точки не сдвинулось. Стала похожа на тень.

Всякому терпению есть предел. В какой-то понедельник Наталья проснулась с неожиданно созревшим во сне твёрдым решением объявить голодовку. Она обзвонила знакомых из ведущих советских и западных радиостанций и приехала в ОВИР с сообщением, что в четыре часа дня в присутствии журналистов объявляет голодовку у них на пороге, если они не перестанут издеваться над её дочерью. Происходило это накануне очередной (и, кажется, последней) партконференции, и скандал был ОВИРУ ни к чему. А тут как раз Наталья подруга из «Аргументов и фактов» подросла со своим журналистским удостоверением, и стало ясно, что Наталья не шутит. ОВИР засуетился. Наталью пригласили в кабинет к Начальнику. Тот очень настойчиво попросил её отменить голодовку, пообещав, что через несколько

дней ОВИР сообщит «о положительном решении их вопроса». Наталья решила пойти на риск и дала отбой: прямо из кабинета Начальника ОВИРа снова обзвонила западные станции с сообщением о временной отмене голодовки. Это было в понедельник, а в девять утра в четверг раздался телефонный звонок из ОВИРа: Викины документы готовы. Заплатив, как требовалось, за лишение советского гражданства, она получила выездную визу — этакий волчий билет на желтоватой бумажонке взамен отобранного паспорта. Десятого марта 1990 года Вика улетела в Израиль.

Её отъезду предшествовал ряд событий, характерных для тех быстро промелькнувших лет. Они запали в память, и я не могу ими не поделиться.

История первая: водительские права и права человека

Незадолго до отъезда Вика сдала экзамен на водительские права. Сдала не то с третьей, не то с четвёртой попытки: вождение автомобиля нельзя отнести к её сильным сторонам, и окончательная победа досталась ей немалой кровью. Корочку прав должны были ей выдать за неделю до отъезда, но дни шли за днями, а удостоверение готово не было. В ГАИ было известно, что Вика покидает Родину, потому что вместо паспорта она предъявляла выездную визу в государство Израиль. В последний день перед отъездом Вика в очередной раз поехала в ГАИ за своими правами. Это был не ближний свет — почти на границе с кольцевой дорогой, а счёт времени шёл уже на минуты. Она позвонила нам из ГАИ очень расстроенная: права опять не готовы. Наталья вскинулась: «Узнай-ка мне

телефон какого-нибудь начальника». Вика сообщила телефон, и Наталья позвонила. Ответил «Полковник N» (он представился, но фамилию Наталья тотчас забыла). «Моя дочь Виктория Рапопорт завтра утром улетает в Израиль, — сказала Наталья. — Ей должны были выдать права ещё неделю назад, но она их до сих пор не получила. Вы бы не могли ей помочь?» — «Я Рапопортам, Эпштейнам, Коганам не помогаю, — ответил полковник N. — Их надо уничтожать!». Вдумайтесь: это сказал человек в погонах, сидя за своим рабочим столом в государственном учреждении! Наталья страшно перепугалась: чёрт с ними, с этими дурацкими правами, неслась бы Вика пулей из этого фашистского логова! Но связи с ней не было — эра мобильных телефонов ещё не наступила. Приходилось ждать, пока она перезвонит сама. Тем временем Наталья позвонила своей подруге в «Аргументы и Факты», передала разговор с полковником N и дала его телефон. Подруга позвонила полковнику, представилась и сказала: «Вам только что звонила гражданка Рапопорт, её дочь завтра улетает в Израиль. Она просила Вас помочь с выдачей задержанных вами водительских прав. Вы не могли бы мне дословно повторить, что вы ей ответили». После некоторой паузы полковник произнёс: «Я ей ответил, что права готовы, и она может их получить в таком-то окне». Домой Вика вернулась с водительскими правами.

История вторая: Ночь перед отъездом

Как было тогда положено, поздним вечером они отправились на таможню сдавать Викин чемодан. Очередь была часа на три-четыре. Возвращались глубокой ночью, Наталья за рулём, Вайсберг рядом, Вика сзади. Въехав в свой двор, Наталья заметила с некоторым удивлением, что справа от проезда в темноте стоит чёрная «Волга». Она проехала мимо неё к своему гаражу. В этот момент у «Волги» вспыхнул яркий, как прожектор, дальний свет, и она двинулась вслед за Натальиной машиной, заперев её в тупике гаража. Трудно описать, как Наталья перепугалась. Мелькнула мысль, что сейчас будут стрелять — сказал же полковник N несколько часов тому назад, что Рапопортов, Эпштейнов и Коганов надо уничтожать.

Наталья крикнула Вике — ложись на сиденье! Вика, конечно, не двинулась с места, только ещё больше выпрямилась. Так они простояли, может, с минуту, может, чуть дольше: «Волга» с полным прожектором, направленным на их машину, и они, зажатые в тупике гаражей. Казалось, прошла целая вечность,

надо было что-то предпринимать. Наталья решила пожертвовать своей машиной: включила заднюю скорость и довольно резко рванула назад. «Волга» начала отъезжать. Наталья вытеснила её со двора, выехала сама и понеслась по пустой ночной Новопесчаной улице. «Волга» неслась за ними, не выключая дальнего света. Наталья свернула направо перед кинотеатром «Дружба» и помчалась вдоль Ленинградского парка. «Волга» неслась следом. На этом отрезке пути Наталья угодила колесом в глубокую

ВИЗА	
№ 8 XII 89	№ 698326
М-1 Обыкновенная	
Выездная I8I944	
Гр.	глава семьи - следует одна
Фамилия	Рапопорт
Имя, отчество (имена)	Виктория Владимировна
Дата рождения	20.12.65 г. Пол жен.
С детьми до 16 лет	
Цель поездки	постоянное жительство
Из учреждения	Израиль
В пункте	до 14 мая 19 90
В действительна для въезда из СССР с	любой
и въезда в СССР до	19 г.
через пограничные пункты СССР,	любой
открытое для пассажирского движения	
	14 ноября 89
	Выдана 19 г.
	К паспорту №
	УВИР ГУВД
	Мосгорисполкома

яму, и они чуть не погибли. Машину подбросило и закрутило, но каким-то чудом Наталья вывернула и полетела дальше. Куда они неслись? Сейчас трудно объяснить, почему Наталья приняла мгновенное решение ехать прямо в логово врага, в районное отделение милиции. Оно было тогда глубоко во дворе одного большого дома. Наталья неслась туда какими-то проезжими дворами, уже не разбирая дороги. «Волга» сбавила ход и остановилась в стороне, на улице. Было около четырёх часов утра. На пороге милиции стоял расхристанный мент в накинутом на плечи кителе. «Почему нас преследуют?!» — заорала Наталья, показывая на «Волгу». — «Вас никто не преследует. Вас охраняют», — ответил расхристанный мент. — «Можно узнать, от кого? Мы что, просили об охране?». Мент равнодушно пожал плечами. «Мы можем ехать домой?» — спросила Наталья. — «Вас никто не держит», — ответил мент, и они увидели, как чёрная «Волга» отъехала от тротуара и скрылась за поворотом дороги.

Они вернулись домой в пятом часу утра. Вика улетала, кажется, в девять. Эта последняя ночь перед отъездом была сильной прививкой от возможной ностальгии...

История третья: Вальпургиева ночь

Наталья дружила с Венедиктом Ерофеевым в последние годы его жизни и заехала за ним, чтобы везти на премьеру «Вальпургиевой ночи» в театре на Малой Бронной. Машину всего на несколько минут оставила у Вени во дворе. Когда они с Веней вышли и Наталья открыла перед ним дверь машины, на водительском сиденье обнаружился дурно пахнувший длинный металлический предмет правильной огранки, со срезанным концом в форме бритвы. Вайсберг его потом отчистил и положил на всякий случай на столик в коридоре: красивая и тяжёлая была вещь. Натальин папа определил его как инструмент для трепанации черепа.

Наталья до сих пор горюет, что из-за этого вонючего зубила у неё почти ничего не осталось в памяти от спектакля. В «Вальпургиевой ночи» всё основано на гениальном тексте, где каждое слово бьёт, как пуля, отлитая искусным оружейником из драгоценного материала. Ни одного слова нельзя пропустить без невозполнимой потери. Но чем страшнее становилось действие — а «Вальпургиева ночь», возможно, самая страшная пьеса, написанная на русском языке, — тем чаще Наталья проваливалась в свои мысли: у неё не шла из головы проклятая железка. Как на водительском сиденье оказался этот зловещий предмет? Может, она оставила машину незапертой? Такие мысли, да ещё телевизионщики или кинематографисты, время от времени освещавшие их ложу, чтобы заснять Венину реакцию на происходящее на сцене, чудовищно мешали сосредоточиться на спектакле. Взять у Вени интервью после спектакля было невозможно — говорить Венья в то время уже не мог. Аппарат, который заменял ему горло, сипел, хрипел, свистел — издавал всякие звуки, ни один из которых не напоминал нормальный человеческий голос. В Советском Союзе нужную Вене операцию делать не умели, да и протезов нужных не было. За несколько лет до этого французские хирурги предлагали прооперировать Венью во Франции: тогда его ещё можно было спасти, но ОВИР его не выпустил...Гениального писателя Венедикта Ерофеева, считайте, просто убили.

Примерно в это же время фашисты ворвались в Центральный дом литераторов на заседание группы «Апрель», хотели «бить морду жиду Окуджаве». Пахло погромами.

...С момента Викиного отъезда Наталья не знала ни минуты покоя. Связь с Израилем в те годы была резко ограничена, телефонный разговор надо было заказывать за неделю. Вика не все-

гда оказывалась в назначенный час у телефона, и Наталья, бывало, неделями ничего о ней не знала и сходилась с ума. Где она? Что с ней? Здорова ли? Может, она нуждается в помощи? Наталья понимала, что, находясь в Советском Союзе, никогда толком ничего о Викиной жизни не узнает и никогда ничем не сможет ей помочь. Натальин отъезд был тем самым предопределён. Вайсберг, однако, никогда не хотел уезжать из России. Отчаянно, чуть не до развода, бойкотировал идею эмиграции, отказывался учить язык и водить машину. Но описанный выше букет обстоятельств доконал даже его, и он согласился на отъезд.

Из-за причастности к «делу врачей» всё семейство получило в американском посольстве статус беженцев. Этот вожделенный для иммигрантов статус обеспечивал на первых порах в новой стране государственную поддержку. Для Вайсберга, совершенно не подготовленного к эмиграции — ни языка, ни водительских прав — статус беженца был жизненно важен, да и остальным членам семьи тоже не помешал бы. Но так уж повелось, что в Натальином семействе всё было не как у людей. Начать с того, что Натальиному папе Якову Львовичу на тот момент исполнилось девяносто два года. Его невенчанная вторая жена Катя членом семьи официально не считалась и в американский список включена не была, да если бы и была, всё равно никуда бы не поехала. Яков Львович тем самым из американской одиссеи исключался. Вика к моменту получения американского статуса была уже в Израиле и из списка вычёркивалась автоматически. Более того, переступив израильский порог, она на долгие годы захлопнула перед собой двери Соединённых Штатов. Что до Натальи, то как раз в эту пору она получила приглашение на работу от американского университета, на один семестр в штате Юта. Наталья увидела в этом шанс подготовить платформу для грядущего окончательного переезда. Ей претила перспектива сидеть на шее у еврейских благотворительных организаций, и она надеялась за предстоящий семестр найти в Америке постоянную работу. Оформление статуса беженца требовало времени, а приглашение на работу было у Натальи в руках и ждать не могло: начинался учебный семестр. Взмахнув крылышками, Наталья улетела в Америку по рабочей визе, не дожидаясь оформления статуса беженца. Она надеялась по окончании рабочего семестра вернуться ненадолго в Москву за Вайсбергом, оформить необходимые бумаги и улететь насовсем. Судьба, как это часто бывает, распорядилась иначе. Наталья из Америки не вернулась, и очень скоро выяснилось, что тем самым она захлопнула перед

Вайсбергом двери его личной клетки. Пройдёт много месяцев, прежде чем ему удастся прилететь в Америку и они с Натальей снова встретятся.

Не удивительно ли, как стремительно разбилась на куски их прочно устоявшаяся жизнь, едва пошёл в стороны железный занавес. Жила-была нормальная семья — муж, жена, дочь; первые двадцать пять лет совместной жизни расставались они максимум на неделю-две по причине рабочих командировок. Эта внешняя стабильность разлетелась почти в одночасье: в марте Вика улетела в Израиль, в августе — Наталья в Америку, и Вайсберг остался один в Москве. Точка превратилась в треугольник с вершинами Москва — Иерусалим — Солт-Лейк-Сити. Связь между вершинами была резко ограничена, так что стороны треугольника правильно было бы представить пунктирными линиями с большими пробелами.

Пока Наталья отрабатывает свой первый семестр в Университете штата Юта, посмотрим, что происходит в России и Израиле с Вайсбергом и Викой. Читайте ниже их переписку Москва–Иерусалим, и на закуску — Викин отчёт о визите в Израиль Натальиноного доброго знакомого, американского миллиардера Джима Соренсона.

Эпистолярый

*Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
Глубокими морщинами волнуя,
Меж ним и нами занавес лежит.*

О.Мандельштам

ДОРОГА МОРЕМ

ПЕРЕПИСКА ИЕРУСАЛИМ-МОСКВА, ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Одесский еврей получил в ОВИРе разрешение и уплывает в Израиль. Через пару месяцев он возвращается, снова идёт в ОВИР, заново оформляет документы и уплывает в Израиль. Когда это повторяется в третий раз, работник ОВИРа говорит:

— Выберите уже себе место жительства и перестаньте мотаться туда-сюда.

— И тут хреново,— отвечает ему еврей, и там хреново. Но дорога — морем!

Старый анекдот

Предварительные комментарии

1. Отъезд Вики в Израиль происходил в период массового бегства из страны. В нашем дворе был организован специальный кружок по изучению иврита, и за пару недель до отъезда Вика взяла там несколько уроков. После одного из них вернулась с фразой «Ешь пошимеш рак бобокер» (В переводе означает что-то вроде: «Здесь солнце бывает только днём»). Фраза всем очень понравилась и вошла в анналы, а Рак Бобокер (или Бабокер) стал в нашей семье фигурой нарицательной.

2. Вскоре после Викиного отъезда я улетела на работу в Америку. Перед отъездом в Штаты по просьбе моей английской подруги приютила у нас дома Христа ради одну английскую пару, приехавшую в СССР искать счастья: он — писатель, она — славистка. «Пара» оказалась состоящей из четырёх единиц: писатель и славистка появились в доме в сопровождении двух дочек, трёх и пяти лет. Я поселила их в папином кабинете (папа жил тогда у своей второй жены Кати). Бедный Вайсберг остался с английской семейкой один на один... Это нашло некоторое отражение в приводимой ниже переписке.

3. Когда в пятом или шестом классе Вика проходила «Песню о Буревестнике», у меня была какая-то перепалка с Вайсбергом

по поводу моей очередной поездки, и я в сердцах продекламировала: «Глупый Вайсберг робко прячет тело жирное в утёсах». Номер был построен на контрастах: всякому ясно, что Вайсберг не глупый и жирный, а умный и худой. Вика очень хохотала и взяла цитату на вооружение, с тех пор любовно называя Вайсберга письменно и устно «толстый глупый Вайсберг».

4. Не помню, писала ли я уже в этой повести, что Вика по первому образованию — театральная художница. Она окончила в Москве Художественное училище памяти 1905 года (теперь оно, кажется, называется Московская академия художеств). В Израиле эта её профессия оказалась не слишком востребованной, а может, по неопытности она не смогла найти ей достойное применение.

5. Письма Вайсберга и Вики пересекались в полуторамесячном пути, и редко можно установить последовательность письмо–ответ, тем более, что у Вики никогда не было заморочки ставить на письмах даты. Чаше оба корреспондента писали, когда подворачивалась оказия или просто рука тянулась к перу.

Вика — Вайсбергу

*Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живём иным пейзажем...*

Давид Самойлов

Здравствуй папа!

Живу хорошо, даже устроилась работать почти по специальности: пишу ценники на бензоколонке. Работа эта очень перспективная, так как цены на бензин всё время растут, и ценники приходится менять. Сосед мой Леон тоже очень выгодно пристроился. У нас тут в подвале открыли ночной бар для марокканцев и русских, так он пошёл туда вышибалой. Работа эта тоже очень перспективная, так как алия всё время растёт, и марокканцы недовольны русскими, и наоборот, и это приводит к конфликтам, а там, где есть конфликты, есть работа для Леона...

Так что ты не волнуйся, дорогой папочка, у нас всё в порядке и денег тоже полно.

P.S.: Пришли, пожалуйста, зубную щётку и тапочки.

* * *

Здорово, Вайсберг! Ты, конечно, догадался, что предыдущий шедевр эпистолярного стиля — шутка. Ценников на бензоколонках никто не пишет, да и цены не растут. В общем — всё в порядке.

Я тебя поздравляю с прошедшим днём варенья... У кого-то из аккмеистов был такой стих:

Если бы у меня были капиталы
Или хотя бы сорок копеек
Я купил бы тебе подарок малый
Чашку или жёлтых канареек.
Но у меня нету ничего на свете,
Стихов моих никому не надо.
Хочешь, я тебя нарисую и на портрете
Напишу — вот моя отрада.

Стишата не помню чьи да и вообще так себе, но уж очень к случаю. С ивритом у меня ничего. Уже достигла уровня ругани на рынке... Кое-что выучила по-арабски, например «осёл и сын осла», но пока не употребляю — боюсь физической расправы. Вообще со временем собираюсь учить арабский, но у них, гадов, письменность ещё покруче нашей: одна и та же буква в нача-

мешкище ваши

ле слова пишется на один лад, в середине — на другой, в конце — на третий... В остальном всё в порядке. Привет Афанасию, целуй его в усы.

Это я — твоя Д(очь). Точки на морде — это аллергия (опять).

P.S.: Надеюсь, ты понял, что зубную щётку и тапочки присылать не надо? Мне бы книг — Манделштама, Пастернака...

* * *

Здравствуйте, милые все!

Уже не помню, что врала в предыдущем письме, а потому могу случайно повториться. Говорила ли о том, что сделала обложку для детской книжки? Заплатили 400 шекелей (по нынешней дороговизне — копейки). Впрочем, книжонка та и этого не стоит...

...Теперь к вопросу о том, что в Израиле все ходят в противогазах, как передаёт ваше средство массовой информации. Отвечаю: в Израиле *не все* ходят в противогазах. Попробуй, походи в резине в тридцать с лишним градусов жары! Но шутки-шутками, а я вас об одном прошу — не волнуйтесь, всё у нас в порядке. Что касается моего иврита — он всё лучше и лучше. Что касается материального благополучия и общественного положения — ни того, ни другого нет как класса, а потому и говорить о них нечего.

Поэтому расскажу лучше, как я решила квартирный вопрос, который, как известно, всех нас испортил. Наталья наверняка понарасказывала всяких ужасов: мол — тесно, мол — сыро, мол — уют, мол — мебели нет и т.д.* Оно, может, так и было, но теперь у меня такой дизайн — закачаешься! Фима носился с дрелью по квартире пять суток без перерыва и соорудил из подобранных на помойках оконных рам и безхозных полок нечто, напоминающее ночной Петербург с разведёнными мостами: дело в том, что всё это помоечное хозяйство подвешено на цепях, вид имеет совершенно средневековый, и его можно опускать и поднимать в зависимости от настроения (схема при-

* Я всякими правдами-неправдами навестила Вику в Израиле через несколько месяцев после её туда переезда.

лагается). Если под оконную раму в подвешенном состоянии подставить лампу, получается световой стол — вещь, чертовски нужная для вёрстки и прочих хозяйственных дел. Кроме того Фима, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, соорудил мне двуспальную кровать, которую я упорно продолжаю эксплуатировать на ½ потенциала.

Что ещё написать? Ужасно по вас всех скучаю. Даже не думала, что буду так скучать. А что письма пишу редко — так вы не обижайтесь — их действительно тяжело писать...Нужно всё время держать американскую улыбку от уха до уха в 32 зуба, да не всегда получается...Зато я часто разговариваю со всеми вами про себя — так, о всяких пустяках. Даже о погоде: вот, мол, у вас, поди дожди идут, а у нас хоть бы облачко. Он мне даже снится начал, этот тёплый летний дождь...Кстати, слова дождь и дожждаться — они не одного ли поля ягоды? Может быть дождь — это как раз то, чего очень долго ждут и в результате дожидаются? Впрочем, не важно, это всё словестные игры — мы все здесь этим немного развлекаемся. Очень мне понравилось изречение моей подруги субботним вечером. Как известно, шабат, т.е. суббота, начинается в пятницу вечером с появлением на небе первой звезды, а заканчивается в субботу в аналогичное время. В промежуток от звезды до звезды Иерусалим вымирает...Мы стояли с моей подругой на остановке и, глядя с тоской в небеса, ждали появления звезды, а с ней и первого послешабатного автобуса. И тут она (подруга) вдруг сказала: «Теперь я поняла, что имел ввиду Маяковский, когда сказал «Послушайте! Если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно?» Как и всякий поэт, он был немножко пророк и предвидел, что это будет нужно мне».

Пишите мне, когда есть время и желание. Пишите! Не забывайте!

* * *

Здорово, тол. гл. Вайсберг! Ровно пять минут назад приходил почтальон и принёс твоё письмо, чем очень согрел моё сердце. Дело в том, что в аккурат сегодня на меня обрушились всяческие жути. Вчера я сходила на биржу труда и записалась на курсы компьютерной графики, но меня вежливо попросили принести диплом, переведенный на древнееврейский язык. В своё время, сразу по приезде я отдавала его в Мисрад Клиту — министерство абсорбции («насрать в клиту», как называют эту организацию олимпы) — и мне его перевели...Однако теперь, при ближайшем рассмотрении, оказалось, что есть только «приложение к оцен-

кам». А тушки-то, тушки-то где?!* Обнаружив этот факт, весьма прискорбный, я побрела к телефону — позвонить в какую-нибудь контору по переводу — и тут приятный мужской голос по автоответчику сообщил, что телефон мой отключён за неуплату. Совсем опечаленная, я решила хлебнуть чайку, но именно в этот момент газ надумал закончиться (у нас баллоны). Ещё у нас в доме сломался холодильник. Мы решили не быть жлобами и не вызывать местного мастера, а дать подработать олимам. Нашли двух русских «холодильных дедов», как их прозвал Фима. Деды пришли, поковырялись (изредка побряхтывая «хозяйева, чаю давайте» выковыряли какую-то деталь и, сказав, что надо её проверить, скрылись в голубую даль. Я позвонила им через пару дней и спросила, как себя чувствует моя деталь. «Деталь работает», — отвечали они удовлетворённо, но никаких поползновений её вернуть не сделали. Вот уже месяц, как я пытаюсь получить с них «работающую деталь». Пора бить морду, по нашему, по отечественному... В общем — полный джентельментский набор, нехватает только забитой раковины и короткого замыкания.

Ситуация описывается картиной «Пожар в публичном доме во время наводнения». Картину неизвестного мастера кон-

* Здесь — аллюзия на семейные анналы. Вайсберг как-то под Новый год стоял в ГУМе в гигантской очереди за осветровыми головами. Ему, конечно, не досталось. Очередь была на несколько часов, и один из его соседей вдруг спохватился: «Почему они одни только головы продают? А тушки-то где?» На что другой сосед ответил: «Ты разве не знаешь? Тушки у них — несъедобные!»

ца XX века «Пожар в публичном доме во время наводнения» прилагаю (картина, к сожалению, не сохранилась — *Н.Р.*).

Комментарии к картине:

1. Главная блядь.
2. Простые бляди.
3. Блядун вульгарис (обыкновенный).
4. Наводнение.
5. Пожар.
6. Красный фонарь.
7. Ангел, тушащий пожар.
8. Грустный чёрт.
9. Портрет вождя.
10. Солнце.

...Картина глубоко оптимистична. Основная мысль: к чему грустить, если холодильник не работает — ведь зима на носу. Или наоборот: чего убиваться, что отопления нет — ведь скоро лето. И хотя первые две неприятности (неработающий холодильник и отключённое отопление) иногда могут сосуществовать в одном пространстве-времени (как я убедилась на собственном опыте), зато две последующие — зима и лето — не совмещаются никогда, и это ещё раз доказывает мудрость и справедливость Великого Творца.

Я полна оптимизма! Завтра же иду заказывать газ, переводить диплом и платить за телефон. Кроме того соседи, кажется, собираются выбросить свой старый холодильник — он ещё пашет.

В общем — не грусти! Мы ещё поставим бабокера раком!
Искренне ваша В.

* * *

Здравствуйте мои родные все!

У меня всё в порядке. Неделю бездельничала как самая последняя свинья, зато покаталась по стране. Мишка Поляк (он здесь преподаёт в Тель Авиве) похитил меня и утащил по городам и весям — в Хайфу, Тель Авив, Яффу и т.д. А вчера ездила с экскурсией от ульпана к Мёртвому морю и в каньоны (заодно покружились в окрестностях Кумранских пещер). Я целый день ходила как чокнутая — нету слов, чтобы это описать. Действительно, эту страну Бог держал на руках. Очень хочется писАть (я имею ввиду красками), но пока нет денег на картонки и разбавитель. Я бегаю по всяким организациям и требую с них всяких раз-

ных шекелей, за то да за другое, а они мне на это отвечают своё знаменитое: савланут, т.е. терпение. В этой стране это так же существенно, как и бетакон — безопасность. На экскурсию мы ездили исключительно с собственным бетаконом — мужик с автоматом «Гилель», у которого при этом на лбу написан Гарвард (у мужика, естественно, а не у автомата) ...

...Если у тебя возникли какие-нибудь неприятности с властью предержащими...вставь знаменитую среди русских фразу «Ани оле хадаш, ани иврит катан», что в переводе означает примерно «Я эмигрант новый, я иврит маленький»...Главное не расколоться и не начать общаться по английски — они сразу проймут, что ты не такой идиот, каким прикидываешься, и понимаешь человеческую речь, и тут же и пошлют тебя на этой человеческой речи так далеко, как только можно в этой маленькой стране...

...Я поначалу в своей горячке залетела в Бецалель (это их Академия Художеств), но в разговоре выяснилось, что «ложиться надо завтра», как в анекдоте, т.е. документы сдать на следующий день, а экзамены в начале апреля. Кроме того, только для того, чтобы твои документы приняли к рассмотрению, надо заплатить 200 шекелей, а у меня их всего 220 на данный момент. И если ты не поступил, деньги не возвращаются (если поступил — тоже). Дело не в том, что жалко денег, которых всё равно нет, и потому не жалко, а в том, что не хочу делать опрометчивых шагов...

* * *

Привет Рапопортам и примкнувшему к ним гою Вайсбергу.

Жисть моя нормально, без особых происшествий, то устроюсь на работу, то уволюсь, то страдаю от комаров, то от обжорства. Последний раз страдала от обжорства как раз вчера, когда объелась орехами в шоколаде...У меня вообще нет денег, чтобы эти орехи покупать, но в здешних магазинах можно брать на пробу и, как видите, не сложно допробоваться до поноса...В Израиле опять подорожание, в связи с этим решила перейти на режим строгой экономии и покупать только те продукты, максимальный объём которых при максимальной питательности стоит минимальных денег. Наиболее отвечающими этим параметрам мне показались кошачьи консервы из крольчатины...Говно эти консервы!!! Их не то что Афанасий, а даже никакой уважающийся бродячий кот не взял бы в рот! Все мои попытки их облагородить путём пережаривания с перцем, солью и луком окончились

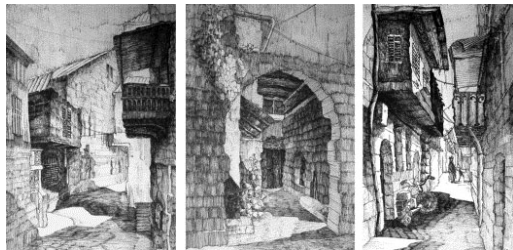
крахом. Короче, как его не перчи, дерьмо всегда останется дерьмом...

...Что касается жизни вообще и ваших вероятных вопросов в частности: работала я как-то графиком в газете; работа — скучная, газета — русская (со всеми вытекающими последствиями. Платят мало, а пахать надо много). И тут опять зародилась мысль об Академии, но чтобы получить там стипендию, надо представить новые работы, а я уже почти год не писала маслом. Взясась я тут было писать портретик — глянула и аж заколдобилась. Таких кривых рож даже Ван Гог не писал! Короче, решила уйти с работы и посвятить себя служенью муз, которое, как известно, не терпит суеты...

Еврейско-арабский конфликт пока не решился, но Саддам Хусейн грозитя его решить в ближайшем будущем.

В аккурат сегодня меня поймала на улице какая-то чокнутая американка-христианка и стала уговаривать верить в Бога. Она начала меня убеждать, что Израиль — Святая Земля, и хотя злые вороги мусульмане хотят её уничтожить, им это не удастся, т.к. господь нашлёт на них своё воинство небесное и они все перепугаются досмерти, потому как божии ангелы в гневе ужасны. Вот вам, пожалуйста, ещё один взгляд на решение палестинской проблемы... Кроме того, они все здесь, и христиане и иудеи, ждут Машиаха; как сказал мэр Иерусалима, разница между евреями и гоями в этом вопросе заключается в том, что гои считают, что Мессия придёт, а евреи знают, что он *уже идёт*... Вобщем, мы все здесь не в своём уме. Вопрос: а в чьём?

С приветом, Вика.

Вайсберг — Вике

*Хошь ешь, хошь пешамешь,
А рак всегда рак,
Тогда как бабокер — это бабокер.*

*Из философских мыслей LXI в. до н.э.
в переводе Вайсберга)*

Привет! Пишет Вайсберг В. А. Прости за некоторое молчание. Но о чём напишешь так, сходу? Слог у меня скудный, фантазия небогатая. Да ещё твой отъезд, да ещё сборы и отъезд Натальи... В общем, скажу тебе, психологическая нагрузка не для слабых...

...Нечто новое после отъезда Натальи осталось в квартире: кроме обычного бардака, Наталья оставила после себя небольшую иносемейку. Она — «славная баба», англичанка по национальности, рубит по-русски. Он — «замечательный парень», подданный США, непечатающийся писатель, религиозный протестант (не путать с «диссидент»), первую неделю пребывания в Москве искал протестантскую (не путать с диссидентской!) церковь, чтобы справить свои религиозные потребности, по русски — ни слова. Наконец, двое «прелестных малюток» трёх и пяти лет. Как ты можешь сообразить, в ванную я больше не вхож: там всё время моются или стирают; в кухне — или готовят или едят; в туалете — или писают или какают. Правда, в туалет мне иногда удаётся заскочить, но успеваю только убрать за Котом и не более того. Кстати, я кажется сообразил, почему писатель непечатающийся: он и не пишущий!..

Так что у нас весело, и длиться это будет столь же неопределённое время, как оккупация Вашим Государством исконных арабских земель. Вроде бы «славная баба» собирается устроиться на работу в какое-то издательство (представляешь, приехали ловить счастье в Советской России!!!) года на два...

Твои два письма получил. Идут примерно месяца полтора. Первое, написанное на третий день после приезда, немного сумасшедшенькое, но это и понятно. Во втором уже мелькают отдельные здравые мысли. Я полностью согласен с тем, что надо осмотреться как следует, прежде чем принимать какие-либо решения. Давать советы с другого континента бессмысленно...

...Свобода и демократия в нашем обществе продолжают расти на глазах у изумляющейся публики. Легализуются самые

разнообразные движения, от простых до конституционных демократов и от анархистов до монархистов. И все друг другу противостоят и властям тоже противостоят. Сорганизовались уцелевшие дворяне-аристократы и предводителем Советского Российского Дворянства избрали простого советского, кажется, художника — Голицина (помнишь, «Подайте патроны, поручик Голицин...»). А недавно по телевидению показывали сборище молодых и не очень молодых людей, в том числе и баб, которые объявили себя «офицерами Его Императорского Величества Лейбгвардии какого-то полка». Они все были в соответствующем прикиде и со знаками отличия — чёрт знает, где достали. Намерены бороться за возрождение дореволюционных традиций русского офицерства, а заодно монархии.

На наглый вызов тов. Саддама Хуейсейна всему мировому обществу мы ответили новым дефицитом на хлебо-булочные изделия и табачные тоже. Странно: женщины, мечтавшие не есть хлеба, теперь, когда реально представляется такая возможность, очень возмущаются. Про курильщиков и не говорю. Некоторые из них — очень несознательные и возбуждённые — уже переворачивали автомашины, в том числе и «03», распознав в них, повидимому, виновников дефицита. Пришлось вмешаться «спецназам». Такие вот дела. Лично я, как и прочие, буду получать теперь талоны на 2 (или 5?) пачек сигарет в месяц. Как ты понимаешь, мне, некурящему, этого должно хватить...

...Кот Афанасий с 1-го мая отдыхает на даче в Расторгуево под присмотром Марии Николаевны. Он большую часть времени загорает на крыше над крылечком. Выглядит вполне прилично. И не удивительно: жрёт больше меня и ничего не делает...

Обнимаю и целую. Тол., гл., и пр. Вайсберг

Виктоша, здравствуй!

Пишет Вайсберг. Расстроенный и раздосадованный. Позволила Татьяна Соколинская и сказала, что румынские ворюги спиздили у Ирины Соколинской мою передачу к тебе (впрочем, вместе со всем её багажом). Мне не так жалко всего багажа и даже книгу, которую я тебе послал, хотя книга была хорошая и тебе нужная — по искусству. Но письмо... Оно было на четырёх листах, содержало всяческую информацию и вообще было от души. Рукописи не горят — их воруют. Или, может быть, письмо было отдельно от багажа и не пропало? Ты мне при случае дай знать, а то я уж и не знаю, что писать, чтобы не повторяться.

* * *

*Ешь — не ешь
Всё равно пешимешь*

(из древнего эпоса)

*Бобокер, бобокер, не ешь пешамешь!
Раком будешь!*

(из русской сказки)

Я твоё письмо с описанием орехово-шоколадного поноса и кошачьих консервов получил. Вика! Понос всегда был моей прерогативой, так что ты это брось! Иначе я буду считать это нарушением моего суверинетета. Суверинетет — это у нас сейчас очень модно. Что касается консервов, то ты абсолютно права. Послушай, что было. Наталья, после своего посещения Земли Обетованной, привезла Коту в качестве лакомства банку названных консервов. Банка выглядела шикарно: вся расписана какими-то словами с изображением лихой кошачьей рожи на фасаде. Наталья сказала, что в какой-нибудь большой праздник мы угостим Афанасия этим лакомством. Но всё как-то забывали, и праздника не было, и Наталья снова уехала, так и не облагодетельствовав Кота. Тут недавно, когда минтай и прочая рыба окончательно уплыли в голубую океанскую даль, я показал Афанасию изображение на банке и дал прочесть текст, чтобы он не сомневался, после чего вскрыл банку и выложил порцию деликатеса на ресторан. Кот рванул к ресторану, сунул нос к яству и вдруг отпрянул! Обернулся ко мне в полном смятении, посмотрел ошарашенно и стремглав бросился вон из кухни. После этого Кот три дня на кухню не ходил, несмотря на мои уговоры, что я, дескать, пошутил. Так чтонисколько не удивляюсь, что кошачьи консервы тебе тоже не понравились. Следующий раз попробуй собачьи — их очень рекомендуют сов. заграничные командированные — может быть, это вкусней. А ещё лучше, оставь кошачье своим израильским кошкам, собачье — собакам и, как у нас говорят, не экономь на собственном здоровье. Иначе — никакой разницы с Soviet Union. У нас ведь теперь свободы тоже хоть отбавляй, и постреливают иногда кое-где, и жрём чёрт знает что. Не стоило уезжать так далеко, чтобы иметь точно то же самое.

Ну, у нас в общем всё в порядке — демократия шагает по стране, евреи продолжают разъезжаться (говоря словами классика),

благополучие падает (по официальным данным), конец не предскажем...

Других твоих за последнее время что-то не было слышно. Это не удивительно: время такое, что не до лирики, все заняты решением своих проблем, которых хоть отбавляй. Я, втрывленный Натальей, пятый месяц учусь на курсах автоводителей и конца не видно, т.к. все курсовые машины на приколе из-за отсутствия запчастей и горюче-смазочных материалов.

Письмо пошлю почтой, потому что оказиям что-то больше не доверяю, поэтому получишь ты его не слишком скоро.

Виктоша! Я думаю, что в этом письме будет в самый раз поздравить тебя с четвертьвековым юбилеем. 20-го декабря, ровно в 22:00 по Московскому времени, я подниму большой бокал за твоё здоровье, счастье и удачу. И делай свою карьеру без кошачьих деликатесов.

Дозвониться до вас невозможно — это доступно только заслуженным пенсионерам и то только ночью... Ограничиваюсь горячим отцовским приветом и самыми наилучшими пожеланиями.

О погоде:...дождь от небольшого до кратковременного почти целый день... Ты скучаешь без дождя, посылаю его тебе в конце этого письма. На этом кончаю.

Обнимаю тебя и целую.

Твой тол., гл., и пр. папаша Вайсберг.

05.XI.90

Дождь.

* * *

Однажды Рак Бобокер жуку...

Из старой басенки

Привет, привет, о Великий Знаток и Толкователь Каббалы и Торы!

Намедни получил твоё письмо, вернее — целый пакет писем, написанных, судя по событиям, которые в них излагаются, где-то в октябре месяце. Конверт, в котором всё это находилось, был сильно посявканный и кое-как склеенный, со штампом: «Вынуто из почтового ящика в повреждённом виде». Но, вроде бы, все тексты целы. Я не нашёл твоё письмо слишком пессимистичным, как ты предупреждала, и считаю, что по крайней мере на тот момент всё было у тебя в порядке — нормальная жизнь. Однако, прошло уже больше двух месяцев, и что у тебя

теперь, не знаю и беспокоюсь: вдруг соседи не выбросили свой старый холодильник. Или ещё что. У меня просьба: пиши по возможности регулярно, хотя бы раз в месяц. Можешь не мучаться над формой и содержанием, достаточно кратенького отчёта по форме: 1. Где живёшь (если поменяла жильё); 2. С кем живёшь (например, кто таков Лёнька-художник, я о нём первый раз слышу); 3. Что подделываешь (не вообще, а род занятий); 4. Как живёшь (это в свободной форме); 5. Каковы планы на ближайшее и более отдалённое будущее (при наличии); 6. Разное (по усмотрению).

Наша жизнь идёт по-старому, т.е. что ни день — что-нибудь новенькое. То талоны на что-нибудь введут, то цены на что-нибудь повысят, то литовцев или ещё кого маленько побьют и т.д. Голода, однако, нет, ты совершенно напрасно беспокоишься. Но народ злой, вроде ваших палестинцев..

Пользуясь оказией, я посылаю тебе эти несколько строк и два фото, чтобы ты убедилась, что я действительно тол. и гл. Это я еду спасать «небывалый урожай картофеля».

Все тебя помнят и передают приветы. Жду сообщений, обнимаю, целую.

Т.Г.Вайсберг 16.01.91

* * *

*То не Рак свистит,
Не бабокер шумит...*

Из былины

Виктоша! Это опять пишет Вайсберг. От себя лично и от деда Якова Львовича. Это грустно, но он стал совсем плохо видеть и не может ни читать, ни писать. Почему я и представляю от Я.Л. Никакие средства не помогают, даже те, что Наталья присылает из Штатов. К сожалению, процесс необратим. Между тем, дед ещё полон жизни и активно всем интересуется, особенно твоим житьём. Ему (и мне) хочется представить и твою повседневную жизнь, и твоё окружение, и ближайшие планы и более отдалённую перспективу. Не поленись, напиши большое письмо с подробностями — всё интересно...Ты только не подумай, что все эти вопросы преследуют цель вывести тебя на чистую воду, или, тем паче, давать руководящие и направляющие советы — это просто желание представить себе ощути-

мо, как ты там живёшь. Это же всем интересно и важно, а деду в особенности: ведь у него нет шансов когда-нибудь увидеть это собственными глазами.

Я уже два месяца веду жизнь пенсионера, т.е. не служу и получаю 132 р. в месяц. С некоторым удивлением отметил, что на работу меня не тянет, хотя пропахал 40 лет и, казалось бы, трудно будет отвыкать. Как вспомню, на кого всю жизнь пахал. Не подумай, что имею ввиду тебя. Во-первых, на тебя приходится только полжизни, а во вторых, твой уровень потребления не сравним с потреблением Нашей Партии и её прихлебаев...

Не помню, писал или нет, что в июне прошлого года я поступил на Госавтокурсы. Так вот, я их всё ещё не закончил! Все учебные машины вышли из строя, а запчастей, конечно, ёк. Конца не видно. Сейчас собираюсь поступить на экспресс-курсы английского, но это так, от безделья.

Афанасий в сортире уже полчаса скоблит свой туалет. Можно подумать, что закапывает яму метровой глубины. Пойду выгону.

Напиши, не нужно ли тебе прислать кое-что из твоих книг и альбомов. Я теперь на досуге и имею возможность это сделать.

Тол. гл. и пр. Вайсберг 17.03.91

* * *

Вика — Вайсбергу

Привет, толст., глуп и др! Живём нормально, несмотря на происки американской администрации. Они, сукины сыны, договорились с нашим атаманом Шамиром новеньких из страны не выпускать. Наталья развила бешеную деятельность — пишет письма от лица сенаторов и чуть что не президента, я тоже накатала скромное письмецо на страничку, застенчиво намекнув, что мои права человека и гражданина грубо нарушают вопреки американской конституции.* Но это, так сказать, борьба, происходящая на задворках. На переднем крае мы ведём борьбу за святое искусство. Предложили мне тут сделать иллюстрации для антологии детской еврейской поэзии. Господи, в жизни своей не испытывала таких творческих мук. Думала — морда у меня трес-

* Вика получила стипендии от факультетов искусств трёх ведущих американских университетов, но американский консулат в Иерусалиме упорно отказывал ей в студенческой визе, несмотря на письма от директора Нью-Йоркской академии художеств и влиятельного сенатора.

нет пополам. Для начала нарисовала им иллюстрации к теме «Царица Суббота» (посылаю предварительный чёрно-белый вариант наброска). Что такое «шаббат» для еврея, думаю, даже вы, гои, знаете. Чисто религиозный праздник (в день седьмой ОН отдыхал). Заказчик посмотрел и не одобрил — слишком много религиозности. Убрать свечки, таинственность и т.п. Нарисовать маму, деток, накрытый стол. Я согласилась, нарисовала. Заказчик остался недоволен. «Да, — сказал он, — религиозность вы убрали, но посмотрите, какие вы сделали еврейские лица! Уберите эту еврейскость (это в анталогии еврейской поэзии!!!). Я засела за работу и честно заменила всем еврейские морды на нижегородские. Заказчик посмотрел и остался недоволен. «Послушайте, что это вы мне безотцовщину изобразили?! Мама, дети — а где же папа? Где их еврейский папа»...

Это я описала только один момент работы над одним эскизом. А я молчу про другие... Ушла рисовать кибуцников на фоне железного коня, который пришёл на смену крестьянской лошадке... Но приходится терпеть — надо деньги зарабатывать. Мишка смеётся над лёгкостью, с которой я меняю свою политическую окраску. Сам он никаких окрасок не меняет, потому что устроился работать в охрану — это организация аполитичная. Там работают «дети разных народов» и еврей с арабом — братья навек. Очень часто можно увидеть сцену, как на входе в какой-нибудь учреждений сидит вооружённый до зубов араб и проверяет у проходящих евреев сумки на предмет наличия бомб — это он нас от интифады охраняет. У Мишки такой сменщик — огромный пузатый арабище. Без перерыва курит кальян и приглашает нас выпить с ним кофе в старом городе (в арабском квартале, конечно). Мишка вежливо отказывается, ссылаясь на то, что много работы...

Недавно у нас была выставка в центре Иерусалима. Мы, правда, проявили себя не с лучшей стороны на её открытии — пришли очень усталые и голодные после трудового дня, а там бесплатно раздавали сухое вино — так всегда на открытии выставок. Короче, через полчаса мы уже были в такой кондиции, что поняли, что лучше не ждать фотографа (он хотел сделать снимки для прессы), и напрямик рванули домой — закусьвать. А в остальном всё хорошо...

Вайсберг! Пиши! Я хочу знать, что же дальше случилось с раком бабокером!

* * *

...Привет, Вайсберг, опять...Возможность увидеть тебя в США окончательно отпала.* Зато, похоже, нам с Мишкой привалит куча денег (тьфу, тьфу) и мы сможем съездить в Союз. Дело в том, что я заканчиваю заказ на книгу — а это несколько тыщ шекелей, а Мишка сторожит какие-то трактора на оккуп. терр.. Ему даже недавно выдали форменную голубую блузу, на что его приятель, презрительно скривившись, заметил: «Мент — он хуже козла». Кроме блузы, что более существенно, есть автомат «Узи», из которого мы садили по консервным банкам (патронов здесь не считают). Недавно Мишке вообще выдали новую точку — недалеко от Иерусалима сторожить колодец. С одной стороны — лес, с другой — горы. Там так здорово, что мы почти переехали туда жить — сидим в теньке, рисуем, пищу готовим на костре, спим в спальниках. По ночам в горах воют гиены. Мишке все завидуют. Говорят: «Классика — пустыня, баба, автомат!». По соседству живёт очень милый бедуин. У нас с ним уже возникли дружественные отношения — вместе жарим шашлык, пьём чай и т.д. По поводу этого бедуина Миша мне признался, что впервые разговаривал с человеком, который никогда не видел глобуса. Кроме того, Нур вообще умеет задавать красивые вопросы: «На каком языке говорят в Европе?». Зато он — эксперт в повадках гиен и дикобразов. Так и живём — как на даче. Как вы? — спрашиваю ещё раз. Привет!

* * *

...Только что вернулись из Эйлата. Это гордость Израиля, наш зимний курорт, самый южный кончик нашей родины. В Европе на каждом углу плакаты, призывающие вас окунуться в пляжные восторги Эйлата. Сидя на пляже перед своим бунгалом, можешь небрежно окидывать взглядом пять государств зараз. Тридцать метров влево — Иордания. Вот они, домики — рукой подать. Эйлатские олимпы ходили наниматься на работу в Иорданский порт — он от этого места ближе, чем Израильский. Пограничники, конечно, повеселились. Ну, вправо, разумеется, Египет, неподалёку Саудовская Аравия, Синай тут же примостился, ни ваш, ни наш. А позади — Израиль, так что, как говорил политрук Ключков, отступать некуда.

...Кабан трудится день и ночь — делает картины раз в 20–30 лучше тех, что послали с Натальей. Все от них балдеют, но куда

* Американский консулат окончательно отказал Вике в студенческой визе.

их девать, пока не понятно. Мы тут прикупили с Кабаном эквипмент (что в переводе с вашего государственного языка на наш государственный язык означает оборудование. Оборудование состоит из машинки для резки паспарту (150 шекелей) и пилы для багета (можно делать скос под любым углом, 250 шекелей). Кабан уже шикарно оформил наши работы — даже аккуратней, чем в мастерской — руки у него золотые. Сейчас ищем заказчиков... Но тут проблема в том, что если вы не существуете как конкретная фирма — то есть у вас нет своего бланка, счёта и т.д., вас очень легко наебать с деньгами. Так что на днях идём регистрировать фирму. Гордись, Вайсберг! Породнишься с крупными фирмачами!

Вобщем, время в Эйлате провели неплохо. Жили у друзей в бунгало — это вроде чума или вигвама, но, слава богу, есть электричество. В тридцати метрах от иорданской границы. Друг Илья работает в аэропорту — чистит самолёты. Очень забавно рассказывает. Говорит, когда прилетают немцы, впечатление такое, что самолёт пришёл пустой, только чуть окурков в пепельницах. Когда французы — кажется, что весь салон от Парижа до самого Израиля кидался апельсиновыми шкурками. Англичане очень смешные — грязные, патлатые, босые — выглядят как настоящие подонки общества. Спят в спальниках на пляже, обкладываются для тепла бродячими собаками. Псов в Эйлате до чёрта и у них с англичанами пакт: англичане их кормят, а собаки их греют. Самое забавное, конечно, то, что все эти заросшие полу-хиппи через месяц возвращаются домой, скидывают с себя рвань, моются, одевают серые двубортные костюмы, берут в руки кэйсы и отправляются на службу в какой-нибудь банк или контору — как и положено скромному лондонскому клерку. Больше всего нас, как аборигенов, поражали финны. Они рассекали по набережной в майках и пляжных шортах, некоторые даже купались, психи, в то время как все порядочные люди ещё носили куртки и шерстяные носки. Шутка ли: + 22 °C!

Вобщем, погуляли три дня и вернулись в Иерусалим... Меня от биржи труда послали наниматься на работу в гостиницу (не знаю уж кем). Завтра пойду отмазываться, Думаю, это будет не сложно. Я ещё не встречала работодателя, который бы меня хотел.*

...Из крупных событий нашей жизни была ещё перекраска меня и Мишки в блондинов (3 шекеля всё удовольствие). Миш-

* «Отмазаться» Вике не удалось и она четыре года, вплоть до отъезда в Америку, работала уборщицей в гостинице и нянечкой в доме престарелых.

ка целый день ходил в эйфории и всем хвастался: сегодня у меня будет блондинка. Мне он потом заявил, что я — первая блондинка в его жизни.

...Ближе к лету планируем тебя, Вайсберг, пригласить. Билеты оплатим, так что ты не волнуйся. Живём мы сейчас прямо в самом центре, центральной не бывает. По московским понятиям это была бы даже не улица Горького, а Красная площадь. Хорошо, что окна выходят во двор, а не на улицу. А то совсем спать можно. Вдоль всей Бен Яхуды через каждые 15–20 метров стоят русские музыканты и лабают. Кто во что горазд — кто про Яр с цыганами, кто про Крокодила Гену, кто арии из Годунова. Короче, несут культуру в массы.

Чувствую, что пора закругляться, а то ты устанешь читать. Кроме того, у меня уже три ручки кончились на этом письме. А ты сам пиши — продолжай свой опус про рака бабокера. Я буду ждать.

Любящая вас дочь Виктория

P. S. Привет Наталья! Это письмо адресовано и тебе тоже, ты же понимаешь. Так что читай на здоровье. Вайсберга не обижай, люби. Кабан шлёт тебе тысячу приветов и пожеланий. Всем хвастает, что у него тёща — высший сорт! Очень тобой гордится.

Чему нас учат семья
и школа.

ОБЕД С ДЖИМОМ

ВИКА — ВАЙСБЕРГУ
МОРМОНСКИЙ ЦЕНТР, ИЕРУСАЛИМ, 1993 ГОД

Предварительный комментарий

Те, кто читал мою книжку «То ли быль, то ли небыль», знают, что я была дружна с американским миллиардером Джимом Соренсоном. Я сопровождала Джима в Россию, где мы имели массу приключений, описанных в главе «Визит Джима». После Викиного письма я приведу эту главу здесь в слегка отредактированном виде. Джим умер несколько лет назад, и, к моей великой печали, настоящее время, характерное для публикации 2004 года, пришлось заменить на прошедшее.

По данным журнала «Форбс», в списке четырёхсот самых богатых людей мира Джим был на уровне семидесяти-восьмидесяти. Он получал ежедневно сотни писем с просьбами о сотнях, тысячах, сотнях тысяч, а то и миллионах долларов. Откликнулся он на эти просьбы редко и неохотно, поскольку страшно не любил расставаться с деньгами, даже небольшими.

Так случилось, что мне пару раз пришлось — и удалось — вытащить Джима из серьёзных неприятностей, грозивших ему большими материальными и моральными потерями. Он был мне очень благодарен, но считал слегка не от мира сего, поскольку я не просила за это денег. Зато отношения у нас были самые простые. Я бывала у них в доме на семейных праздниках и просто в гостях, бывала на симфонических концертах, организуемых его женой Бэверли в «подвале» их дома (!), бывала в их «cabin» (по нашему — на даче) — мне было очень интересно прикоснуться к их жизни.

Джим жил очень просто. Мы с Вайсбергом как-то встретили жену Джима Бэверли в дешёвом супермаркете. Она везла тележку с таким же набором продуктов, что был и в нашей. Я сразу написала папе в Москву: за нас не беспокойся, живём хорошо, питаемся, как миллиардеры.

...Однажды Джим сообщил мне, что летит в Израиль как гость мэра Иерусалима Тэдди Колека. Я попросила его передать от меня Вике и Мише кое-какие подарки, и дала их телефон. Что произошло дальше, вы узнаете из Викиного письма.

Вика — Вайсбергу

Привет, Вайсберг!

Поскольку мистер Соренсон обещал дать вам подробный отчёт о посещении Иерусалима и нашей встрече в верхах (в прямом смысле — встречались мы на горе) — то мы считаем своим долгом тоже осветить события, чтобы вы имели информацию с двух сторон. Должна сказать честно, что нас очень позабавило Натальино заявление, что мистер «С» по приезде сразу же нам позвонит.

— Да, — мрачно сказал Миша, — прямо из аэропорта.

Надо отдать мистеру «С» должное — он не заставил себя долго ждать и в 6:30 утра в воскресенье (как у них, миллиардеров, принято) обрадовал нас телефонным звонком. Мы были официально приглашены на обед в четверг 19-го ноября в 19:30 в мормонский центр (BYU Center). Нам это очень польстило. Миша с уважением заметил, что тёща его «серьёзная женщина». Кажется, он не жалеет, что женился.

Надо сказать, что с момента получения приглашения перед нами встала маленькая дилемма — как одеться? Со мной проблем нет, т.к. я женщина и мне достаточно надеть красивое платье и наштукатурить харю, но с Мишкой вопрос серьёзнее. Израиль, как известно, страна «демократическая» и анекдот о «вшивом парламенте, в котором Рабинович может сидеть без пиджака» имеет-таки под собой основу. Наш сосед Тёмка имел как-то продолжительную беседу на эту тему с австрийским дипломатом (дипломат подобрал Тёму в Австрии на шоссе). Так вот дипломат (одетый, кстати, в безукоризненный чёрный костюм и тонкий чёрный галстук) заявил, что его любимой политической фигурой является Моше Даян — наш национальный герой — так как никто никогда не видел его в галстук! «Подумать только, — восторгался дипломат, — нет ни одной фотографии в галстук!». Другой наш друг, попавший как-то случайно на обед с министром труда, сказал, что министр хоть и был в белой рубашке, но галстука тоже не носил (и пиджака, кажется, тоже).

В конце концов, после долгих дебатов и Мишкиных заявлений, что давно пора купить ему галстук за счёт фирмы,* мы остановились на белой рубашке с пиджаком (но галстук всё же решили когда-нибудь включить в бюджет). Дело в том, что мы

* Вика с Мишей только что открыли свой крохотный бизнес — рамочную мастерскую.

недавно обнаружили забавную вещь. Степень гибкости мелко-го бизнеса зависит от размера разрешённого минуса в банке. Объясню, чтобы вы не пугались. Не знаю, существует ли такая система в Штатах, но в Израиле так живут все. Пример: у меня на счету есть 1500 шекелей. Я получаю срочных заказов на 4000 шекелей. Мне нужно срочно вложить материалов на 1300 шекелей. Я вкладываю, делаю работу, но платят мне только через две недели. То есть на две недели я остаюсь с 200 шекелей на счету фирмы. В этот момент мне приносят ещё один срочный заказ, скажем, на 1500 шекелей. Для него надо вложить материалов, скажем, на 600 шекелей. У меня этих денег нет и я вынуждена от заказа отказаться. В таких случаях, как правило, заказчика теряешь навсегда. Если же у меня есть разрешённый минус — то и проблем нет. В Израиле серьёзность бизнеса определяется глубиной минуса. Когда человек с минусом в 20,000 входит в банк, ему навстречу выбегает директор и секретарша подаёт кофе, так как ему понятно, что у такого человека в руках единоразово может оказаться 40,000 шекелей!

Нам сначала разрешили только минус 300, а теперь уже 2,000 — фирма растёт.

В том, что банк идёт нам навстречу, играют роль не только наши финансовые отчёты, но и Мишкин «внешний вид». Собираясь в банк, он всегда одевает пиджак. На израильтян это производит неизгладимое впечатление. Встречая Мишку на улице в таком виде, наши знакомые всегда спрашивают: «Лама ата блалифа? Ата олах лаасот?» — «Почему ты в пиджаке? Идёшь делать бизнес?». Короче, пиджак — это круто, а галстук — высший пилотаж. Мишка уверяет, что если купить ему галстук за 50 шекелей, в банке дадут минус 3,000, и это выгодное вложение.

В свете открытого нами экономического закона, мы задумались, какой минус у мистера Соренсона. Вопрос, однако, разрешился сам собой. Мистер «С» в беседе в шутку упомянул случай, как он зашёл в банк положить на счёт двадцать миллионов долларов. Директор его спросил: «Хотите купить банк?» — на что мистер «С» ответил — «Нет, я в этом ничего не понимаю». Тут Мишка наклонился к моему уху и прошептал: «По-моему, у него нет минуса!». Потом подумал и добавил: «Если он, конечно, не взял в соседнем банке минус сорок миллионов».

Самого Тэдди Колека — нашего мэра — на обеде не было, но встреча нам суждена, я это чувствую, так как мы уже с месяц неотвратимо к нему подбираемся. Буквально за последние две недели мы успели оформить выставку старинных гравюр с видами

Иерусалима для одного его заместителя и попридутьствовать на встрече со вторым его заместителем (выставка проходит в ЦДХ Иерусалима). Встреча была с деятелями культуры из среды олим. Мы представляли группу художников. От всех остальных деятелей культуры мы отличались тем, что денег не просили, а наоборот, ставили вопрос так: «Иерусалим, мол, очень много для нас сделал. Теперь и мы хотим что-нибудь для него сделать. Монументальную роспись какую или детскую площадку или чего ещё». Начальство вроде бы заинтересовалось, но конкретных результатов пока нет.

Да, кстати, ещё один штрих. Мы подарили мистеру «С» картину и Тэдди Колек подарил мистеру «С» картину. И я подозреваю, что обе картины (Мишкин офорт и шелкография Колека) были напечатаны в одном и том же месте — в печатном центре Иерусалима у Арика Лемника — к кому же Колеку обратиться, как не к Арику... Офорт нашли единственный маленький, Мишкин, так как мои сейчас все 50×70 — у меня период монументализма. И золотые работы — тех же размеров. Никак не соберёмся их переслать — я давно хочу, да всё времени нет.

Да, так теперь о самом обеде. Мы встретились с мистером Соренсоном в отеле «Шератон» в 19:00 вечера. Он был в сопровождении двух сыновей и каких-то официальных лиц из Израиля. Официальные лица поделились с нами в кулуарах, что мистер «С» доволен визитом и собирается раскошелиться. Все лица как один были в строгих чёрных костюмах с галстуками (Мишка меня сожрал, что я не дала ему купить эту деталь туалета) и вообще всё вместе было похоже на мизансцену из фильма про сицилийскую мафию. Мужчины говорили размеренно и веско и хором смеялись шуткам. Даже не смеялись, а произносили этак округло: «Ха-Ха-Ха». Мы с Мишкой тоже присоединились к этой игре. На вопрос, чем мы занимаемся, ответили, что у нас своё «дело». Акулы бизнеса очень заинтересованно начали расспрашивать, приносит ли оно доход. Мы сказали: «О да, оно приносит доход». И дяди в чёрных костюмах жали нам руки и желали успеха в бизнесе (а недавно продавец художественных товаров в Доме художника сказал нам: «Горохов* — это фирма!»). Потом мы все сели в авто и поехали на обед в-знаешь куда? В Мормонский центр! Ну и охуенный же у них Центр, я тебе скажу! Один орган стоит полмиллиона! Кругом английский дуб и итальян-

* Горохов — Мишина фамилия до её обрезания в «Горо».

ский мрамор. На столе свечи и скатерть кружевная с салфетками и араб весь в белом, вышколенный как негр, подаёт яства и проч. и проч. И кто-то тоже весь в чёрно-белом рассказывал об обеде у миссис Тэтчер, где она была так остроумна, а мы в это время наворачивали овощные закуски. Кстати, за столом нас представляли дольше всех. Начали издалека — с 1952 года, а потом, постепенно, перешли на современность. В конце представления опять упомянули, что у нас свой бизнес, и весь стол хором сказал: «О-о-о!». В общем, всё прошло нормально.

Мы с Мишкой не перестаём восхищаться Натальей. Редко у кого хватило бы нахальства использовать финансового воротилу-миллиардера в качестве посыльного с гостинцами для детишек. Огромное, кстати, спасибо за подарки. Все пришлось очень кстати. Мишка очень любит разглядывать зверюшек с футболки у меня на груди. Сосед Тёма тоже очень интересуется. Плащ и свитер — замечательные, а что касается золотого костюма — просто нет слов. Даже непонятно, куда его здесь можно одеть. Почаще присылайте миллиардеров — буду носить костюм на приёмы.

Ваши дети

О ВИЗИТЕ В РОССИЮ АМЕРИКАНСКОГО МИЛЛИАРДЕРА ДЖИМА СОРЕНСОНА

(Рассказывает Наталья)

1993 год

Когда я уехала в Америку, папе было девяносто два года. Катя, наша «мачеха», замечательно о нем заботилась, и сестра моя Ляля, наш «ангел-хранитель» от медицины, была с ним рядом, но всё равно сердце моё разрывалось от вины и тоски. Я ловила каждую, самую эфемерную возможность навестить папу и чудесным образом претворяла её в жизнь. Так однажды, тёплым осенним днем девяносто третьего года я появилась на нашей даче, когда меня там никто не ждал. На этот раз я была не одна — я приехала с американским миллиардером Джимом Соренсоном.

История была такая. За несколько лет до этой поездки меня познакомил с Джимом солт-лейкский раввин Фрэд Вэнгер, духовный наставник местной еврейской общины и хороший саксофонист. Кусок земли, на котором была построена синагога, евреи купили у Соренсона. Соренсон сделал свои миллиарды, начав с нулевой отметки, мальчиком на побегушках в крупной фармацевтической компании. Сейчас он властелин огромной империи биомедицинской аппаратуры.

Я искала, кого бы заинтересовать некоторыми своими идеями, и раввин Вэнгер позвонил Соренсону. Соренсон принял меня немедленно: у него было неуёмное детское любопытство ко всем новым людям. Русская учёная дама вызвала особый интерес. У мормонов женщина традиционно имеет только одно назначение — рожать, рожать и рожать. Когда я приехала в Юту, шестнадцать детей в мормонской семье не были редкостью. Сейчас эта цифра катастрофически упала до четырёх-шести, а тогда, два десятка лет назад, семья с четырьмя детьми считалась бы малодетной. Поэтому я со своими тремя научными степенями и одной-единственной дочерью была насекомым редкой породы. Джим рассматривал меня с нескрываемым энтомологическим интересом и дал тогда университету на мои исследова-

Впервые опубликовано в книге Натальи Рапопорт «То ли был, то ли небыль», изд-во «Феникс», 2004 г

ния пять тысяч долларов. Деньги не бог весть какие, но очень пригодились мне на старте американской карьеры.

Мы стали видеться. Джим познакомил меня со своей очаровательной женой Бэверли и девятью детьми, а впоследствии и с сорочка двумя внуками. Он жил довольно скромно, был прост в обращении, одевался, как ковбой, обожал своё ранчо на юге Юты и с удовольствием ездил туда навещать коров, которых у него были тысячи. Красота в тех местах необыкновенная, и ему принадлежал там кусок земли величиной с небольшое скандинавское государство.

Я написала, что Джим был прост в обращении. В обращении — да, но вообще-то он был очень непрост. Не всякий, согласитесь, начав с нуля, будет к семьдесяти годам стоить два миллиарда, к восьмидесяти — четыре. Джим уверял, что он пошёл в своего пра-пра-прадедушку. Легендарный Джимов пра-пра-прадедушка, согласно семейной легенде, был в Санкт-Петербурге сборщиком налогов у русского царя. Пра-пра-прадедушка был еврей, на что Джим обычно особенно напирал — он очень гордился своими еврейскими корнями. Итак, пра-пра-прадедушка собирал налоги для русского царя, а потом вдруг сбежал из России и купил себе остров в Норвегии. Если так оно и было, выходит, пра-пра-прадедушка собирал налоги не только для русского царя... На новой родине он женился на местной девушке, поменял религию на лютеранскую, а еврейскую фамилию на более благозвучную для норвежского уха — Соренсон. У него родились сыновья. Одного из них — прадедушку Джима — сманили добравшиеся до тех краёв мормонские миссионеры, и он переехал в Юту. Этот прадедушка женился на дочери местного раввина и родил с ней много детей, один из которых оказался Джимовым дедушкой. Так, по отцовской линии, генетическая линия Соренсонов пересекла океан и протянулась от Петербурга до Солт-Лейк-Сити.

Купленный пра-пра-прадедушкой норвежский остров до сих пор существует и принадлежит сейчас бывшему гитлеровскому офицеру, осевшему там после войны. В архиве острова хранятся сведения о бывших владельцах — Соренсонах. Джим их видел.

Когда Джим путешествовал, ему во всех странах оказывали императорские почести. В Ватикане его принимал Папа Римский, в Израиле — премьер-министр и мэр Иерусалима... Поэтому я была совершенно ошарашена, когда, узнав, что после конференции в Швейцарии я собираюсь в Россию, Джим заявил:

— Замечательно! Я еду с тобой! Мой пра-пра-прадедушка был в Санкт-Петербурге сборщиком налогов у русского царя,

и я хочу там побывать: хочу посмотреть места, где зарыты мои корни! Ещё я хочу познакомиться с твоим папой.

Я попыталась возразить:

— Джим, Россия — не Ватикан и даже не Израиль, тебя там не будет встречать у трапа господин Ельцин, зато вполне может встретить русская мафия. Не хочу я брать на себя ответственность за жизнь американского миллиардера! Вдруг тебя похитят, и американская биомедицинская промышленность останется без босса!

Но миллиардер на то и миллиардер, что уж если он чего решил...

Осознав, что сопротивление бесполезно, я попыталась по крайней мере свести риск к минимуму. Я тщательно проинспектировала туалеты, которые Джим собирался взять с собой. Забота моя состояла в том, чтобы он не выделялся из русской толпы. Я уже писала, что одевался Джим очень скромно, но это была скромность по-американски: джинсы лучших американских фирм, серебряная булавка-галстук с великолепно вычеканенной мордой коня или американским орлом, ковбойские сапоги на высоких каблуках... Всё это к случаю никак не годилось. Я выбрала неброский серый костюм и пару рубашек, и галстук тоже не от Версаче, и попыталась втиснуть американского миллиардера в образ скромного совслужащего. Как показали дальнейшие события, ничего из этого не вышло.

... Самолёт авиакомпании «Дельта» летал тогда в Россию через Франкфурт. Мы с Джимом договорились встретиться во Франкфуртском аэропорту: он прилетал во Франкфурт из Парижа, я — из Швейцарии. Дальше мы летели вместе; в Москве приземлились около десяти вечера. Чинная американско-немецкая очередь медленно-медленно продвигалась к таможенному контролю. Мы стояли около часа. Джим сбегал в туалет — я с интересом наблюдала, как он отреагирует на Шереметьевские удобства начала девяностых — ничего, не дрогнул. Медленно, медленно двигалась наша очередь... Скучно, утомительно, и время позднее... Тут приземлился самолет «Аэрофлота» из Дубая (Арабские Эмираты). Оттуда, как горох, в наше замкнутое пространство высыпались «челноки» с огромными, закрученными в полиэтилен тюками, на которых красовались начертанными фломастерами опознавательные знаки: Таня, Зоя, Люба, Зина. Все как один раскалённые, весёлые, пьяные. «Челноки» выстроились клином, враз разметали нашу чинную очередь и влезли вперёд. Два совсем почти голых мужика, всех туалетов — одни только

семейные трусы да башмаки без шнурков, да у одного ещё гармошка — орали песни и приплясывали. Западная публика наблюдала эту вакханалию в немом ужасе. Джима, однако, заинтересовало другое:

— Какая замечательная идея нанять этих развлекателей. Кто им платит — «Дельта» или «Аэрофлот»?

Одобрив пляшущих мужиков, Джим активно заработал локтями, решительно оттеснил «челноков» и встал на своё прежнее место: единственный из всей западной очереди. И я в очередной раз поняла, почему он миллиардер, а остальные, вероятно, нет.

Мы остановились в гостинице «Метрополь». Впервые в жизни я жила в Москве как туристка, было странно, шикарно и грустно. Завтрак стоил двадцать восемь долларов, обед — сорок восемь. Бродя, как потерянная, «среди различных рыб и мяса», я думала о папе и друзьях, которые давно забыли об их существовании...

Днём мы пошли в Кремль. И тут выяснилось, насколько бесплодными были мои попытки создать Джиму русский «имидж». В России билеты в музей имели тогда две разных цены, одна — для русских граждан, другая, раз в двадцать дороже — для иностранцев. Я купила нам билеты по «русской» цене. Не из соображений экономии — платил за всё Джим, он не разорился бы от покупки «американских» билетов. Я купила «русские» билеты, чтобы не привлекать к Джиму внимания, и велела ему не открывать рот, пока мы в Кремле. Но первая же старушка, проверявшая билеты у Архангельского собора, грудью преградила Джиму дорогу, потянула его за рукав в сторону и обнародовала обвинительное заключение:

— Вы — американец!

Джим ничего не понял, глянул на меня обескураженно, я пожалала плечами и пошла покупать «американские» билеты. Объяснить ему, почему билеты в один и тот же музей имеют разную цену для «своих» и иностранцев, оказалось довольно сложно. Джиму очень понравилось в Оружейной палате, он всё пытался прицениться к карете Екатерины Второй...

На следующий день мы заказали в «Интуристе» машину и поехали на дачу к моему папе. Джим читал папину книгу о «деле врачей» (её издали в Америке в 1991 году) и очень хотел с папой познакомиться. Он рассказывал о папе своим друзьям и родственникам с неожиданным для него трогательным уважением и восхищением — чертами, которых я раньше за ним не замечала.

Мы ехали по Ново-Рязанскому шоссе. По этой дороге я за пятьдесят лет жизни намотала столько километров, что если

вытянуть их в одну линию, можно было бы, наверное, опоясать экватор... Местность сильно изменилась. Уже начиналось большое подмосковное строительство дворцов для «новых русских»; Джим его заметил и одобрил — строят, значит, имеют деньги и хотят красиво жить; когда у всех будут деньги и все захотят красиво жить, Россия станет правильной страной, как Америка.

Наконец мы приехали. Папа построил нашу дачу полвека назад, к моему рождению; я здесь выросла, здесь выросли мои племянники и моя дочь. Дача была моей ровесницей, частицей меня самой, и я нежно её любила; мы с ней старились вместе, почти незаметно для моего глаза. Но вот мы приехали сюда с американским миллиардером, и меня резануло по сердцу: боже, какое всё ветхое и убогое! Туалет в доме размером со скворечник, мы только лет пятнадцать назад его построили и были тогда очень счастливы, потому что теперь у нас был туалет в доме, а не за тридевять земель в углу участка, куда так страшно бежать ночью в дождь и грозу. Ванны или душа в доме до сих пор нет. Телефона тоже нет — что вы, какой телефон! И всё забито вывезенным сестрой из Москвы ненужным хламом — авось, на что-нибудь когда-нибудь пригодится... Я взглянула на всё это убожество глазами Джима и ужаснулась. Но Джим держался молодцом. Не дрогнув, воспользовался «скворечником». Похвалил участок — он у нас был действительно замечательный, большой, заросший высокими стройными соснами, тут так хорошо было строить шалаши и играть в прятки...

Поскольку телефона на даче нет, я не могла никого предупредить о нашем с Джимом приезде, и папа не знал, что я прилетела в Москву. Мы подошли к террасе. Папа дремал в старом плетёном кресле, закутанный в «мантилку», которую я помнила с детства. Он был такой старенький, маленький, слабый, что я не могла сдержать слёз. Ему было девяносто пять лет. Папа встрепенулся от нашего появления. Он уже плохо видел, но сразу меня узнал, скорее, почувствовал. Это был для него замечательный сюрприз! Я наскоро объяснила папе, почему приехала не одна и кто такой Джим Соренсон. Джим стал рассказывать папе, что читал его книгу, что мечтал с ним познакомиться и сейчас очень рад этому знакомству. И папа в очередной раз меня поразил: он заговорил с Джимом по-английски! По-английски! Папе было девяносто пять лет, он никогда не был ни в какой англоговорящей стране, в силу жизненных обстоятельств редко общался с иностранными коллегами, и английский был для него мёртвым языком учёных книг. Но когда я начала переводить

Джима, папа раздражённо оборвал меня: не надо, я всё понимаю. Я не поверила своим ушам: сама-то я долгое время, беседуя с Джимом, бывала в поту и мыле, силясь понимать его не то калифорнийский, не то какой-то ковбойский акцент. А папе не понадобился переводчик! Больше того — он вступил с Джимом в беседу, и я убедилась, что он действительно полностью улавливает смысл разговора и довольно свободно общается, демонстрируя изрядный словарный запас. Воистину папа был велик во всем... Джим ничуть не удивился и принял как должное, что папа говорит по-английски: такой человек, крупнейший профессор — на каком же ещё языке ему говорить!

То, что Джим миллиардер, не произвело на папу ни малейшего впечатления. Джим, хоть и не понимал по-русски, этот момент уловил: очень тонкий и зоркий человек был этот Джим. Он распушил хвост и стал рассказывать папе свою биографию: как он, сын бедного фермера, вышел в миллиардеры, как правильным воспитанием вывел в миллионеры старшего сына, а теперь пытается наставить на путь истинный младшего, склонного больше к мечтаньям и искусствам, чем к бизнесу. Папа слушал внимательно, а в заключение сказал:

— Джим, я только сейчас понял, что неправильно прожил жизнь. У меня две дочки, и я ни одну из них не вывел в миллионерши... Возможно, ещё не всё потеряно. Но мне трудно было сразу уловить все детали техники этого дела. Вы не могли бы приезжать каждый год давать мне уроки? Я думаю, лет через пять я достаточно овладею искусством, чтобы сделать миллионершей старшую, а потом можно приняться за Наташку...

Джим остался очень доволен визитом. О папе и говорить нечего: я обещала, отправив Джима обратно в Америку (он улетал из Ленинграда), вернуться в Москву и несколько дней пожить с папой на даче.

Поездка моя с Джимом была организована «Интуристом» и рассчитана на неделю. Приключения начались на третий день. Мы стояли перед входом в «Метрополь» в ожидании такси. Подъехала какая-то машина, из нее выскочили двое в камуфляжах с автоматами наперевес и пронзили нас с Джимом зверским взглядом. Реакция у Джима была мгновенная. Я даже испугаться не успела, как он схватил меня и уволок обратно в вестибюль. Через несколько мгновений вошли эти двое, а между ними — очень представительный седовласый господин с красивой большой головой, по виду — интеллигентный грузин. Они быстро прошагали через вестибюль к лифтам. Я почему-то посмотрела

вверх — у балюстрады второго этажа стояли ещё двое с автоматами, направленными вниз, в вестибюль. Седовласый господин с четырьмя телохранителями был, по-видимому, очень непрост, не чета нам с Джимом. А может, и в самом деле, по сравнению с теми, кто сейчас хозяйничает в России, Джим со своими жалкими двумя миллиардами был просто голытьбой?!

Так или иначе, но после этого инцидента Джим совершенно утратил интерес к ночной Москве, и мне удалось вытащить его из номера только для поездки на вокзал.

На Ленинградском вокзале, как на всех вокзалах, было шумно и бестолково. Толпа толкалась и материлась, и только около нашей интуристовской «Стрелы» царил образцовый порядок: вдоль поезда непрерывно курсировали вооружённые патрули. Не успели мы войти в вагон и расположиться, как к нам в купе явился проводник и безошибочно обратился ко мне по-русски:

— Проволоку с собой захватили?

— Почему проволоку? — удивилась я.

— Ну как же! Надо же закрутить дверь, — и проводник сделал руками в воздухе восьмерки, показывая, как надо «закрутить» проволокой дверь.

— Зачем? Она же запирается на два замка, тут и тут, — продолжала удивляться я. — Её же невозможно открыть, если она так заперта.

— Кому это невозможно открыть? Очень даже возможно открыть! Откроют, войдут, опрыскают вас из баллончика (проводник показал руками и сделал ртом, как будто опрыскивал нас из баллончика) и ограбят.

— У нас и взять-то нечего, — на всякий случай предупредила я проводника.

— Ничего, найдут, им всё сгодится.

— Так ведь патруль ходит по поезду всё время!

— Патруль пройдёт, а они как раз вслед за патрулем!

Джим, хоть и не понимал ни слова, уловил суть беседы.

— Что он предлагает? — спросил Джим.

— Предлагает проволоку, чтобы сделать дополнительный запор на двери.

— Сколько?

Полиглот-проводник понял вопрос и отреагировал мгновенно:

— Файв долларс!

— О'кэй!

Проводник принёс проволоку, ещё раз показал, как ею пользоваться, получил свои пять долларов и удалился. После этого

всю ночь бедный Джим ждал нападения бандитов, но они так и не появились...

Мы прибыли в Ленинград ранним утром, а в гостиницу «Астория» могли поселиться только после трех часов дня. Изнурённый бессонной ночью, Джим готов был заплатить сколько угодно, чтобы его поселили немедленно, но гостиница была битком набита, и максимум, что нам удалось выторговать, было обещание подготовить один номер к полудню. «Ты не в Чикаго, моя дорогая...»

В ожидании гостиничного номера мы пошли завтракать. Завтрак в «Астории» стоил тогда всего десять долларов, а не двадцать восемь, как в «Метрополе». Примерно через полчаса выяснилось, что если ты хочешь, чтобы тебя не отравили, надо платить двадцать восемь... Остаток ленинградских дней Джим провел в туалете. Ему было очень плохо, я вызвала врача. Пожаловалась уборщице, что вот, гостя отравили. Она ответила:

— Так у полгостиницы понос! Я знаю, я же убираюсь в туалетах!

Почему-то от этого сообщения Джиму легче не стало... Он слабел на глазах, я была в ужасе, не знала, чем его кормить, чем поить — петербургская вода, как оказалось, не годится даже для железных желудков американских ковбоев, а ведь вся ресторанная еда была приготовлена на ней. В конце концов я позвонила близкому другу Алику Блюму, профессору Института культуры, жена которого Мила работала на телевидении, в «Пятом колесе».

— Привет, дорогой, я в Питере! Да не радуйся, я не одна. Нет, ты меня не понял, я с американским миллиардером. Да не здравляй, он у вас здесь концы отдаёт. Какая-то холера. У вас есть курица? Есть?! Скажи Милке, пусть поставит варить, мы сейчас приедем.

Я вызвала такси, и мы поехали на Васильевский остров. Только въехав в Аликов двор, я вспомнила, что он жил на седьмом этаже без лифта... Отступать было поздно и некуда.

— Джим, нам сюда. Ты знаешь, мой друг живет на самом верху, и нам придется туда подняться. Мы пойдем медленно, будем останавливаться и отдыхать на каждом этаже, и потихоньку поднимемся.

— А почему мы не поедem на лифте? — удивился Джим.

— Здесь нет лифта.

— Лифт не работает?

— Да, лифт не работает, потому что его нет.

— Вообще нет лифта?

- Вообще нет лифта.
- Почему?!
- Дом старый, когда его строили, лифтов ещё не изобрели.
- Но теперь их уже изобрели, почему же в этом высоком доме нет лифта?
- Нет денег построить.
- Сколько надо, чтобы построить лифт?
- Не знаю, спросим у Алика.

Я разволновалась. Может ли быть, что Джим даст денег, и в следующий свой приезд в Петербург я буду подниматься на седьмой этаж к Алику в новом роскошном лифте?! Да нет, химера...

Между тем мы незаметно одолевали этаж за этажом. Наконец, мы у цели. Крохотную отдельную квартиру на седьмом этаже без лифта Алик приобрел недавно, переехал сюда из коммуналки и был совершенно счастлив. Алик только что опубликовал книгу, которую перевели и издали в Германии. Его пригласили туда читать лекции и подарили маленький компьютер лэптоп; у него завелись кое-какие деньги, и он купил себе новый холодильник «Розен Лев». Словом, сегодняшний Алик был богат, как Крез. Пока Мила суетилась в столовой (она же спальня), Алик в миниатюрной кухоньке хвастался перед Джимом своими обновками. Показывал компьютер, открывал холодильник (он оказался абсолютно пуст) и приглашал Джима восхищаться вместе с ним. И Джим заплакал.

— Не печалься, Джим,— сказала я.— Посмотри — он счастлив! Я не знаю, кто из вас счастливее. У него есть любимое дело, которым он поглощён, он не замечает бедности, в которой живёт, и ему не надо беспокоиться о судьбе миллиардного состояния. Призадумалась, кому из вас лучше...

Мила объявила, что обед готов, и мы перешли в «столовую». На столе в большом блюде лежала синяя от худобы птица — кожа да кости. У Джима глаза на лоб полезли.

— Что это?! — спросил он в ужасе.

— Это курица,— объяснила я.— Редкая разновидность. Выведена в России.

— Это здесь едят???

— Да, и, как видишь, живы-здоровы. Ну хорошо, хорошо, не ешь курицу, но поешь хотя бы бульон, он очень полезный, ты от него сразу выздоровеешь,— умоляла я Джима. Он не имел во рту маковой росинки два полных дня, а надо было как-то продержаться ещё два, и в конце концов не для светского же общения мы пёрли пешком к Алику на седьмой этаж!

Мне удалось уговорить Джима, он выпил бульон и повеселел. Ему очень понравилась Мила, и он тут же стал строить планы, как им с Аликом помочь. Забыл о них, конечно, как только вернулся домой.

Кульминация этого путешествия наступила в день отъезда. Джим улетал из аэропорта «Пулково». Это далеко от города, и за нами заблаговременно приехала машина «Интуриста». Не знаю, как сейчас, а в те времена в гостинице при регистрации отбирали паспорт и визу и возвращали только в момент выписки. То есть предполагалось, что возвращали...

Мы спустились в вестибюль с вещами. Джим пошел за документами, а меня попросил сбегать в гостиничный киоск за американской газетой — он не мог жить без новостей с биржи, пусть хоть и позавчерашних. Когда я вернулась, он протянул мне мой паспорт и сообщил:

— А мои документы мне не отдали. Утверждают, что я их уже забрал! Пойди, объясни им, что они ошибаются!

Джим сказал все это совсем спокойно — видно было, что он не представляет себе, чем это пахнет. А я похолодела. В памяти мелькнули истории об украденных сотрудниками КГБ американских паспортах — я знала их из вполне достоверных источников, от самих пострадавших. Утрата паспорта грозила несколькими днями задержки и большой суетой, а Джим и так был едва живой и мечтал только об одном — скорее домой! Ленинград он, в сущности, видел в основном из гостиничного сортира; лишь накануне отъезда ему стало чуть легче, и мы немного погуляли по городу и прокатились по Неве.

Я бросилась к стойке:

— Отдайте документы мистера Соренсона!

Сидящая за стойкой тётка, сдобная блондинка с «вшивым домиком» на голове, не поднимая на меня глаз, пробубнила:

— Он их забрал и за них расписался.

— Расписался?! Где расписался?! Никто ни за какие документы не расписывается, вы их выдаёте без расписки!

— А он забрал и расписался, — продолжала издеваться тётка, всё так же не поднимая на меня глаз.

— Тогда покажите подпись! — потребовала я.

— Отойдите и не мешайте работать, — ответила тётка.

Всё это время по вестибюлю метался красный от волнения шофёр «Интуриста», у которого день был расписан по минутам. Мы сбили его расписание уже минут на двадцать.

До Джима, наконец, начало доходить, что происходит. В глазах появился ужас.

— Что она тебе говорит?

— Говорит, что ты забрал документы и за них расписался.

— Я ничего не забирал и ни за что не расписывался!

— Я знаю.

— Немедленно отдайте документы мистера Соренсона! — благим матом заорала я на тётку.

Она отвечала, не поднимая глаз:

— Он их забрал и за них расписался.

— Тогда немедленно соедините меня с американским консулом! — продолжала орать я.

В это время подъехал автобус с испанскими туристами. Они выгрузились и столпились в вестибюле, ожидая, чтобы их расселили. Я легла грудью на амбразуру:

— Я не дам вам работать, пока вы не вернёте документы мистера Соренсона или не соедините меня с американским консулом!

Джим, со своей стороны, кричал испанским туристам:

— Уезжайте отсюда, пока не поздно! Не останавливайтесь в этой гостинице! Они меня отравили! Они украли мой паспорт! Они украли мою визу! Бегите отсюда, бегите, пока не ушёл ваш автобус!

Испанцы внимали Джиму в немом ужасе. Кое-кто пытался отыскать свои чемоданы в брошенной в вестибюле общей куче. Я продолжала блажить так, что слышно было у Исаакиевского собора:

— Соедините меня с американским консулом!!!

Сейчас мне очень стыдно, что я сразу не поняла, что вся эта комедия была разыграна ради одного — взятки. КГБ был абсолютно ни при чём. Но «меня там не стояло» несколько лет, и я жила устаревшими представлениями о мире. Если бы я сообразила, что от нас хотят взятку, в той, близкой к катастрофе ситуации я бы её дала (здоровье дороже и деньги не мои). Но я ничего не поняла и продолжала блажить:

— Консула-а-а!

По вестибюлю метался в полной прострации шофёр «Интуриста».

— Может, поедem в аэропорт? — предложил Джим.

— Какой смысл? Кто тебя без документов выпустит?!

— Всё-таки ближе к Америке, — жалобно сказал Джим...

Неожиданно в стене за стойкой открылась дверь и оттуда вышла некая матрона:

— Что здесь происходит? Почему такой шум?

— Они хулиганят,— указала на меня тётка за стойкой.— Сами потеряли документы, теперь требуют с нас и хотят вызвать американского консула, а надо бы вызвать милицию.

— В чём дело? — обратилась ко мне матрона.

— Вы украли документы мистера Соренсона. Немедленно верните!

— У нас нет его документов. Можете пройти со мной и сами в этом убедитесь.

Тётка провела меня в комнату за стойкой. Мы были там один на один. Это был момент, предусмотренный сценарием для взятки, но я всё ещё ничего не понимала.

— Вот ящик с паспортами,— указала мне матрона.— Можете просмотреть паспорта и сами убедитесь, что его документов здесь нет.

Я принялась проглядывать паспорта. Американских паспортов там действительно не было — ни одного. Я была в отчаянии. В этот момент матрона как бы случайно подвинула металлический ящик, и я увидела под ним краешек синего паспорта.

— Вот он! — заорала я.— Вот его паспорт!

Матрона живо накрыла паспорт рукой:

— Это не его!

— Его! Его! Здесь нет других американских паспортов! Отдайте сейчас же!

— Не его!

— Покажите!

— Я не имею права показывать вам паспорта!

Я задохнулась от возмущения:

— Как не имеете права?! Вы только что показали мне две сотни паспортов!

— Не имею права,— повторила матрона.

Я человек миролюбивый, меня не так-то легко вывести из себя, но в этот момент я уже себя не помнила. Что есть силы я толкнула мерзкую бабу, она отлетела, я схватила паспорт и вылетела с ним из комнаты. По дороге открыла — паспорт Джима! И виза тут же!

— Вот паспорт!!! Вот виза! Скорей! В машину!

Неслись мы так, что чудом уцелели. Я была всё ещё невменяемая и не в состоянии членораздельно объясняться, хотя Джим сгорал от любопытства:

— Как это тебе удалось?!

— После, после, в Америке всё объясню!

В аэропорт мы примчались в последнюю секунду. Оказалось, мистера Соренсона несколько раз вызывали по радио. Его пропустили без досмотра, кто-то из «Дельты» помчался с ним бегом к самолету, подхватив его чемодан. Ворота уже закрыли, но трап ещё стоял у самолета. Ворота открыли, и Джим скрылся в проходе. Я дождалась, пока самолет взлетел, и тут мне стало плохо. Я сменила Джима в ленинградском туалете...

Три незабываемых дня с папой на даче подняли мой дух, восстановили здоровье и компенсировали все пережитые волнения.

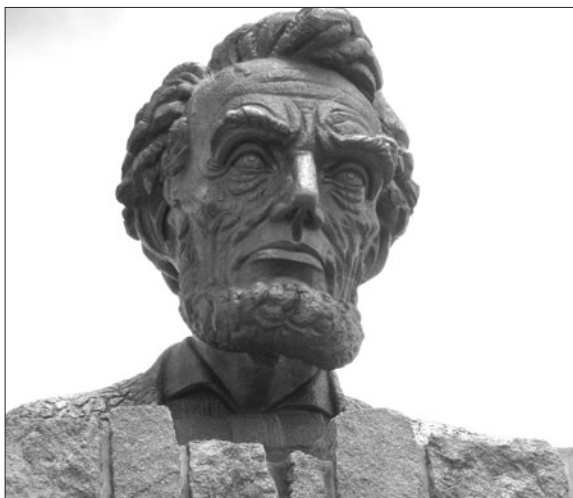

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АМЕРИКА

*Всё тут тихо, мирно, строго, пьют немного.
Правда, в бизнесе недюжинная прыть.
Пишут на деньгах: «Мы верим в Бога».
Прям на долларах. Ну, чтобы не забыть.*

Тимур Шаов

От автора

Напомню, что в конце августа девяностого года я улетела в Америку по рабочей визе, предположительно на три-четыре месяца. Улетела одна. Я надеялась по окончании рабочего семестра вернуться за Вайсбергом в Москву, завершить оформление документов на постоянное место жительства и улететь в Америку навсегда. Покойный Президент Ирака Саддам Хуссейн спутал все мои карты. Из-за «войны в Заливе» путь нашей семьи в Америку оказался сложным и долгим. На этом пути нам встретилось много неожиданных поворотов и замечательных людей. О них мой следующий рассказ.

СЛУЧАЙ НАТАЛЬИ

МАРК ШАГАЛ, КЛЁРМАНЫ И ЛЕННИ ШАЦКИН

Наш путь в Америку начался в восемьдесят седьмом году, когда меня на волне набирающей силу Перестройки впервые выпустили в заграничную командировку, в Венгрию. В небольшом зале Будапештского музея искусств я застыла перед маленькой картиной Шагала. Шагала тогда в Советском Союзе не выставляли, но мои иностранные коллеги привозили мне его альбомы, и я знала много шагаловских картин по репродукциям. У меня к Шагалу было особое отношение. Моя мама, как и Шагал, выросла в Витебске, и семьи Шагалов и Яхниных разнообразно пересекались. Начать с того, что отец Шагала ворочал бочки с селёдкой в лавке у какого-то нашего родственника Яхнина, о чём Шагал с большим неудовольствием написал в своей автобиографии. Жили Шагалы и Яхнины недалеко друг от друга. Моя бабушка по материнской линии умерла совсем молодой, и маму с её сестрой и братьями забрала в Витебск их бездетная тётя, сестра матери. Тётя Соня Яхнина была популярной в Витебске акушеркой и, вполне вероятно, принимала многих Шагалов — у Марка Шагала была уйма братьев и сестёр, — а может, и его самого. У мужа тёти Сони, дяди Кизи Вайнкопа была известная в Витебске аптека, куда Шагалы наверняка заходили.

Разглядывая небольшую картину, перед которой я сейчас стояла, я пыталась представить себе живьём остальные, которые знала по репродукциям. Я была так увлечена этим занятием, что не обратила внимания на пожилую пару, которая, как оказалось, несколько раз продефилировала мимо меня в этом пустом зале. Оба были маленького роста, она — совсем миниатюрная, с мелкими чертами лица и от этого ещё более заметными живыми любопытными глазами. Одетая она была по-американски в брючки, майку и кеды; он — коренастый, слегка раскосый — видно, в предках подгулял какой-то азиат — с глазами весёлыми и лукавыми. В конце концов они подошли ко мне: «Что такого особенного Вы нашли в этой картине, чего мы в ней не заметили? — спросила маленькая американка. — Вы стоите перед ней уже минут пятнадцать!» «Это же Шагал!» — сообщила я, удивившись вопросу. «Ну и что, что Шагал? Далеко не самый

лучший», — в свою очередь удивились мои собеседники (вскоре я узнала, что их зовут Фрэнсис и Мортон). «Я других не видела», — объяснила я, и глаза у них округлились от изумления. Свой следующий вопрос Мортон сформулировал очень аккуратно, но в нём явственно прозвучало любопытство, с какой именно пальмовой ветки я спрыгнула в этот зал будапештского музея. Я отрапортовала, с какой, и восторгу их не было предела: они впервые встретили живого человека из Советского Союза, и не самый завалыющий товар: со мной можно было говорить по-английски! Через три минуты я уже знала, что Морти в молодости был «троцкистом», что они активно включены в проблемы советской жизни и советских евреев, регулярно читают соответствующие разделы в газете «Нью-Йорк Таймс», и у них ко мне масса вопросов.

— Почему Шагала не выставляют в Советском Союзе? Потому что он эмигрант или потому что еврей? — спросил Морти.

Тут я, совершенно этого не заметив, отколола номер, который, как они мне потом поведали, сказал им больше о нашей жизни, чем все прочитанные ими статьи в «Нью-Йорк Таймс». В совершенно пустом зале я быстро оглянулась по сторонам и только после этого ответила:

— И то и другое.

Сама я совершенно этого не помню, но и врать им никакого резона не было: видимо, у меня сработал выработанный годами автоматизм.

Они пригласили меня на чашечку кофе. Морти оказался большим знатоком и любителем анекдотов. Я ему в этом не уступала, и мы замечательно провели время в музейном буфете. К общему восторгу, многие анекдоты пересекали океан поверх барьеров, оказались на диво схожи и знакомы обеим сторонам. Фрэнсис и Мортон предложили мне провести вместе весь следующий день, вплоть до их отъезда вечером в Вену. «Вена — дивный город, отсюда всего несколько часов на автобусе. Музей там — один из лучших в мире. Мы здесь с группой, и в автобусе есть места. Вам никак нельзя с нами?» — закинул удочку Морти. Вена действительно была в двух шагах от Будапешта, но меня в те годы отделяло от неё не несколько часов пути, а семь десятилетий советской власти. Может быть, не оставь я в Москве заложников в лице Вайсберга и Вики, я и попыталась бы сделать эти два шага из Будапешта в Вену в автобусе с американскими туристами, но тогда мне такая крамольная мысль даже в голову не пришла.

Мы провели вместе дивный следующий день, и я прониклась к ним таким доверием, что рассказала о папиной рукописи.* Я мечтала иметь один её экземпляр в надёжных руках на Западе, чтобы в случае чего он сохранился и был бы опубликован, но не раньше, чем на это будет дано добро из Москвы. Фрэнсис и Мортон страшно разволновались и обрадовались: на их долю выпало такое неожиданное и захватывающее приключение! «Конечно, разумеется, мы вам обязательно поможем!» Я проводила их к автобусу на Вену. Они обнимали меня со слезами на глазах и долго слали мне через окно воздушные поцелуи.

...Когда через пару месяцев я вернулась в Москву, меня ждало письмо из США, от Мортонна. Морти был великий конспиратор. Он писал, что помнит о своём обещании, и сейчас как раз представился случай его исполнить. Их друг прилетает в Москву на неделю — с такого-то числа по такое-то число — и сразу же мне позвонит из телефона-автомата. Он имеет статус VIP (Очень Важная Персона) и поэтому его не обыскивают в аэропорту. Я могу передать ему то, о чём мы говорили в Будапеште... Я читала письмо, и мне делалось дурно. Я понимала, что наверняка я — не первая, кто его раскрыл и читал, и мортоновские иносказания вряд ли обманут КГБ. Но набирала силу Перестройка, и КГБ, видимо, решил, что преступление лучше предотвратить, чем расхлёбывать потом неприятные последствия взятия преступника с поличным. Короче, за день до прибытия «очень важной персоны» в Москву у меня перестал работать телефон и не работал всю неделю. Телефон включили снова на следующий день после обозначенной в письме даты его отъезда.

Важной персоной, о которой писал мне Мортон, был их друг Ленни Шацкин. Позже он рассказал, что звонил мне каждый день, слушал длинные гудки и думал, что я испугалась и не хочу с ним встречаться, а, может, даже слиняла куда-нибудь, чтобы не иметь с ним дела. Он был очень разочарован и рассержен: оказалось, что он прилетал в Москву с единственной миссией — за папиной рукописью. Позже выяснилось немислимое совпа-

* Напомню, что свою книгу «На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года» папа написал в начале семидесятых, в расцвет брежневского застоя. О публикации её в Советском Союзе тогода и речи быть не могло. Рукопись была подпольной. Один из имевшихся четырёх экземпляров мы хранили дома, другой был завёрнут в фольгу и закопан на даче, остальные ходили по рукам близких друзей, нигде надолго не задерживаясь.

дение, в которое и сегодня трудно поверить: мы с Ленни Шацкиным оказались родственниками — не кровными, но обозримо близкими, и в Москве Ленни останавливался у нашей общей родни, встретиться через которую было раз плюнуть! Но тогда мы этого не знали, и Ленни, как настоящий конспиратор, не упомянул моего имени и ни слова не сказал о цели своего визита. Наши с ним родственные связи всплыли через несколько лет, в 1989 году, во время нашего с Викой первого визита в Америку.

Мы тогда прилетели в Нью-Йорк по частному приглашению от Фрэнсис и Мортонa. К этому времени Гласность уже вовсю шагала по стране, и журнальный вариант папиной книги и моя повесть о «деле врачей» в «Юности» в апреле восемьдесят восьмого года были опубликованы в Советском Союзе. Последствия были, как от взрыва небольшой атомной бомбы. Нас осаждали иностранные журналисты со всех мыслимых и немыслимых стран и континентов — снимали кино, брали интервью, писали статьи. Наша с папой фотография, сопровождавшаяся небольшим рассказом, была опубликована на первой полосе газеты «Нью-Йорк Таймс». Газета «Вашингтон Пост» опубликовала о нашей семье большую статью на полный разворот. Двум американским флагманам вторили различные популярные газеты и журналы масштабом помельче. Из этих публикаций Ленни Шацкин и извлёк, что он наш родственник. Он оказался племянником Арона Шацкина, мужа папиной родной сестры тётки Веры. Отец Ленни был бундовец, и в ранней молодости, в начале двадцатых годов прошлого века, эмигрировал в Америку. Его братья Арон и Лазарь остались в России. Лазарь Шацкин стал не больше не меньше, как Первым Секретарём ЦК Комсомола и, конечно, погиб в тридцать седьмом. Арон, муж тётки Веры, тихий человек без политических амбиций, умер своей смертью ещё до войны. О Лазаре и Ароне я знала, а о существовании американского Шацкина не имела понятия. Мы встретились с ним в доме у Фрэнсис и Мортонa, и я была очарована: потомок уцелевшего Шацкина оказался ослепительно красив, остроумен и ярок. Общаться с ним было истинным удовольствием, и мы поддерживали дружеские отношения до самой его смерти.

Ленни был консультантом престижного издательства Дабл Дэй, в котором одним из членов редакционного совета была Жаклин Кеннеди-Онассис. Папа мог опубликовать американское издание своей книги именно там, но он предпочёл менее коммерческое, зато более близкое его сердцу издательство Гарвардского университета.

Я была гостьей на праздновании золотой свадьбы Ленни и Элки. Ленни держал речь. Начал он издалека — притчей о некоей молодой и прекрасной девушке, которая имела много пылких поклонников, и при расставании с каждым следующим просила подарить ей на память только одну вещь — перочинный ножик. «Почему перочинный ножик? — изумился один из её поклонников. — Я богат и могу тебя одарить всем, что ты попросишь». — «Не надо, — сказала девушка, — мне нужен только перочинный ножик. Сейчас я молода и красива, и могу получить всё, что захочу. Но года бегут, и придёт время, когда мои золотые волосы поредеют и станут седыми, а атласная кожа лица покроется сеткой морщин. Поклонники испарятся. Но я слышала, что нет такой вещи, которую бойскаут (аналог нашего юного пионера, НР) не сделал бы за перочинный ножик!» С этими словами Ленни достал и подал Элки красивую коробочку. В ней лежал инкрустированный перламутром золотой перочинный нож!

...Через пару лет после нашей встречи в Будапеште Фрэнсис и Мортон по моему приглашению прилетели в Москву. Они страшно всем интересовались, заглядывали во все окна, ездили на всех видах транспорта, от всего приходили в неопиcуемый экстаз, не скажу в восторг. Как-то мы проходили мимо нашего гастронома на Соколе, они углядели через дверь толпящийся народ и спросили, что там происходит. Я объяснила, что это продовольственный магазин; они захотели войти. В магазине стояла длинная очередь за ошметками мяса на почерневших костях, издававших омерзительный запах. «Это едят?!» — ужаснулась Фрэнсис, а Мортон заплакал...

Моя встреча в Будапеште с Фрэнсис и Мртоном сыграла решающую роль в том, что вся наша семья в конце концов оказалась в Америке. Мы с Викторией внесли — каждая в своём роде — основательную лепту в воздвижение барьеров, труднопреодолимых для американской бюрократической системы. Перед Вайсбергом дверь в Америку по недомыслию захлопнула я; Виктория захлопнула её перед собой сама. У нас в Штатах не было никаких родственников, которые могли бы за нас заступиться или поручиться. Эту роль взяла на себя Фрэнсис. Без её поддержки дело наше было провальное. Она писала и звонила в Государственный департамент и фактически спасла нашу семью. Вайсбергу без её ходатайства пришлось бы ждать разрешения на въезд в Америку лет десять, и кто знает, чем бы всё это кончилось; а так он прилетел немного больше, чем через год. Много лет спустя по вайсберговскому ходатайству право на по-

стоянное проживание в Америке получила Вика. Из чего вытекает, что путь нашей семьи в Соединённые Штаты начался в небольшом зале Будапештского музея искусств около маленькой картины Шагала...

ПЕРВЫЕ ШАГИ

*В Америке гудки поют
И красных небоскрёбов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.*

Осип Мандельштам

Теперь пришла пора объяснить, как произошло, что я оказалась в Америке за год до вайсберговского приезда. Мой путь бежал по профессиональным рельсам. В восемьдесят восьмом году, на волне Перестройки меня впервые выпустили на конференцию в западную страну — Швейцарию. После моего доклада ко мне подошёл человек, чью фамилию ДеВриз я знала по публикациям — мы работали в близких областях. Он сказал лестные слова о моей работе, дал мне свою бизнес-карточку (я храню её как ценную реликвию) и добавил: «Когда будете в Америке, пожалуйста, позвоните мне. Я — профессор Университета штата Юта и хотел бы пригласить вас в свой университет прочитать у нас лекцию». Для моего уха это прозвучало примерно так: «Когда прилетите на Марс, пожалуйста, позвоните мне, я хотел бы пригласить вас прочитать лекцию в моём марсианском колледже!». Оказалось однако, что Америка совсем не так далеко, как мне, невыездной, тогда представлялось. Вскоре мы с Викой прилетели в Нью-Йорк в гости к Фрэнсис и Мортону.

Не буду подробно описывать первые впечатления — они ничем не отличаются от многократно описанных другими: отвисшие челюсти при первом выходе из Центрального вокзала в «каменные джунгли» 42-й улицы; приятное изумление при знакомстве с бесплатными, общедоступными, ароматными, с нежной музыкой туалетами в американских гостиницах, где никто не спрашивает у вас документов при входе и всякого пускают; тревога по поводу какой-то нам неизвестной, но, очевидно, опасной и обездвиживающей эпидемии, ибо на улицах, в магазинах, в музеях и театрах то и дело встречаются инвали-

ды, разъезжающие в самоходных колясках: в СССР мы такого количества инвалидов никогда не видели, как, впрочем, и их колясок. И, наконец, шок, вызванный поразительным внешним сходством нью-йоркских прохожих с нашими московскими знакомыми и родственниками. Из Москвы американцы представлялись мне, видимо, небожителями, и то, что они оказались внешне так похожи на нас — хотя, конечно, выражение лиц, осанка и походка совсем другие, свободные и раскованные, — меня по-настоящему изумило.

У меня была с собой бизнес-карточка профессора ДеВриза, и я ему позвонила. Он мгновенно откликнулся и выслал мне билет на самолёт в Солт-Лейк-Сити. Профессор ДеВриз, как оказалось, читал статью в «Нью-Йорк-Таймс» о нас с папой, узнал меня на фотографии и был весьма впечатлён — для американцев «паблисити» очень много значит.

Я провела три дня в гостях у ДеВризов, сделала доклад на университетском семинаре и, видимо, понравилась, потому что меня спросили, не соглашусь ли я приехать на семестр в качестве профессора кафедры Клайда. Мне объяснили, что кафедра Клайда — это специальная кафедра для иностранного учёного или инженера, которого Университет приглашает раз в два года на один семестр. Это было очень почётное, заманчивое и лестное предложение, и я, разумеется, согласилась.

Университет штата Юта был в это время на слуху и в научном, и в ненаучном мире в связи с так называемым открытием профессорами Понсом и Флейшманом «холодного термояда». Скандал, связанный с «холодным термоядом», вышел далеко за университетские рамки и принёс тогда Университету Юты печальную известность, перекрытую много лет спустя только Нобелевской премией профессора Марио Капекки.

Меня в тот мой первый визит сводили в лабораторию профессора Понса, где меланхоличный аспирант из Индии несколько недель кряду дремал около своего прибора в ожидании, когда там произойдёт «фузия» (слияние ядер). Фузия так и не произошла, и Понс с Флешманом вынуждены были покинуть Университет Юты и перебраться в Европу.

Город Солт-Лейк-Сити и его университет меня покорили: я всю жизнь мечтала жить в горах, а тут Скалистые горы наступали прямо на университетский кампус.

После долгих приключений с получением разрешения на работу в Америке от Иностранного отдела Академии наук (читай: от КГБ), в типичном стиле «а ля русс», в конце августа тысяча

девятьсот девяностого года я прилетела на работу в Солт-Лейк-Сити, не дожидаясь оформления своего американского статуса беженца. Тогда думалось — прилетела на несколько месяцев, оказалось — на всю оставшуюся жизнь.

Как я уже объяснила, должность «профессор кафедры Клайда» в Университете штата Юта — чрезвычайно престижная. Мне пришлось читать сложный лекционный курс для аспирантов и профессоров. Читать, заметьте, по-английски. Это оказалось невероятно трудно, но мои слушатели были ко мне терпеливы и добры, и по окончании моего первого срока даже спросили, не захочу ли я остаться ещё на один семестр. Я отказалась — дома меня ждал Вайсберг, нам надо было оформлять документы и готовиться к переезду в Америку навсегда. Дав прощальный банкет из картошки с селедкой, я улетела из Солт-Лейк-Сити в Москву. То есть, вылетая из аэропорта Солт-Лейк-Сити, я думала, что лечу в Москву. Жизнь, однако, распорядилась иначе.

КАК ДЛИННЫ РАССТОЯНЬЯ РАССТАВАНИЙ!..

*Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.*

О.Мандельштам

Самолёт из Солт-Лейк-Сити в Москву летит через Нью-Йорк. Когда мы приземлились в нью-йоркском аэропорту Кеннеди, оказалось, что началась война Америки с Ираком (Война в Заливе), и в ответ Саддам Хусейн начал бомбить Израиль. Все телевизионные мониторы в аэропорту Кеннеди сообщали через программу СиЭнЭн, что на Израиль летят ракеты «скад». Обсуждали, какая у «скадов» начинка — биологическая, химическая или ядерная. Сообщали, что жителям Израйла раздали противогазы и порекомендовали задраить окна.

У меня ноги подкосились. Читатель, возможно, помнит, что в марте девяностого года Вика улетела в Израиль. Через несколько месяцев после этого я тайком от советской власти исхитрилась побывать у неё в Иерусалиме и видела, в каких условиях она живёт. В её крохотной, как мышиная нора, комнате закрыть окно было вообще невозможно — стекло сантиметров на двадцать не доходило до уровня подоконника. Через эту щель по углам на постель спящей Вики лились помои — их выливали

жившие этажом выше марокканские евреи... В Викиной комнате не было спасения ни от химической, ни от биологической, ни от ядерной начинки... Я шла по аэропорту Кеннеди на пересадку, а в голове всё отчётливее формировалась мысль, что если я сейчас продолжу полёт в Москву, то на долгое время (возможно — навсегда...) потеряю связь с Викой. Дозвониться из Москвы в Израиль в те годы было очень трудно даже в мирное время: разговор приходилось заказывать примерно за неделю. Во время войны, да при том, что Советский Союз был на стороне Саддама, о связи с Израилем нечего было и мечтать... Кое-как, сквозь летящие с телемониторов ракеты, я на ватных ногах доползла до пересадки и сказала там, чтобы меня не ждали — в Москву я с ними не лечу. Меня ни о чём не спросили — просто вежливо поблагодарили за информацию и сняли мой багаж.

Передо мной встал вопрос, что делать дальше. Вариантов, собственно, особых не было. В Нью-Йорке у меня было несколько близких американских друзей, но я чувствовала, что мне будет не под силу держать дежурную американскую улыбку, когда внутри всё разрывается от тревоги. Я решила ехать к самым близким — Жене и Юле Рашба-Степам. Женя был прислан ко мне в Химфизику из Университета делать диплом. Быстро и незаметно перешёл из разряда дипломников в разряд близких друзей. Он бывал у меня дома на семейных праздниках и единственный в Химфизике знал о моей криминальной дружбе с Юлием Даниэлем. Никому не проговорился. Когда он женился на обворожительной Юлке Рашба, мы стали дружить семьями, игнорируя пропасть поколений. По моей наводке Женя окончил аспирантуру в одной из лучших лабораторий Химфизики и был теперь постдоком в Колумбийском университете. К ним я и поехала из аэропорта Кеннеди, и просидела у них на полу перед телевизором недели три почти не шевелясь, глядя, как ракеты летят на Израиль, и пытаюсь взглядом отвести их от Вики. Я боялась отлучиться от экрана хотя бы на минуту, даже в уборную: мне казалось, что если я отойду от телевизора, случится непоправимое... Одним словом, была в невменяемом состоянии.

Дозвониться в Израиль в те дни было очень трудно даже из Штатов: после каждой упавшей на Израиль ракеты туда звонила вся Америка. С Викой мне удалось связаться только однажды. Во время нашего разговора два события произошли почти одновременно: СиЭнЭн сообщила, что на Израиль летит очередная ракета, а Вика сказала: «Больше не могу с тобой разговаривать, воздушная тревога, я должна идти в укрытие»... Можно такое

выдержать?! Тем временем в Москве по заказу властей трудящиеся демонстрировали перед американским посольством солидарность с Саддамом Хусейном. Я сильно подозревала, что начинка «скадов» была сработана в Химфизике моими коллегами и друзьями из Отдела твёрдых взрывчатых веществ, и мою дочь пытались сейчас убить их руками. Это было последней каплей. Я позвонила в Москву папе и Вайсбергу и сказала, что не хочу возвращаться. Папа сказал: оставайся. Вайсберг ничего не сказал.

Так я стала «невозвращенкой», а Вайсберг попал в ловушку — американцы называют такую ситуацию «ловушка двадцать два» («catch twenty two»). В Советском Союзе женатый человек, выезжающий без жены в другую страну на постоянное место жительства, обязан предъявить властям бумагу, подтверждающую, что жена не имеет к нему материальных претензий. Подпись жены на этой бумаге должна быть заверена местным (в нашем случае — московским) нотариусом. Я не имела к Вайсбергу материальных претензий, но заверить это обстоятельство у московского нотариуса никак не могла, находясь в бегах в Америке. Это была российская сторона вайсберговской проблемы.

С американской стороной было не лучше. В Америке всё до мельчайших подробностей регламентировано законом, и закон соблюдается... Я находилась в Америке по рабочей визе, и виза эта всё ещё действовала, но она полностью противоречила моему статусу беженца. В американских документах я считалась главой семьи. Чтобы дать возможность Вайсбергу въехать в Америку, я должна была вернуться в Москву за своим статусом беженца. А я возвращаться в Москву боялась — в американских газетах всё чаще проскальзывала информация, что в СССР может вот-вот произойти реставрация. Да что там американские газеты — эта перспектива носилось в воздухе ещё при моём отъезде. Вайсберг не настаивал на моём возвращении, опасаясь того же. Скажем, вернутся коммунисты ещё лет на семьдесят или даже всего на тридцать, запрут нас опять в своей клоаке. В масштабе истории это — песчинка, не о чем говорить, а в масштабе отдельной человеческой жизни — полный крах. Такие соображения разделяли мы с Вайсбергом, находясь по разные стороны океана. Разразившийся вскоре путч показал, насколько мы оба были близки к истине. Кто ж мог тогда предполагать, что путч окончится так, как он окончился...

Итак, в Москву я не вернулась, лишив Вайсберга возможности получить как выездную, так и въездную визу, иными словами,

надёжно заперев его в его клетке. А мне предстояло решать, как жить дальше.

**Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
скрипучий поворот руля**

*Евреев выведя из рабства,
Творец покончил с чудесами,
и путь из пошлого похабства
искать мы вынуждены сами.*

Игорь Губерман

В бытность мою профессором кафедры Клайда мне щедро платили. Жила я очень скромно, и у меня ещё оставались кое-какие деньги. Но у денег, даже отлитых в самой твёрдой валюте, есть свойство таять, они и таяли, как июльский снег в Скалистых горах...

В Америке деньги не лежат без дела, и когда я улетела из Юты, улетели и деньги, предложенные мне Университетом на следующий семестр, причём мы разлетелись в разные стороны... Хуже того: заявив, что остаюсь в Америке навсегда, я утратила легальное право на продолжение профессорства на кафедре Клайда — по уставу, это была должность для *иностранного* учёного, а в Америке уставы не нарушают (по крайней мере, не на таком уровне).

У меня ещё действовала рабочая виза, но не было работы, да и вообще ничего не было — ни кола, ни двора, ни машины, без которой в абсолютном большинстве американских городов жить невозможно, ни денег. Найти работу в Америке вообще трудно, а в срочном порядке и в критической ситуации — нереально. Университет штата Юта был единственным местом, которое я знала и которое знало меня, и я решила возвращаться в Юту.

Меня спасла популярность, приобретённая за время профессорства на кафедре Клайда. Я была первой «русской» и первой женщиной на этой престижной кафедре, и журналисты буквально ходили за мной по пятам: я называла эту ситуацию «ни дня без строчки». Мне задавали кучу удивлявших меня вопросов, среди которых отчётливо доминировал вопрос о том, как мне, женщине, удалось вознестись на неслыханные высоты кафедры Клайда? Я удивлялась вопросу и отвечала, что и среди женщин

попадают неплохие альпинистки.* «Значит, то, что вы женщина, вам в Советском Союзе не помешало. А то, что еврейка?» — спросил меня один догадливый репортёр. «Ну, это совсем другая история», — ответила я, и потом прочитала в газете: «На вопрос о положении евреев профессор Рапопорт ответила, что женщиной в Советском Союзе быть гораздо лучше, чем еврейкой».

Как профессор кафедры Клайда я была, что называется, нарасхват: меня непрерывно приглашали выступать в закрытых клубах, мормонских церквях, синагоге, на банкетах, обедах — а порой и на серьёзных форумах. Одно из моих выступлений сыграло спасительную роль в моей дальнейшей судьбе. Оно было на очень престижном в Юте форуме «Передовые рубежи науки», в большом и красивом зале местного Музея Искусств. В рамках этого форума какой-нибудь видный учёный, часто новоиспечённый Нобелевский лауреат, читает популярную лекцию для народа. В тот год подходящего Нобелевского лауреата не нашлось, и они пригласили меня. Лекция должна была быть одновременно научной и популярной. Меня с моим многолетним опытом лекций от общества «Знание» это не испугало. Я выбрала себе тему «Тоталитаризм и наука».

ТОТАЛИТАРИЗМ И НАУКА: КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИИ

*Толпа естествоиспытателей
На тайны жизни пялит взоры
А жизнь их шлёт к еб..не матери
Сквозь их могучие приборы.*

Игорь Губерман

Я поведала аудитории о научной и человеческой судьбе трёх советских женщин — Лины Соломоновны Штерн, Ольги Борисовны Лепешинской и Нины Георгиевны Клюевой.

* Истоки сакраментального вопроса о женской доле я поняла позже, пожив в Юте. В мормонской культуре женщине отводилась единственная роль — рожать до полной отключки детородного органа. При этом религия предписывает стерильную нецелованность до брака. В Юте даже ходил такой анекдот. «Как отличить мормонскую свадьбу от любой другой? Да просто: невеста не беременна, а её мама, бабушка, и прабабушка, эти все — да!»

Лина Штерн, учёный с мировым именем, была первой советской женщиной-академиком. Она одна из первых в мире стала заниматься проблемами гемато-энцефалического барьера (это барьер между кровью и мозгом). Моя мама, профессор-физиолог, работала с Линой всю свою жизнь и была с ней очень близка, и я, подростки, тоже с ней дружила. Руководствуясь Линиными идеями, в Москве, впервые в мировой практике, Линины сотрудники вылечили девочку от туберкулёзного менингита. Девочку лечили стрептомицином, вводимым прямо в спинномозговую жидкость, в обход гемато-энцефалического барьера. Стрептомицин тогда только-только изобрели в Америке, его прислал Лине её американский брат — кажется, достал его через чёрный рынок. Терапевтические дозы стрептомицина были тогда неизвестны. Стрептомицин действует на ушной нерв, и девочка осталась глухой, но выжила! Лина опубликовала работу, описывающую первое в истории успешное лечение туберкулёзного менингита. Проследить источник уникального лекарства не составляло труда, и у Лининового брата были в Америке большие неприятности.

Когда я рассказывала эту историю, в зале вдруг кто-то громко заплакал. Я замолчала, всматриваясь в зал, многие обернулись на звук рыданий. Встала незнакомая женщина и сказала сквозь слёзы: «Вы сейчас рассказали историю моей родной тёти. Она гостила у меня здесь целый месяц и только вчера улетела обратно в Москву. Несмотря на полную глухоту, она стала известным микробиологом, доктором наук. Я не знала всех подробностей этой истории. Спасибо вам». Зал зааплодировал. Я остолбенела от неожиданности: такие невероятные совпадения буквально пронизывают мою жизнь! Многие подумали, что я всё это подстроила...

История выздоровления девочки быстро облетела Москву, и к Лине обратилась Светлана Сталина с просьбой о стрептомицине для дочки её подруги, заболевшей воспалением лёгких. Лина отказала — стрептомицина у неё было очень мало, и он был ей необходим для её исследований. Вскоре Лина была арестована по делу Еврейского антифашистского комитета. К визиту Светланы Сталиной это, скорей всего, никакого отношения не имело. Лина, единственная из членов Еврейского антифашистского комитета, не была расстреляна 12 августа 1952 года; есть предположение, что Сталин думал, что Лина владеет тайной долголетия. Лина провела пять лет в тюрьме и ссылке; её освободили спустя три месяца после смерти Сталина. На фото-

графии — мама, папа и Лина Штерн в день Лининого возвращения из ссылки. Первые дни после освобождения она жила у нас и многое тогда рассказала моим родителям о прошедших пяти годах.

На другом научном полюсе была Ольга Борисовна Лепешинская, автор мракобесного учения о «живом веществе»; Сталин вознёс её наравне с Лысенко на вершину биологической науки. Странно, но Ольга Борисовна очень уважала папу и приходила к нам на дачу обращаться к нему в свою веру; папа только посмеивался. На торжестве в Доме учёных, посвящённом восхождению Лепешинской на пьедестал Лауреата Сталинской премии, мой папа шуточно попросил её руки и добавил, что детей они смогут делать из «живого вещества». На фотографии — Лепешинская у нас на даче.

Третьей была микробиолог Нина Георгиевна Клюева, учёный с трагической судьбой. Вместе с мужем, профессором-гистологом Роскиным, она разработала препарат КР, или круцин. В своих исследованиях учёные исходили из того, что паразит трипаносома круцин, вызывающий у человека сонную болезнь, разрушает клетки, в которые попадает. Учёные обнаружили, что, попадая в кровь мышей, больных раком, трипаносомы избирательно накапливались в опухоли и излечивали у мышей различные виды рака. В 1946 году они опубликовали монографию о своих экс-

периментах «Биотерапия злокачественных опухолей». Препаратом КР заинтересовались в советских правительственных верхах, понимая его как козырную карту в крупной политической игре. Монографию Клюевой и Роскина прочитал Сталин и написал на полях: «Бесценный труд!». Результаты экспериментов на мышах были настолько поразительными, что начались испытания препарата на людях. К сожалению, как это часто бывает, препарат, активный в мышах, оказался бессильным в человеческом организме. К такому выводу пришёл мой

отец, привлечённый в качестве эксперта к клиническим испытаниям препарата. Ключева и Роскин оказались в ловушке: после восторженной рецензии Сталина признать публично, что препарат не активен, было равносильно самоубийству. Последовала цепочка драматических событий, в которые, так же как в историю со стрептомицином Лины Штерн, были вовлечены Соединённые Штаты. Президент советской Академии медицинских наук Василий Васильевич Парин был обвинён в «разглашении тайны» препарата КР американским коллегам и в шпионаже и провёл много лет в страшных сталинских застенках... Разработавшие препарат учёные арестованы не были, но подверглись социальному ostracismu. Роскин вскоре умер от инфаркта, Ключева пережила его на семь лет. А идея биотерапии рака не увяла, и современные исследователи, работающие в этой области, цитируют Ключеву и Роскина как основоположников этого направления.

Моя лекция прошла с большим успехом. По окончании меня окружила масса народа — расспрашивали, благодарили, приглашали на новые выступления. А одна пара дождалась, пока утихнет ажиотаж, и подошла ко мне, чтобы ближе познакомиться. Их звали Дикси и Майкл Шафир.

НОМЕР 184515

Майкл, на руке которого был номер 184515, родился в Польше на самой границе с Германией и пережил ужасы Холокоста. Двенадцатилетним мальчишкой он попал в концлагерь. Единственный из сорока семи членов его семьи, он уцелел в «марше смерти» по дороге в Бухенвальд. Ему помогали выжить совершенно неожиданные люди, среди них был даже один эсэовец: он каждый день приносил Майклу сэндвич и кидал через забор концлагеря. Когда вошли союзники, Майкл умирал в тифозном бараке. Его забрали в американский госпиталь и выходили. Он начал учиться — сначала в Германии, потом в Америке, и стал детским врачом.

Это был весёлый и добрый человек с замечательными лучистыми глазами. Майкл был очень маленького роста, что, вероятно, помогало непринуждённому общению с маленькими пациентами и способствовало профессиональному успеху. Плюс к этому у него обнаружили хорошие способности к бизнесу, и с годами он стал очень состоятельным человеком. Майкл все-

гда помнил, что выжил благодаря помощи чужих людей, имени которых он часто не знал. Когда разбогател, своим жизненным кредо сделал активную помощь вновь прибывающим в Америку иммигрантам, обратив на это капиталы и энергию. Мне повезло стать одной из его подопечных.

Дикси — вторая жена Майкла — была из мормонской семьи, но приняла иудаизм и, как многие неопиты, с особой страстью принялась помогать мужу в его добрых делах (по-еврейски, «мицвах»). В вечер нашего знакомства Майкл и Дикси дали мне свою бизнес-карточку с адресом и телефоном и сказали, что я могу всегда к ним обратиться, если мне понадобится помощь. Это было предложено так искренне, что мне не пришлось делать над собой героических усилий, когда я позвонила им из Нью-Йорка с сообщением, что никуда из Америки не улетела, возвращаюсь в Юту и нуждаюсь в их помощи. Майкл и Дикси встретили меня в аэропорту и «удочерили»; в их доме я провела несколько месяцев после возвращения из Нью Йорка.

Дом Майкла стоял высоко на склоне горы в одном из самых красивых районов города. В закатные часы оттуда открывался волшебный вид на долину Большого Солёного озера. Долина наша исчерчена сеткой дорог, как тетрадка в клеточку. Вечерами дороги превращались в двойные нитки рубинов и бриллиантов — это сверкали красными огнями задние фонари машин, двигавшихся на запад, и блестели передние фары тех, что двигались ко мне, на восток. Чуть правее горела расплавленным золотом едва видимая полоска Большого Солёного озера.

Но мне было не до красот пейзажа: мне предстояло осваивать сложное, затейливое и многогранное искусство выживания в этой загадочной стране — Америка, для чего на тот момент у меня не было самых необходимых атрибутов: машины, американских водительских прав, автомобильной и медицинской страховки, квартиры и — самое главное — работы. Никому из бывших коллег я из Нью Йорка не звонила, просто не было на это душевных сил, и никто в Университете не знал, что я резко сменила жизненный курс и вернулась в Солт-Лейк-Сити.

Машину в Юте не проголосуешь: было много случаев, когда подобранный по дороге пассажир убивал водителя и угонял машину (так погиб, например, муж нашей секретарши). Голосуй-не голосуй — никто не остановится. Дикси с Майклом сделали для меня почти невозможное: начали возить в Университет на своей машине, а потом Дикси организовала дежурство среди соседей: кто-то отвозил меня в Университет, кто-то забирал.

Моё неожиданное появление в Университете произвело небольшую сенсацию. Надо отдать должное коллегам: через две недели после моего возвращения в Юту они единогласно утвердили меня на позицию профессора-исследователя. Правду сказать, они при этом ничем не рисковали: позиция профессора-исследователя не несёт в себе никаких денежных ресурсов — ни зарплаты, ни фондов на исследования, на студентов или сотрудников. Всё это отныне я должна была добывать себе сама. В Америке это делается через гранты, и единственное, что давала мне позиция профессора-исследователя, было право обращаться за грантами от имени Университета.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Легко сказать — обращаться за грантами. Для этого надо было придумать, написать, оформить и подать на жесточайший конкурс серьёзный проект, подкреплённый убедительными предварительными данными. Ничего этого у меня в помине не было. Я не имела ни малейшего понятия об американской грантовой системе, была «на вы» с компьютером (первый в жизни компьютер я получила несколько месяцев назад на кафедре Клайда), и, конечно, мой английский оставлять желать много лучшего: одно дело — разговорный язык, где если брешешь бойко и тебя понимают — всё «окэй»; и совсем другое — грамотный письменный язык, где каждый артикль, предлог и глагол должен стоять на своём месте. В школе у меня был французский, в Университете — немецкий; свой разговорный английский я почерпнула из воздуха да из романов Агаты Кристи, коих прочитала столько, что могла, не переворачивая первой страницы, предсказать, кто убийца. Но Агата Кристи в своих романах вовсе не трудилась объяснить мне расстановку артиклей. Я страдала и материлась от отчаяния: какая сволочь выдумала артикли, без которых мы в русском языке прекрасно обходимся: он и без них великий и могучий, чего об английском пока никто не сказал. Ругань облегчала душу, но ситуацию не спасала.

Чтобы как-то выжить, я начала преподавать — что угодно, чего изволите, только свистните — по пять тысяч долларов за семестр (втрое меньше, чем мне платили на кафедре Клайда). В Университете случается, что какой-то курс остаётся без педагога. Профессора, имеющие постоянную позицию, по-английски *tenure*, обязаны преподавать определённое число курсов

в год. Но если такой профессор получил грант на исследования, он может часть своей зарплаты — обычно это пять тысяч долларов — пожертвовать на то, чтобы выкупить своё преподавательское время. Он компенсирует себе эту потерю из гранта, а упомянутые пять тысяч идут его временной замене. Этой временной заменой в течение нескольких лет была я. Я заменяла разных профессоров на непопулярных и сложных курсах и, случалось, была всего на один урок впереди своего класса. Как я ухитрялась выживать на пятнадцать тысяч долларов в год — уму непостижимо. Стипендии моих студентов были выше моей зарплаты — студенты тогда получали восемнадцать тысяч. Но хуже всего было то, что я никогда не знала, будет ли у меня преподавательская работа на следующий семестр. Пару раз случалось, что её не было, а я не могла даже обратиться за пособием по безработице, потому что официально числилась сотрудницей Университета... Прибавьте к этому, что педагогического опыта у меня не было никакого, и я совершила на этом пути несколько тяжёлых ошибок, о которых ниже. Надо было иметь железные нервы, чтобы не впасть в отчаяние.

Как я уже доложила, преподавать мне приходилось непопулярные курсы, потому что популярные курсы профессора преподавали сами. Самым непопулярным в инженерном колледже был обязательный курс материаловедения, выпавший на долю моего коллеги и приятеля Джоэла Дюбао. В материаловедении Джоэл разбирался не больше, чем я в международном праве, и студенты постоянно писали на него жалобы. В американских университетах студенты — хозяева жизни. По окончании очередного курса лекций они пишут отзывы о преподавателе, и от их отзывов во многом зависит продвижение преподавателя по служебной лестнице. Студенты этим пользуются, выклянчивают оценки, требуют, жалуются. Джоэл был полным профессором, то есть занимал высшую ступеньку в университетской иерархии и положение в Университете имел прочное, так что отрицательные отзывы студентов ему ничем не грозили. Выгнать его с работы можно было только, если бы он кого-нибудь убил или изнасиловал или вступил в преступную связь со студенткой или студентом, или дискриминировал по расовому или половому признаку, или оскорбил словом. А он не убивал, не вступал и не дискриминировал, но студенты были им недовольны и отношение к нему руководства факультета было, мягко говоря, недоброжелательное. Дело в том, что у Джоэла была редкая и неожиданная для американца страсть, возможно, уна-

следованная от далёких предков: страсть к чтению. Всё свободное время и не вполне свободные деньги он тратил на книги. Между прочим, хорошие книги. Он хорошо знал американскую и мировую классику, из русских писателей читал Гоголя, Чехова, Толстого, Достоевского, позже я открыла ему Булгакова. Чтение было его жизнью. Джоэл читал дома в кресле, на работе в кабинете, на семинарах и факультетских собраниях, в буфете, в коридоре. Коллеги его в основной своей массе были примитивные технари, не пошедшие в литературе дальше газетных комиксов. На Джоэла они поглядывали снисходительно-насмешливо, недоумённо пожимая плечами. Зато хорошо разбирались в металлах и керамике и, по определению Джоэла, «знали, из каких материалов сработан унитаз». Словом, он был белой вороной, и его бы с удовольствием выгнали, да руки были коротки, потому что, как я уже объяснила, он имел постоянную позицию. Кроме того, у него были какие-то таинственные для меня военно-морские связи, с помощью которых он регулярно получал небольшие гранты, а это в университете очень ценится. Имея грант, он был бы рад выкупить своё преподавательское время, но желающих преподавать вместо Джоэла сложный и непопулярный курс материаловедения среди новобранцев-ассистентов не находилось.

Вот тут и подвернулась я — без денег, без работы, готовая, чтобы выжить, преподавать что угодно. «Материаловедение? Пять тысяч долларов за курс? О чём речь!». Не то чтобы я была большим специалистом в этой области, но уж наверное лучшим, чем Джоэл. В былые времена в Институте химфизики я дважды прослушала курс физики твёрдого тела, который профессор Павел Юрьевич Бутягин читал студентам московского Физтеха. Сказать по совести, я посещала этот курс больше из любви к профессору, чем к предмету, но Бутягин читал прекрасно, и кое-что запало. Теперь мне предстояло поделиться накопленным багажом с американскими студентами предвыпускного года.

Это оказалось зверски трудно! У меня не было никакого преподавательского опыта, а в классе обычно бывало около шести-десяти студентов, публика невероятно разношёрстная. Когда я впервые вошла в класс, в какой-то короткий момент усомнилась, не перенесло ли меня внезапно магией Воланда в Китай, или, может, в Индию или Корею. Азиатские лица перемежались с индийскими, и только когда глаз немного адаптировался, мне удалось разглядеть несколько американцев. С этой разношёрстной массой у меня возникли вскоре большие проблемы, и я совершила несколько серьёзных промахов.

Курс материаловедения был обязательным для всех студентов инженерного колледжа. В классе среди пятидесяти-шестидесяти студентов бывало человек пять–шесть довольно сильных (обычно из Индии, но иногда и местных, американцев), за ними шла основная серая масса, и в конце её — совершенные олухи. Эти в своих отзывах традиционно жаловались, что в их неуспеваемости виноват мой акцент. Характерно, что успевающие студенты на мой акцент не жаловались. Отзывы студентов возвращались ко мне после тщательного изучения командой декана, и пункт об акценте был всегда подчёркнут красным, словно я могла над этим недостатком поработать и что-то изменить. Меня это сильно травмировало, и однажды я направила декану объяснительную записку: дескать, посмотрите внимательно, кто жалуется на мой акцент: это закоренелые двоечники, не умеющие обращаться с дробями, впервые в жизни увидевшие значок логарифма и не подозревавшие о существовании производной и интеграла. В их неуспеваемости виноват не мой акцент, а отвратительная подготовка и полное отсутствие необходимой для моего курса математической платформы; заодно обратите внимание, что девяносто процентов класса прекрасно меня понимает, тем более что я дублирую устную речь в классе письменными материалами, которые даю на дом. Моим объяснениям вяли и за акцент меня не журили, хотя подчёркивать в отзывах этот пункт не перестали.

К своему педагогическому поприщу я подошла, как вскоре выяснилось, с излишним энтузиазмом. В американских учебных заведениях широко распространён формат задач с заранее предлагаемыми ответами. Ответов обычно предлагается четыре, один из них верный, его надо найти и указать. Ложные ответы часто бывают такими нелепыми, что отгадать правильный не представляет труда, даже совершенно не зная предмета. Скажем, я задаю вам вопрос: «Кто открыл закон Гука?». И предлагаю следующие ответы:

1. Гук
2. Пифогор
3. Чайковский
4. Байрон

Ну? Так кто открыл закон Гука? Вот то-то же! А вы, поди, не знаете, в чём он заключается и как формулируется. Поэтому привычную для американских студентов практику вопросов с множественными ответами я считала глубоко порочной и по-

что никогда ею не пользовалась. Вдобавок, мне не нравились предлагавшиеся в учебниках задачи: их решение не требовало никаких мозговых усилий, надо было только взять приведенные в условиях числа, подставить в нужную формулу и нажать на кнопку калькулятора. На контрольных и экзаменах я обычно разрешала студентам пользоваться учебниками (это называлось «тест с открытыми книгами»), имея ввиду, что в реальной жизни они всегда смогут найти нужную формулу в справочнике или, сегодня, в интернете. Но велика ли печаль подставить заданные числа в формулу, которая у тебя перед глазами, и нажать на кнопку? И сгоряча я начала, не жалея времени и сил, составлять задачки сама. Мои задачки были в два действия: сначала нужно было найти необходимые числа и потом уже подставить их в формулу. Студенты квалифицировали мою инициативу как проявление звериной жестокости. В деканат полетела от них жалоба, и меня вызвал декан: «Студенты жалуются, что вы преподаёте не на студенческом уровне и даёте им на тестах каверзные задачи. Это очень тяжёлое обвинение. Студенты — наши клиенты, и наша задача сделать их счастливыми». Я опешила: «Видимо, я не так понимала свою задачу. Я думала, моя задача — их научить». — «Наша задача их научить, сделав при этом счастливыми, — усилил тезис декан, и вдруг улыбнулся: — если это вам удастся, вам цены не будет!».

Я отправилась делать клиентов счастливыми, по возможности не наступая на горло собственной песне. По крайней мере, отчасти я в этом, видимо, преуспела, ибо через какое-то время была награждена специальной университетской грамотой за отличное преподавание.

Но триумф мой был недолговечен. Вскоре разыгрались события, выходящие, с моей тогдашней точки зрения, далеко за рамки заурядных.

В одном из моих классов был очень способный, знающий, начитанный и красивый американский мальчик. Учился — по нашей российской шкале — на сплошные пятёрки, был в классе безусловным лидером. У нас с ним были прекрасные отношения, я подбирала ему задачки посложнее, чем остальному классу, чтобы не скучал на уроках. Ему это нравилось, и он ходил в мой класс с удовольствием, что вообще-то со студентами случалось не часто.

Не помню, из каких соображений я дала как-то этому классу тест с закрытыми книгами (то есть не разрешила пользоваться

учебниками). Этика диктует, что во время такого экзамена профессор не должен находиться в классе — этим он показывает, что полностью доверяет своим студентам и мысли не допускает, что они могут жульничать. В классе находился мой ассистент. В положенное время он собрал и принёс мне в кабинет экзаменационные работы. Минут через пятнадцать раздался стук в дверь, и вошёл мой отличник.

— Я пришёл вам сказать, что вы дали нам тест с закрытыми книгами, а два моих однокашника, такой-то и такой-то, подсматривали.

Я потеряла дар речи и огорчилась ужасно.

— Пожалуйста, закрой дверь с той стороны и никогда больше с такими вещами ко мне не обращайся.

Он никуда не ушёл, а, напротив, сел в кресло рядом с моим столом и спросил:

— Почему?

— Ты стучишь на своих товарищей! (по-английски — «inform»). Это же ужасно!

— Почему? Они обманывали, а я всё делал честно. Если они тоже всё решили правильно, вы и им и мне поставите одинаковые оценки, а это несправедливо.

— Что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы вы им снизили оценки или заставили переписать тест.

— Ты должен был сообщить это мне или моему ассистенту во время теста, тогда я могла бы что-то предпринять. А теперь не могу. Представь себе, что я их сейчас приглашу сюда и спрошу: «Вы списывали?», а они скажут: «Нет». Кому я тогда должна верить?

Без секундного колебания он ответил:

— Мне, потому что я говорю правду.

— Ты говоришь правду слишком поздно. На этом этапе я уже ничего не могу сделать.

Он ушёл недовольный, а на следующий день меня вызвал декан (стало быть, он настучал уже на меня).

— У вас конфликт со студентом.

— У меня нет с ним конфликта, но он меня страшно огорчил: он настучал на своих одноклассников. Я не сомневаюсь, что он говорит правду, но поскольку я их не поймала на жульничестве во время экзамена, я ничего не могу сделать.

— Студент прав, а вы неправы. Если вы поставите ему и им одинаковые оценки, у них будут равные шансы получить хоро-

шую работу, а это неправильно, потому что он сильнее этих жуликов и всё делает честно.

— В стране, из которой я уехала, стучать на товарищей считалось ужасным грехом и позором. Из-за доносов люди теряли жизни.

— Вы теперь живёте в другой стране, где никто таким образом не теряет жизни, и должны руководствоваться её правилами. Иначе вам будет очень трудно. Ваш студент не сделал ничего плохого. Он поступил правильно, и вы должны быть ему за это благодарны.

Я ушла от декана раздавленная. К счастью, мне не пришлось ставить моему стукачу и тем жуликам одинаковые оценки, потому что они даже списать толком не смогли.

С тех пор прошло двадцать лет. За эти годы я убедилась, что в Америке стучат все на всех, соседи на соседей, родственники на родственников, приятели на приятелей, сослуживцы на сослуживцев — это норма. Говорят, это помогает предотвращать нарушения и преступления, и никто не считает это позором. Кроме меня.

... Третий эпизод, по существу мелкий, не заслуживал бы внимания, если бы не доставил мне столько хлопот и не отразилась бы в нём, как в зеркале, расстановка сил в тандеме профессор — студент. Один студент — невысокий щуплый парень невнятной наружности — приезжал ко мне в класс на роликах. Ничего особенного — каждый приезжает как хочет. Другой студент, к примеру, привозил на урок коляску с новорожденным младенцем. Разница между этими двумя была в том, что молодой отец ставил коляску к стене, и младенец в ней сладко спал под мою лекцию, не мешая ни мне, ни классу. А студент, который приезжал на роликах, садился прямо напротив моего стола, задирали на парту ноги с роликами прямо мне под нос, вынимал сэндвич и начинал смачно жевать. Может, если бы были только ролики или только сэндвич, меня бы это так сильно не раздражало, но их сочетание было как-то чересчур, не давало мне сосредоточиться и доводило до иступления. Сказать ему я ничего не могла — я уже знала, что моя задача делать студентов счастливыми, и моё замечание могло быть расценено как покушение на права человека. Но и терпеть не было сил. Однажды, дождавшись, когда студент, который приезжал на роликах, набьёт себе сэндвичем полный рот, я попросила его выйти к доске решать задачу.

Обычно для решения задач в классе я вызывала добровольцев, и если они хорошо справлялись, добавляла полбалла к оценке очередного теста, а если не справлялись — никаких санкций не предпринимала, так что всегда находились волонтеры, желающие попытать счастья. Но студента, который приезжал на роликах, я вызвала к доске сама. Он проглотил непрожёванный кусок сэндвича, содрал ноги с роликами со стола и выкатился к доске. Я начала диктовать условия задачи, но пол ли был неровный или ролики так устроены, а лишь только он поднимал руку с мелом и начинал писать, ролики несли его вдоль доски, и мел чертил на ней замысловатые кривые. Он возвращался к стартовой точке, начинал писать, и всё повторялось снова. Класс от души веселился.

— Ладно, садись на место, — сказала я и предложила какому-нибудь добровольцу его сменить.

Но он на место не сел: подъехал к своему столу, взял рюкзачок и выкатился из класса под весёлый смех аудитории.

Через пару дней меня вызвали на заседание Студенческого совета. Там присутствовали представители деканата. Мне зачитали жалобу студента: я выставила его на посмешище перед классом, нанесла ему тяжёлую душевную травму и растоптала его права человека. Мои объяснения звучали жалко, и мой поступок заслужил строгое порицание, занесенное, кажется, в моё «личное дело».

Я сконцентрировала свои педагогические проблемы на небольшом пространстве книжного листа, а между тем во времени их разделяли годы. По большей части всё шло достаточно гладко. Добавлю, что мне приходилось преподавать не только студенческие, но и аспирантские курсы, а это был совсем другой коленкор. В аспирантском классе бывало человек двенадцать — четырнадцать, выбравших научную карьеру. Они имели хорошую подготовку, твёрдо знали, чего хотят, понимали, что будущий успех зависит от приобретенных сегодня знаний, и выжимали педагога, как лимон. Общаться с ними было истинным удовольствием — трудно, но интересно.

НАУКА УМЕЕТ МНОГО ГИТИК*

Так я худо-бедно преподавала, а тем временем, конечно, приглядывалась к тому, что делали люди вокруг, стараясь понять, на что в Америке дают гранты. А вокруг творились замечательные дела. Однажды меня сводили к телёнку, который уже почти год жил с искусственным сердцем и выглядел при этом вполне пристойно — что-то спокойно жевал и лоснился от чистоты и довольства. Если помните, первую в мире пересадку человеку искусственного сердца — знаменитого «Джарвик-7» — сделали именно в Юте в начале восьмидесятых годов. Барни Кларка, первого реципиента этого изобретения, показывали по советскому телевидению. Тогда искусственное сердце представляло собой огромного размера агрегат. Кларк таскал за собой, по-моему, четыреста килограммов (но, может, и фунтов) аппаратуры и прожил всего несколько месяцев. Второй пациент прожил уже почти два года. С тех пор конструкция сердца, размер и вес сопутствующей аппаратуры неизменно улучшались под руководством осевшего в нашем Университете гениального датчанина Вильгельма Кольба, пионера искусственных органов. Сейчас в мире сотни людей живут годами с искусственным сердцем — это стало нормой, но в начале девяностых я застала учёных на полпути к вершине (каковая, кстати, окончательно ещё не достигнута) и с восхищением наблюдала происходившую у меня на глазах революцию в этой области.

Но искусственное сердце — только часть общей проблемы искусственных органов. Искусственные руки, функционирующие как натуральные от исходящих от мозга сигналов; «искусственные глаза» — зрительные протезы для слепых — все эти атрибуты научно-фантастических романов разрабатываются на нашем факультете биоинженерии; от научной фантастики давно отлетело слово «фантастика», осталось одно: наука.

Я вглядывалась в этот новый для меня мир, и у меня, выражаясь современным языком, крыша ехала. Всё, чем я до сих пор занималась в науке, казалось мне серым, плоским, скучным и не стоящим внимания. Настоящая наука была здесь, на факультете биоинженерии. Моя жизнь начиналась заново, и я готова была отбросить всё, что знала и умела, чтобы стать частью этого невероятного мира.

* Фраза для карточного фокуса

СЧАСТЛИВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Полностью отбрасывать старое, мне, однако, не пришлось, потому что мне сказочно повезло: в одном из проектов, имеющих отношение к искусственным органам, пригодился мой уникальный для Юты опыт, приобретенный в Институте химической физики. Руководила этим проектом родная внучка одного из первых в мире нобелевских лауреатов, великого химика Сванте Аррениуса, ставшая впоследствии моей близкой подругой.

Познакомились мы случайно. Случай нашёл меня за банкетным столом во время проходившей в Солт-Лейк-Сити научной конференции. Моей соседкой по столу оказалась милая женщина примерно моего возраста. Она знала меня по кафедре Клайда, а я видела её впервые. Как принято, мы представились друг другу: Кэрин Колдуэлл — Наташа Рапорт. За столом шёл ни к чему не обязывающий лёгкий трёп, среди которого Кэрин невзначай заметила: «Когда мой дедушка получал Нобелевскую премию...». Я вскинулась: «Ваш дедушка — Нобелевский лауреат?!». За столом я определённо была единственная, кто этого не знал. «Да,— сказала Кэрин,— мой дедушка — Сванте Аррениус». Меня аж подбросило: «Аррениус?! Ваш дедушка — Сванте Аррениус?!». — «Вам знакомо это имя?» — «Знакомо?! Вы спрашиваете меня, знакомо ли мне это имя?! Да в моей прошлой жизни я произносила его буквально по пять раз на дню! Уравнение Аррениуса, аррениусовские координаты, энергия активации, электролитическая диссоциация, Бог знает что ещё! Сплошной Аррениус весь рабочий день! Но я никогда не задумывалась, откуда это пошло: мне казалось, что Аррениус, вроде Архимеда или Пифагора, отстоял от меня на много веков. Аррениус — это же классика, как Авогадро или Ньютон. И вдруг вы — его внучка! Он вас, может, на коленях держал! Есть от чего спянуть!».

Кэрин была довольна произведённым эффектом. Мы разговорились. По ходу дела она мне рассказала, что у нас на химическом факультете ещё совсем недавно работал Хэнри Эйринг (Генри Эйринг) — второй в моей табели о рангах классик химической кинетики. Муж Кэрин был когда-то его аспирантом. Я сказала Кэрин, что книга Эйринга о теории абсолютных скоростей химических реакций, переведенная на русский язык, была для меня настольной книгой, и я привезла её с собой в Юту.

В ответ Кэрин поведала мне, что Генри Эйринг был мормон и был женат на фанатичной мормонке, которая ни за что не хотела уезжать из Юты. Если бы он работал, например, в Принсто-

не, — заметила Кэрин, — он бы, наверное, получил Нобелевскую премию. Он был к ней представлен и дошёл до последней ступени. Накануне объявления премий он всю ночь не спал, ждал звонка из Швеции. Но не дождался... Он умер совсем недавно, а сейчас на химфаке работает его сын, занимающий, кстати, высокую должность в мормонской иерархии.

Университет штата Юта начинал играть для меня совсем новыми красками: если в нём работали такие люди, как Генри Эйринг или Вильгельм Кольб, жить здесь можно.

«А вы, Наташа, собственно, чем занимаетесь, если «Теория абсолютных скоростей химических реакций» для вас — настольная книга?» — спросила Кэрин. Я рассказала ей о Химфизике, о её директоре Семёнове — нашем собственном нобелевском лауреате, о своей прошлой работе и о том, как оказалась в Юте. Потом поинтересовалась, чем занимается Кэрин.

Кэрин изучала свойства поверхностей раздела и старалась сделать их биосовместимыми, чтобы предотвратить отторжение искусственных органов организмом. Мне всё это было внове. Оказалось, что для предотвращения отторжения необходимо подавить адсорбцию белков на поверхности искусственного органа, для чего её покрывают специальными длинными молекулами, создающими защитный слой. Эта стратегия работает, но неизвестно, какая структура защитного слоя оптимальна. К чему следует стремиться: создавать плотную щётку из длинных молекул или, наоборот, дать им возможность колыхаться на поверхности, как кольшутся водоросли на дне моря. До некоторой степени эти две ситуации противоречат друг другу: в тесной щётке молекулам трудно передвигаться, как пассажирам в битком набитом автобусе.

Меня осенило, что я могу оказаться полезной в решении этой дилеммы. У меня даже сердце ёкнуло от предчувствия невероятной удачи. Я сказала Кэрин, что эта проблема лежит в сфере моих познаний, и я могла бы её решить. Представьте себе, что вы стоите перед дверью, которая может вращаться. Если дверь закрывает вход и неподвижна (аналог плотной защитной щётки молекул) — вы не просочитесь внутрь, то есть белок не сядет на поверхность. Вот другая крайность: дверь вращается, но так быстро, что вы не успеваете проскочить в её проём (аналог быстрого движения длинных молекул на поверхности) — вы опять не попадаете внутрь, а белок не сядет на поверхность. Но если вы с вертушкой движетесь с подходящими друг другу скоростями, вы успеваете войти в проём, повернуться вместе с дверью,

и выйти с другой стороны (то есть белок адсорбируется на поверхности, защиты от него нет). С помощью метода спиновых меток можно измерить скорость движения защитных молекул на поверхности и посмотреть, какая скорость лучше всего предотвращает адсорбцию белков. Вот, собственно, и вся наука.

Кэрин с ходу уловила мою идею и страшно обрадовалась. У неё были крошечные деньги на одном из грантов, и она их мне предложила. Это была манна небесная: я получила свой первый в Америке маленький научный проект. Больше того, этот проект неожиданно оказался той отправной точкой, оттолкнувшись от которой я сделала резкий пируэт в сторону онкологии и спустя несколько лет начала разрабатывать системы направленной доставки противораковых лекарств в опухоли. Позже я ещё об этом расскажу. А пока у нас весна девяносто первого года, я живу в доме у Дикси и Майкла Шафиров, дружу с семьёй моего коллеги Джоэла Дюбао, учусь водить по Америке его машину с автоматической трансмиссией, остервенело работаю, зарабатываю мизерные деньги и ищу себе дешёвую квартиру, чтобы освободить Шафиров, взваливших на себя непосильный груз в моём лице. И всё это время совершаю бесплодные попытки выручить из Москвы Вайсберга. Но прежде чем мы к нему вернёмся, я хочу рассказать вам занимательную историю моей первой самостоятельной попытки снять квартиру в Америке.

Я С ДЫМЯЩЕЙ ЛУЧИНОЙ ВХОЖУ К ШЕСТИПАЛОЙ НЕПРАВДЕ В ИЗБУ

Я искала квартиру по объявлениям в газете, и в какой-то момент наткнулась на одно, предлагавшее удивительно дешёвую квартиру в хорошем районе. Я позвонила по указанному телефону, и хозяин (а может, менеджер) сказал, что я могу приехать посмотреть квартиру в любое время, потому что в этом же доме живёт его полномочный представитель. Меня встретил высокий, как шкаф, прямоугольный мордovorот отвратительного вида. Квартир в доме было две, их разделяла тонкая картонная стенка. Во второй квартире жил этот мордovorот. Я осмотрела своё будущее жильё — оно подошло мне по всем параметрам, даже горы были видны из бокового окна. Единственно, в туалете не было ни ванны, ни раковины, а посреди туалетной комнаты стояла пованивавшая лужа. «Ремонтируем туалет после предыдущих жильцов. К завтрашнему дню будет всё готово, — объяснил

мордоворот. — Кстати, откуда у вас акцент?». Я объяснила, откуда. «Все неприятности в России начались оттого, что умер Сталин», — сказал мой будущий сосед. Я остолбенела: «А вы в курсе, что по вине Сталина погибло двадцать миллионов невинных людей»?! — «Во-первых, это не двадцать миллионов, а всего (!) семь миллионов. Это цифра КГБ, и я ей верю. А во-вторых, кого бы вы предпочли, чтобы завтра убили — двадцать миллионов незнакомых вам людей или вашу семью?». От этого вопроса я осатанела: «Знаете, я бы предпочла, чтобы убили человека, который задаёт мне такой вопрос».

Я бросилась к телефону и позвонила своему коллеге Джоэлу Дюбао за советом. Рассказала о беседе с будущим соседом: «По-моему, я не должна снимать эту квартиру». — «Ты просто не понимаешь американского *privacy* (т.е. права на уединение, права на частную жизнь), — сказал мне Джоэл. — После того, как ты подпишешь контракт, ты, скорее всего, этого соседа больше никогда в жизни не увидишь. Квартира тебе подходит? — Бери!». Джоэл родился и вырос в этой стране, а я жила в ней без года неделя и мало что понимала. Я поверила его опыту. Мордоворот завёл меня в свою квартиру подписать контракт, и первое, что я там увидела, был лежавший на столе огромный револьвер. Я ненавижу оружие, у меня мороз по коже пошёл. Я спросила: «Мне что, тоже надо завести такую пушку, если я сниму эту квартиру?». — «Достаточно того, что она есть у меня», — ответил мне мордоворот вполне серьёзно.

Я подписала контракт, заплатила вперёд за два месяца (первый и последний — так положено), получила ключи, и с помощью Джоэла перевезла нехитрый скарб, подаренный мне отчасти семьёй Клайда, отчасти Дикси с Майклом и другими друзьями, когда я вернулась в Юту. Там были кровать и бельё к ней, столик, два стула, красивая настольная лампа. Всё это до моего переезда хранилось в подвале у Джоэла и ждало своего часа.

Переехав таким образом в новую квартиру, в ожидании окончания ремонта ванной комнаты я тем же вечером улетела в гости к друзьям. Когда я вернулась через несколько дней, в квартире ничего не изменилось: по-прежнему не было ни ванны, ни раковины, разве что лужа посреди комнаты стала ещё более вонючей. Я рванула в Университет и позвонила хозяину: «В чём дело? Мне сказал ваш представитель, что ванная комната будет готова на следующий день после подписания контракта, но там всё на прежнем месте, то есть ничего нет! Я не могу там жить!». — «Разве? — сказал мой собеседник. — Отчего ж не можете? Я о вас всё

узнал. Вы приехали из страны, где душ каждый день не принимают». Я ахнула от такого хамства. «Вы заблуждаетесь относительно моей страны. Я принимаю душ каждый день, иногда дважды. Боясь, что я не смогу жить в вашей квартире». — «Вот и прекрасно. Вы и такие как вы приезжаете в Америку и занимаете наши рабочие места. Вас надо выселять из страны, и я об этом позабочусь». Мне в нос, как говно из шланга, ударил мой давний разговор с полковником N. Неужели и в Америке то же самое?! Я бросила трубку и, вся в слезах, позвонила Джоэлу. Он стал очень серьёзен: «Я немедленно звоню в полицию. А ты выходи через двадцать минут, я тебя подберу, и мы поедem забирать деньги и вещи».

Джоэл заехал за мной, одетый в камуфляжный костюм и вооружённый до зубов: в одном кармане пистолет, в другом нож, позади ещё какое-то оружие. От одного его вида я перепугалась больше, чем от разговора с тем говнюком: «Зачем ты так вооружился?!». — «Так надо. Ты не знаешь этих людей. На углу твоего переулка нас будет ждать полицейская машина, мы подъедем с полицейским».

*Квартира тиха, как бумага.
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.
Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды монетки
На улицу просятся вон.*

Осип Мандельштам

На повороте в переулок нас действительно ждала полицейская машина. Джоэл посигналил ей, полицейский включил свои огни и поехал впереди нас, как флагман. В темноте на пороге дома мы увидели две фигуры — они вышвыривали из квартиры на землю мои вещи. Увидев полицейскую машину, они присмирели, как мыши, и подошли, поджав хвосты: «Сэр, леди сказала, что не хочет жить в этой квартире, и мы сочли своим долгом помочь ей вынести вещи». — «По-моему, вы их не выносите, а вышвыриваете, — сказал полицейский. — Вы согласны вернуть ей деньги и аннулировать контракт?» — «Конечно, мы же ей сказали!» — «Тогда принесите назад её чек, если вы его ещё не положили в банк, или выпишите новый». — «Один момент, сэр, сейчас, сэр, конечно, сэр!». Тем временем Джоэл подбирал мои вещи и со-

вал их в свою машину. Больше всего мне было жалко разбитую на куски красивую старинную лампу, сделанную под греческую амфору — подарок Клайдов. «Вы можете подать в суд за нанесённый вам материальный и моральный ущерб, — сказал мне полицейский. — Если вы решите это сделать, я сейчас составлю акт». — «Нет, моё единственное желание — получить обратно деньги и унести отсюда ноги как можно скорее», — ответила я.

Сейчас, после двадцати лет жизни в Америке, я бы, наверное, подала на них в суд и получила очень солидную компенсацию, но тогда, без году неделя в Америке, одна как перст, я и мысли такой не имела. Я пожила какое-то время в подвале у Джоэла, пока не сняла нормальную квартиру.

Прошло ещё какое-то время, может быть, около года, и наступило двадцатое апреля. В тот год местные фашисты отмечали день рождения Гитлера демонстрацией перед Капитолием нашего штата. В местной газете была большая фотография демонстрации. В первом ряду, со свастиками на повязках, шествовали мой несостоявшийся сосед и хозяин/мэнеджер того дома. Вот в какое логово занесло меня на заре моей американской жизни...

Позже мы узнали, что у фашистов и так называемых «белых супрематистов» было гнездо на юге Юты, в Национальном парке Сион (по-английски «Zion»). Это место они выбрали не случайно: они называли себя «истинными детьми Сиона», в отличие от не истинных, которых следовало из Сиона выгнать и уничтожить. Надо отдать должное «истинным детям Сиона»: их в равной степени раздражали все меньшинства, в особенности цветные. На этом они и погорели. По американскому закону человеку позволено думать всё, что душе угодно, но не претворять свои идеи в активные человеконенавистнические действия. Из Национального парка супрематистов аккуратно вытеснили, не нарушая американской Конституции. Выселенная из Юты, вся эта компания перебралась к нашему северному соседу и обосновалась в штате Айдахо. Там как-то раз мимо их лагеря проходил индеец. Они к нему прицепились словом и действием, а вот этого делать было никак нельзя, особенно по отношению к индейцам: на этом месте у американцев большая мозоль. Всю компанию взяли с поличным (не удивлюсь, если индеец был специально послан пройти мимо супрематистского лагеря). Главаря супрематистов судили и посадили на длительный срок (он потом умер в тюрьме), всё имущество группы конфисковали, и их время в наших краях окончилось. Вот уже лет пятнадцать, как мы о них ничего не слышали.

СЛУЧАЙ ВАЙСБЕРГА

**КТО МОЖЕТ ЗНАТЬ, ПРИ СЛОВЕ РАССТАВАНЬЕ,
КАКАЯ НАМ РАЗЛУКА ПРЕДСТОИТ...**

ТЕПЕРЬ ВЕРНЁМСЯ К ВАЙСБЕРГУ. Я НАПРЯЖЁННО ИСКАЛА ПУТИ к извлечению его из ловушки, в которую сама же загнала, но все пути приводили в тупик. Тем временем в августе девяносто первого года в Москве разразился путч: вскрылся давно назревавший нарыв.

Когда случился путч, я была на конференции в Будапеште — пригласили за прошлые научные заслуги и даже оплатили поездку. Но многим участникам конференции, особенно из бывших социалистических стран, было не до науки — мы не отходили от телевизора, и венгерские коллеги переводили нам новости: Горбачёв был под домашним арестом в Крыму, по московским улицам шли танки, по телевизору показывали «Лебединое озеро», перемежавшееся харями и трясущимися руками путчистов. Я была в панике: казалось, для нас с Вайсбергом всё кончено навсегда — он уже не вырвется из когтитских коммунистических лап, и моё невозвращенчество может отозваться ему страшными карами... Но подходило время моего доклада, и я поплелась в зал. По дороге меня догнал венгерский приятель с криком: «Путч кончился! Наши победили!». У меня в душе запели скрипки. Я вышла на трибуну и сказала: «Путч кончился! Наши победили!» Зал взорвался бурными аплодисментами и дружно встал. Когда всё успокоилось, я перешла к своей науке. На конференционном банкете лучшим выступлением конференции были единодушно признаны две первых минуты моего доклада!

Путч окончился «нашей победой», и стало легче дышать. Появилась надежда. Напомню: для приезда в Штаты Вайсбергу были нужны визы, выездная и въездная, на постоянное место жительства. Обе требовали моего присутствия в Москве, а я была в Америке. Но чем хороша Россия — там можно кого угодно купить. В те идиллические времена взятки брали ещё не миллионами долларов, а борзыми щенками. Разведка донесла Вайсбергу, что начальник нашего районного ОВИРа любит детективы. Вайсберг собрал все те, что были в доме, прикупил ещё много дополнительных на книжных развалах и отнёс в подарок начальнику ОВИРа. Был им благосклонно принят, и в конце концов получил россий-

скую выездную визу. Не на постоянное место жительства — этого даже начальник ОВИРа без справки об отсутствии моих к Вайсбергу материальных претензий дать ему не мог, — а обычную туристическую выездную визу. Тем временем, тоже не без некоторой стимуляции (в американской организации, занимавшейся эмиграцией евреев из СССР, работали русские сотрудники), удалось уговорить американскую сторону выдать Вайсбергу его эмиграционные документы без моего присутствия. На всё это ушло больше года и океан невосполнимых нервных затрат.

Теперь Вайсбергу предстояло сыграть совершенно не свойственную ему роль международного авантюриста: он выезжал из России по одним документам, выданным ему российскими властями, а въезжал в Америку по другим, выданным ему американцами и тщательно спрятанным на спине под рубашкой. Он и это героически преодолел, но в Юту прибыл в невменяемом состоянии. Две недели просидел на тёмной кухне в маленькой квартирке, что я тогда снимала, и невозможно было вытащить его на улицу.

Но в конечном счёте и это прошло, и мы съездили вместе в супермаркет за продуктами. Напомню, что Вайсберг прилетел в Америку в 1991 году из голодной, нищей, разорённой России. За границей он до этого не бывал. Я-то получила необходимую прививку сначала в Венгрии, потом в Швейцарии, где испытала настоящий клинический шок от посещения супермаркета. Это помогло мне потом легко пережить американские молы. А на Вайсберга супермаркеты обрушились лавиной. Он в них совершенно одурел, но в хорошем смысле слова: то, что он там увидел, ему понравилось. В Москве-то в это время не было даже туалетной бумаги.

В РОСКОШНОЙ БЕДНОСТИ, В БОГАТОЙ НИЩЕТЕ

*В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи спокоен и утешен –
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.*

О.Мандельштам

Примерно через месяц после первого посещения супермаркета я решила «прощупать» Вайсберга и привела его в длинный ряд с туалетной бумагой всех расцветок, фактуры и рисунков.

Я спросила его с самым невинным видом, какой цвет туалетной бумаги наиболее подходит к цвету нашего сортира. Вайсберг задумался и начал серьёзно обсуждать эту проблему. Я в упор смотрела на него, и он вдруг спохватился: «Что это со мной»?! — «Ничего, — ответила я, — всё нормально. Здравствуйте, господин американец!»

Но, конечно, не всё шло так гладко. Как и ожидалось, стали сказываться плоды его упрямства по вопросу об эмиграции. Экстренные курсы английского языка, которые он перед отъездом посещал, оказались слишком экстренными и мало чему помогли. На городских курсах вождения в Москве до вайсберговского отъезда так и не нашлось запчастей к обездвиженным автомобилям, и водить машину Вайсберг не научился. С этим багажом — без языка и водительских прав — он прилетел в Америку. А я работала день и ночь и не могла уделять достаточно внимания его адаптации. Он начал попадать во всякие истории. Вскоре после его приезда произошло, к примеру, следующее.

Я снимала небольшую недорогую квартиру (одна спальня, небольшая столовая и кухня) в не слишком хорошем районе. Квартир в доме было четыре — две чуть выше уровня земли, две в подвале. Кому дом принадлежал, я не знаю, а управляла им высокая пышная блондинка-менеджер, внешностью и повадками резко выделявшаяся на фоне пресных мормонских матрон: ярко накрашенная, с надутыми губами и «вшивым домиком» на голове. В доме она держала информатора, жившего в квартире под нами — за стукачество ему была снижена плата за квартиру. Он, натурально, настучал, что у меня появился мужик и сожительствует со мной. Блондинка-менеджер явилась днём, когда я была в Университете. Увидела Вайсберга, всё ещё смотревшего на мир диким затравленным взглядом. Спросила его, где я. Услышав слово Наташа, Вайсберг понял вопрос, собрал в кулак знания, почерпнутые на экстренных курсах английского языка, и ответил: «Ноу». Менеджер спросила: «Who are you?» (кто вы)? Вайсберг опять понял вопрос и хотел ей объяснить, что он мой муж. Поэтому, напрягшись, сформулировал и с долгими паузами произнёс: «Ай... эм... ёр... хасбанд (я твой муж)». Дама смекнула, что перед ней сексуальный маньяк, и сейчас произойдёт изнасилование, а может, и убийство. Она совершила рекордный прыжок спиной назад, выскочила за дверь и бросилась к своей машине. Вайсберг сообразил, что сказал что-то неподобающее, и помчался вслед за ней с намерением объясниться. Дама его

опередила, прыгнула в машину и рванула с места, а Вайсберг бегом вернулся в дом и позвонил мне в Университет с этой тревожной информацией. Я пришла в ужас: было ясно, что дама сейчас вызывает полицию, Вайсберга вот-вот заберут — и доказывай потом, что никаких сексуальных намерений он не имел и вообще в своём неменяемом состоянии был недееспособен. Я бросила работу, вскочила в машину и помчалась в квартирный офис. Мы с менеджерихой подкатили к офису одновременно. «Не вызывайте полицию!!! Это мой муж! Он не говорит по-английски! Он ошибся!» — орала я, выскакивая из машины. «Твой муж?! Когда ты заключала контракт, ты была одна. Теперь вас в квартире двое. Или плати за двоих, или немедленно выметайтесь из квартиры оба». Выметаться из квартиры нам с Вайсбергом было совершенно некуда, но и платить удвоенную плату нечем. Мне удалось сторговаться с менеджерихой — ей тоже ни к чему была головная боль по поиску новых жильцов. Плату за квартиру она нам увеличила не смертельно, и Вайсберга признала как законного квартиросъёмщика.

Через пару лет, когда из Израиля прилетели Вика с Мишей, нас выгнали из этой квартиры уже окончательно — там имели право жить не больше двух человек. Но к этому времени моя ситуация с работой слегка изменилась к лучшему, и мы купили дом, в котором живём до сегодняшнего дня.

...Когда я припоминаю Вайсбергу эпизод с менеджерихой, он парирует историей, которая произошла лично со мной. Ничего удивительного: мы оба попали на другую планету, с иной силой тяжести, и с непривычки спотыкались. Я, к примеру, была уверена, что детектор дыма на потолке нашей квартиры соединён напрямую с пожарной станцией и в случае чего посылает туда сигналы. Случай такой как раз представился, когда Вайсберг стал жарить свиную отбивную на раскалённой сковородке. Детектор взвыл дурным голосом. Я испугалась, что сейчас его брат-близнец на пожарной станции издаёт такие же вопли, и к нам вот-вот явится пожарная команда, за которую я век не расплачусь. Я бросилась к телефону и набрала 911.

— Мой адрес такой-то. Я звоню сказать, что у нас нет пожара, не присылайте пожарную команду!

— У вас пожар?

— Нет, у нас нет пожара!

— Тогда почему вы звоните?

— Я звоню сказать, что у нас нет пожара, не присылайте пожарную команду!

- Вы затушили пожар?
- Нет, у нас не было пожара!
- Тогда почему вы звоните?
- Потому что у нас нет пожара!
- Но он был?
- Нет, его как раз не было. Муж сжѐг сковородку, и всё!
- Тогда почему вы звоните?

Мы прошли по этому кругу раз пять или шесть, а в это время, может быть, кто-то нуждался в экстренной помощи... Зато я усвоила раз и навсегда, что домашний детектор дыма не имеет связи с пожарной станцией...

ПОМОЩНИК РАВВИНА

*Пока торговля не в упадке,
еврей не думает о Боге,
Ему на всякий случай взятки
платя в районной синагоге.*

Игорь Губерман

Вскоре после приезда Вайсберг начал ходить в школу, где его обучали на американца: язык, машина, обычаи. Он приехал в Америку в шестьдесят два года, и учёба давалась нелегко, особенно язык, но когда начинаешь с нуля, любой сдвиг в положительном направлении выглядит впечатляюще. А прогресс и в самом деле был зримым, и на каком-то этапе Вайсберг решил, что все науки превзошёл и достоин аттестата зрелости. Он мог без посторонней помощи объясниться в супермаркете и, что ещё важнее, получил водительские права. Кстати сказать, сдал экзамен по вождению с первой попытки, в то время как я, больше двадцати лет водившая машину по Москве, дважды позорно провалилась по причине глубоко укоренившихся дурных российских привычек. Но, прекратив ходить в школу, Вайсберг загрузил — дома сидеть было скучно, да и позиция «на моей шее», против которой лично я ничего не имела, была для него некомфортной и вызывала депрессию. Он начал искать работу, и в этот момент работа неожиданно нашла его сама.

В том году случилась необыкновенно снежная зима — под тяжестью снега ломались деревья и проваливались крыши домов. В Солт-Лейк-Сити русскоязычная еврейская «комьюнити» очень

небольшая — все на виду. Вайсбергу позвонил работник синагоги и попросил его помочь расчистить снег вокруг синагоги — туда ни пройти, ни проехать. Услуга будет оплачена. Вайсберг с готовностью согласился. Человек ответственный, надёжный, обаятельный и работающий, он очень понравился работникам синагоги, и его пригласили на постоянную работу. Не дворником, как вы подумали, а — в буквальном переводе с английского — ответственным хранителем синагоги. Что-то вроде техника-смотрителя, но с более широкими обязанностями: техник-смотритель не подметает двор и не пылесосит пол в помещении, а ответственный хранитель это делает. Кроме того, он должен следить за различным оборудованием, и в случае какой-нибудь неисправности докладывать боссу: чинить оборудование сам он не имеет права. Конечно, эта работа несколько отличалась от руководства сектором в Институте электротермического оборудования, но Вайсберг был рад и ей и заметно повеселел.

Не обошлось без курьёзов: в свой первый день на постоянной должности Вайсберг позвонил мне в «ланч тайм» и сообщил:

— Я совершил два серьёзных промаха.

— Что ты наделал?

— Принёс в синагогу бутерброд с некошерной курицей и осквернил туалет своим необрезанным членом!

После соответствующего внушения промахи Вайсбергу простили, понимая, что совершил он их не корысти ради, а по дремучему невежеству.

В дополнение к перечисленным выше Вайсберг исполнял в синагоге роль «шабес гоя». По субботам, когда евреям любая работа запрещена, а жратва и возлияния, наоборот, Б-гом поощряются и пышно празднуются бармицвы-батмицвы, в обязанности Вайсберга входило расставлять и накрывать столы для пиршеств, а потом убирать столы и объедки.

Однажды после такого рабочего дня он вернулся из синагоги грустный и усталый: от возни с тяжёлыми столами заболела спина, — и произнёс раздражённо:

— Пора изгонять торговцев из храма!

Ещё в обязанности Вайсберга входило убирать в воскресной школе. Я как-то зашла с ним в воскресенье посмотреть, чем там занимаются, и застала такую картину. Учительница сидела на полу и рассказывала что-то малышне, возлежавшей на полу в разнообразных позах, многие к ней спиной.

— Чему она их учит? — поинтересовалась я у Вайсберга.

— Как чему? Мусорить, — отрапортовал мой муж.

В компенсацию за некоторые неудобства новой профессии, Вайсберг получил теперь возможность на стандартный вопрос: «Кем вы работаете?» отвечать: «Помощником раввина».

К сожалению, от постоянной тяжёлой физической нагрузки всё чаще стала давать о себе знать спина, ещё с московских времён бывшая вайсберговским слабым местом. Рентген показал чрезвычайно редкую у мужчин болезнь: остеопороз, обычно свойственный дамам в постбальзаковском возрасте. Раввину пришлось искать себе другого помощника... Но работа, хоть и эпизодическая, изменила вайсберговское настроение — он снова стал самим собой. А тут ещё, наконец, прилетели из Израиля Вика с Мишей.

СЛУЧАЙ ВИКТОРИИ

СЛУЧАЙ — ПСЕВДОНИМ БОГА, КОГДА ОН НЕ ЖЕЛАЕТ ПОДПИСЫВАТЬСЯ СОБСТВЕННЫМ ИМЕНЕМ

*Цель людей и цель планет –
К Богу тайная дорога.
Но какая цель у Бога?
Неужели цели нет?*

Давид Самойлов

Викин путь в АМЕРИКАНЦЫ СТОИЛ ВСЕМ участникам немало крови. Когда мы с ней были в Америке в первый раз, она сдала экзамены в Нью-Йоркскую Академию художеств и была принята. Одновременно её принял и предложил гигантскую стипендию театральный факультет Бостонского университета. Вика выбрала Нью-Йоркскую академию. Но мы были тогда в Америке в апреле-мае, а занятия — и соответственно американские стипендии — начинались в сентябре. Денег, чтобы протянуть три месяца от мая до сентября, у нас не было, а сидеть на шее у Фрэнсис и Мортон Вика категорически не хотела. Конечно, ушлые люди нашли бы способ остаться — Вика могла бы, к примеру, устроиться работать «на кэш» бэбиситером. Но никого из нас ушлым не назовёшь, и Вика совершила непоправимую ошибку — вернулась со мной на лето в Москву, с намерением прилететь в Нью-Йорк к началу занятий в Академии. Шёл 1989 год, мало кто ездил тогда учиться в Штаты, разве что детки из «элитных» семей. Оказалось, что для получения выездной визы на учёбу в США, Вике нужно было получить направление от советского Министерства культуры. Там очень удивились: откуда ты такая взялась? Мы тебя в Америку посылали? Нет? Не посылали? Ну и иди... Так что поехать учиться в Нью-Йорке Вика не смогла и вместо этого подала, как читатель помнит, заявление на отъезд в Израиль, со всеми сопутствующими перипетиями...

Вика надеялась, что сможет полететь в Америку учиться из Израиля, но, переступив порог аэропорта Лот, захлопнула перед собой американские двери. Между Израилем и Америкой существует, видимо, негласное соглашение: новых израильских иммигрантов (олим) в Америку не пускать, пока они не адап-

тируются и окончательно не осядут в Израиле. Американский консулат в Иерусалиме несколько лет подряд упорно отказывал Вике в студенческой визе, хотя Нью-Йоркская академия художеств ждала её и сохраняла её стипендию. Ни просьбы, летевшие в американское консульство в Иерусалиме от директора Академии художеств, ни мои слёзные мольбы, ни даже письма от влиятельного американского сенатора никакого воздействия не имели. В американском консульстве Викино «дело» попало к какой-то тётке с мексиканской фамилией, и она стояла на-смерть, защищая от Вики подступы к американским рубежам. Вместо учёбы в Нью-Йоркской академии художеств Вика работала уборщицей в гостинице и нянечкой в доме престарелых.

Помог нам немислимо счастливый случай. Однажды вечером в моей солт-лейкской квартире раздался телефонный звонок. У звонившего был приятный мужской голос; говорил он по английски с лёгким акцентом. Он отрекомендовался профессором театрального факультета нашего университета: общие знакомые посоветовали ему ко мне обратиться, потому что в этом семестре он ставит «Мастера и Маргариту». Он хотел бы, чтобы я объяснила его студентам, какие реалии российской жизни стоят за страницами булгаковского романа. Сценарий по мотивам романа он написал сам. Так не могла бы я подойти на часок в субботу на театральный факультет и побеседовать с его студентами, ибо степень их неосведомлённости в области истории и литературы — кстати, не только русской — не поддаётся описанию. «Ты-то сам откуда такой осведомлённый», — подумала я, но спросить не решилась. При встрече выяснилось, что Адриан — румынский еврей. Он бежал от Чаушеску через горы, ночью, в Австрию, с высоким шансом схлопотать пограничную пулю: «Не мог я там больше находиться. Задыхался. Решил — ну, убьют, но есть хоть какой-то шанс выжить. И проскочил!» Из Австрии Адриан перебрался в Израиль. По образованию театральный режиссёр, в Израиле он перебивался случайными заработками, пока не встретил обаятельную американскую туристку из штата Юта и не переехал с ней в Америку.

Только человек, изнутри на своей шкуре познавший все прелести «народной демократии», мог сделать по «Мастеру и Маргарите» такой замечательный сценарий. Было очень странно читать его по-английски.

Как договаривались, я пришла в субботу к часу дня «на часок» на театральный факультет; в час ночи мы всё ещё, сидя на полу, беседовали со студентами о России, Булгакове, жизни там

и здесь, временами просто трепались. Студенты задавали мне кучу вопросов, на которые я иногда не враз находила ответ. Мы мгновенно подружились. С этого дня и до выпуска спектакля я участвовала во всех репетициях в качестве зрителя и консультанта; репетиции начинались вечером и часто шли до глубокой ночи. Это было очень счастливое время, у меня душа пела: я снова окунулась в покинутую мною в Москве богемную и творческую атмосферу, по которой не переставала тосковать.

Где-то на полпути к премьере я, наконец, решила показать Адриану Викины старые театральные эскизы и рассказать о её проблеме с въездом в Америку. Викины театральные работы Адриана поразили. Он на меня накинулся: «Что ж ты до сих пор молчала?! Твоя дочь — замечательная художница! Мы её оттуда вытащим». Проблемы переезда из Израиля в Америку были Адриану хорошо знакомы: «Студенческую визу олимпиам получить практически невозможно, но с рабочей визой дело обстоит гораздо проще. Я сейчас же оформлю ей приглашение от Университета на постановку «Мастера» — надеюсь, оно сработает».

Оно сработало. Вика получила рабочую визу, Миша — визу сопровождающего лица.

Вскоре выяснилось, к моей глубокой печали, что «Мастер» был последней постановкой Адриана в Юте: его пригласили на работу в Нью-Йорке, и не удивительно: он был очень талантливым режиссёр. «Мастер» имел феерический успех, необычный для студенческого театра. Публика просто валом валила. Вика, к сожалению, спектакля не застала: пока шло оформление её визы, Адриан нас покинул.

Со своим официальным приглашением на работу Вика свалилась на наш театральный факультет, как снег на голову. Оказалось, что Адриан никого в Университете не оповестил об этой афере. К счастью, на Вику обратил внимание замечательный театральный художник, главный художник городского драматического театра Джордж Максвелл, почему-то осевший в нашей провинции. Джордж взял Вику в ассистенты, и они несколько лет работали рука об руку в городском театре и на широко известном в Америке Шекспировском фестивале, как раз в это время награждённом престижной театральной премией «Тони». Максвелл выставлял Викины театральные работы на своей персональной выставке, а позже дважды организовывал персональные выставки её гравюр.

Но всё хорошее имеет свой конец. Подошла к концу и Викина рабочая виза, и опять перед нами встал вечный вопрос, что

делать дальше. По совету Максвелла Вика поступила на мастерскую программу нашего театрального факультета и таким образом получила, наконец, студенческую визу, в которой ей столько лет отказывали. Забегая вперёд, скажу, что наш университет не прогадал: на конкурсе выпускников театральных факультетов американского Запада Вика завоевала обе первых премии по обеим номинациям, костюму и декорации, и была второй по Америке. Её театральные работы экспонировались в Кеннеди Центре в Вашингтоне, и у неё были хорошие шансы на работу в Бродвейских театрах. Но, как я уже докладывала, в нашей семье всё не как у людей. Получив высшие театральные награды, Вика объявила, что работать в театре не хочет, а если придётся, будет всю жизнь несчастной: «Театр — это колхоз. Если режиссёр говно или актёры хреновые, вся моя работа пойдёт на смарку, как бы хороши ни были костюмы или декорации. Я хочу принадлежать только себе в своём искусстве. Я хочу заниматься гравюрой».

В Америке никто не запрещает учиться хоть до ста лет. Вика опять поступила на художественный факультет университета, на этот раз по классу гравюры. Это оказался очень удачный выбор пути в искусстве: она с полным упоением занимается графикой до сегодняшнего дня, теперь уже как профессор Университета штата Небраска. У неё бывают выставки по всему миру — в Америке, Европе и Азии, включая большую персональную выставку в Галерее гравюры в Вашингтоне.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ В АМЕРИКАНЦЫ

*И в упоённом нетерпенье
Рвём узы тягостных тенёт,
И сокрушаем угнетенье,
Чтоб утвердился новый гнёт.*

Давид Самойлов

Вайсберг первым в нашей семье получил американское гражданство. Не имел при этом никаких хлопот: всего ему хватило: и отпечатков пальцев, и языка, и знаний американской истории и политического устройства. В отличие от него я, хоть и приехала в Америку на год раньше, с гражданством сильно задержалась. Оказалось, что пальцы, полвека вымачивавшие-

ся в кислотах и щелочах химической лаборатории, не давали убедительных впечатлений, без которых в американцы не принимают. Года два я безуспешно ждала ответа на моё заявление о гражданстве и не понимала, в чём дело. В местном иммиграционном агентстве мне посоветовали позвонить выше, в некое серьёзное ведомство. Там милый женский голос объяснил, что мои отпечатки пальцев производят впечатление совершённой над ними пластической операции. Я изумилась:

— Пластическая операция на пальцах?! Зачем?

Моя собеседница в свою очередь удивилась наивности вопроса:

— Как зачем?! Чтобы скрыть совершённые вами преступления.

— Но я не совершала преступлений! У вас же есть бумага из полиции (по-английски clearance), подтверждающая мою чистоту!

— Верно, но эта бумага охватывает только время вашего пребывания в Америке. Нас интересует, не замешаны ли вы в преступлениях, совершённых в стране исхода.

У-упс! — как выражаются мои новые соотечественники. Я живо вспомнила Викину эпопею с ОВИРОм. Любопытно, с каким российским ведомством имеет дело серьёзная американская организация, в которую я обратилась. Если с тем, о котором я думаю, дела мои плохи. Там я сильно наследила. Я представила себе пухлую папку со своей фамилией на обложке и надписью «хранить вечно»... Ждать, пока эти два ведомства между собой разберутся?!

Я написала письмо ютскому сенатору с просьбой о помощи. Университет написал письмо поддержки, и вскоре в Юту со специальной миссией прилетел высокий профессионал по снятию отпечатков пальцев у таких, как я, закоренелых преступников. Это был мрачноватый и неразговорчивый человек с металлическим обручем вокруг головы, к которому, как третий глаз, была прикреплена огромная лупа. Он был похож на часовщика или ювелира, а когда работал — на циклопа. Он долго возился с моими пальцами, пристально разглядывая каждый отпечаток в свою невероятную лупу — браковал, уничтожал, повторял операцию, — и часа через два перед ним лежали десять великолепных отпечатков пальцев и два — ладоней. Тут он впервые поднял на меня глаза: «Я думаю, теперь у вас будет всё в порядке. Отпечатки качественные». И не ошибся: через две недели мне прислали сообщение, что мои документы одобрены, и вызвали для сдачи экзамена на гражданство.

Экзамен на гражданство я, сама того не ведая, сдавала начальнику нашего местного иммиграционного агента INS (АйЭнЭс) — так назывался тогда американский аналог ОВИРа. В INS работали в основном «латинос» (мексиканцы), но начальник был caucasian («кокэжиан»), то есть белый. Он должен был задать мне определённое количество стандартных вопросов и выслушать столько же стандартных ответов. Видно было, что у него скулы сводит от скуки, и я решила его немного развлечь, заодно блеснув эрудицией.

Всем претендующим на американское гражданство экзаменаторы задают стандартный вопрос: «Можете ли вы стать американским президентом?». И все дают стандартный ответ: «Нет, не могу, потому что не родился/родилась в этой стране». На самом деле быть рождённым в Америке — только одно из трёх необходимых условий; чтобы претендовать на должность президента, надо быть старше тридцати пяти лет и прожить в Америке в общей сложности не меньше четырнадцати лет. Поэтому на вопрос, могу ли я стать американским президентом, я ответила: «Нет, не могу, мне нет тридцати пяти!» Экзаменатор восторженно зааулыбался. Спросил меня, не соглашусь ли я выступить на церемонии вручения сертификатов о гражданстве. Я согласилась и рассказала истинную историю более чем полувековой давности. Меня тогда вместе с моим первым классом привели в театр. Это был спектакль о чудовищной жизни детей в американских приютах — их недокармливали, одевали в лохмотья, били в школе линейкой по рукам и отравляли их души чудовищной ложью о Советском Союзе. Я прорыдала все три действия от сочувствия к героям пьесы и, вернувшись домой, буквально на коленях умоляла родителей усыновить хоть одного американского ребёнка, чтобы спасти от показанной в театре страшной участи. Родители почему-то остались глухи к моим мольбам, что было им совершенно не свойственно и меня неприятно поразило: до сих пор я знала их как людей чрезвычайно добрых и отзывчивых, всегда с готовностью откликнувшихся на мои просьбы. Но вот ведь как повернулось колесо Фортуны: не я усыновила американского ребёнка, а Америка сегодня «усыновила» меня.

Я окончила свой рассказ, народ аплодировал, и начальник INS меня запомнил. Это сыграло спасительную роль в страшной катастрофе, которая произошла через год и всем нам стоила немалых лет жизни.

КАТАСТРОФА

*Может, были с судьбой нелады
И со случаем плохи дела.
А тугая струна на лады
С незаметным изъёмом легла.*

Владимир Высоцкий

Став американцем, Вайсберг немедленно подал документы на воссоединение семьи — иными словами, на узаконивание через гринкарту Викиного постоянного пребывания на американской земле. Вайсберговский запрос получил какой-то многотысячный номер, который постепенно, с годами, полз вверх. Лет через пять он выплыл на поверхность, и прошение было удовлетворено. Теперь наступила пора Вике идти в INS, чтобы заполнить необходимые документы, после чего начинался новый отсчёт времени, и Викин статус менялся на более льготный. Но вместо ожидаемой бумаги, подтверждающей новый статус, Вика вернулась с огромным красным штампом в паспорте: «НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ИММИГРАНТ». Под ним более мелкими буквами было разъяснено, что если в течение семи дней она не покинет эту страну добровольно, то на восьмой день будет выдворена из страны в наручниках, с волчьим билетом, навсегда запрещающим обратный въезд.

Это было, как удар ледорубом по голове! Череп раскололся, мозги начали вытекать, мы не могли понять — что произошло?! За что?! Вика была полноценной (full time) студенткой, работала в театре, получала целый год зарплату через университет — при нелегальном статусе это было бы совершенно невозможно.

Ларчик открылся ужасающе просто: оказалось, что по глупому недоразумению университет не продлил Викиной студенческой визы. Каждый год летом Вика должна была подавать в иностранный отдел Университета новый пакет документов на продление визы; Университет сам отправлял их в INS. Всю эту процедуру Вика проделала, как всегда, но из-за сходства фамилий часть её документов по ошибке попала в Мишину папку и навсегда ушла в Университетский архив, потому что Вика с Мишей к этому времени расстались, и Миша покинул Юту. Викин пакет документов в результате оказался неполным и не был отправлен в INS, о чём ни Вику, ни её факультет не озаботились известить. Её студенческая виза была аннулирована, и по

кампусу целый год разгуливал нелегальный иммигрант, полным ходом учился, да ещё и деньги из государственного фонда незаконно получал за работу в театре... Это была чудовищная катастрофа для нас, но одновременно и большая неприятность для университета. Университет начал заметать следы, и, несмотря на мои слёзные просьбы, разъясняющего письма в INS нам не дал. Нас направили к чиновнику, который ведал в Юте визами иностранных студентов.

*Но Бога не увижу — сатану
Среди кривляющихся ратей.*

Давид Самойлов

Это был хромой рыжий бес невысокого роста, тупой и злобный хам. Он был настолько гнусен, что я невольно искала глазами маленькие рожки в его редющей рыжей шевелюре и копыта в открытых сандалиях. Слушать нас он не захотел — просто не дал рта открыть, а сразу заорал: «Нелегальная иммигрантка — вон из Америки!». Прямо при нас он отправил факс в специальную полицию, которая в день, означенный у Вики в паспорте, должна была явиться к нам в дом, арестовать Вику и выдворить её из страны в наручниках в случае, если она к этому моменту ещё не покинула державу. Если же известно, что она державу не покинула, но её не застали дома —объявят её в розыск как преступницу, а когда поймают, сначала посадят в тюрьму, потом выдворят из страны с волчьим билетом... И плевать им, что за все годы учёбы в университете она не получила ни одной четвёрки, была гордостью факультета, имела выставки и награды. И плевать, что в то же самое время по стране, торгуя наркотиками и постреливая из нелегального оружия, разъезжает на ворованных автомобилях десять миллионов нелегальных иммигрантов... С этими связываться опасно, а Вика — лакомый кусочек: сама преподнесла себя на золотом блюдечке...

Мы судорожно искали выход. Надо было срочно найти хорошего иммиграционного адвоката, но такого под рукой не было, а счёт шёл на часы. Ехать Вике было некуда: в Израиле у неё ничего и никого не осталось, прежние друзья разлетелись по другим странам и континентам. Ехать в Россию? Там у неё не только ничего не было — не было даже гражданства, которого её лишили. И самое страшное — Вика была уже занесена в американский компьютер как нелегальный иммигрант; выедет из

страны — и её уже никогда сюда не впустят за нарушение визового режима. В одночасье рухнули и раскололись на мелкие осколки все надежды, все планы, вся жизнь... А всего-то дел: какой-то дурак-студент ткнул несколько бумажек не в ту папку! Вот от какой дикой мелочи зависит порой человеческая судьба.

*Хлопочет дочь приёмная
У мачехи в дому.
Приёмная — бездомная,
Нужна ль она кому?*

Давид Самойлов

Мы метались, как мухи в стакане, и в конце концов в полном отчаянии поехали опять в местный INS. В нашем распоряжении оставалось два дня. Мексиканцы, работавшие в INS, без всякого стеснения протаскивали своих — возились с каждым минут по сорок, заполняли им документы, давали полезные советы. На нас, «белых», смотрели с отвращением и посылали подальше. Отстояв, как всегда, многочасовую очередь — а часы наши тикали, тикали, тикали — мы попали опять к жуткой сволочи — именно он шлёпнул Вике в паспорт тот красный штамп. Я имела с ним дело и раньше по своим проблемам — это был гад каких мало. Я подозревала, что у своих мексиканцев он втихаря берёт взятки — вряд ли иначе он стал бы часами с ними возиться. А нас он с места в карьер послал так далеко, как только мог себе позволить, будучи государственным служащим. Пригрозил суровыми карами в случае, если через два дня Вика всё ещё будет топтать американскую землю своими нелегальными пятками.

Это был конец. Я безутешно рыдала и умоляла вызвать к нам в зал какого-нибудь начальника. Чрево INS было отделено от народа надёжными стенами и тщательно охранялось. Но нас ещё раз спас Случай. Дверь в стене вдруг открылась, и оттуда вышел мой экзаменатор. Увидев меня всю в слезах, подошёл спросить, в чём дело. Я попыталась, рыдая, объяснить ему, что дочь мою ни с того, ни с сего депортируют, а виноват университет, который проморгал с продлением её студенческой визы. А у неё за три года ни одной четвёрки, одни только выставки и награды! И ей подошла, наконец, очередь подавать на гринкарту, но вместо гринкарты вон тот сэр поставил ей в паспорт вот этот штамп, и теперь её депортируют. И мне позарез нужно поговорить с главным начальником, которому можно всё объяснить,

потому что здесь меня никто слушать не хочет. А время утекает, и осталось всего полтора дня.

Пока я, рыдая, всё это ему излагала, он меня узнал. «Вы же американская гражданка», — сказал он. «Да, да, конечно, и муж мой тоже. Мы оба граждане». — «Дайте-ка мне её паспорт». Он взял Викин паспорт, вытащил авторучку, жирно перечеркнул красный штамп и расписался. Потому что он как раз и оказался тем самым главным начальником!!! «Поезжайте немедленно к рыжему бесу (он, конечно, назвал его иначе), покажите ему этот документ, и пусть он срочно отправит в полицию факс с отменой насильственной депортации».

Ещё не веря своему счастью, мы помчались к рыжему бесу. Его всего перекосило от нашей новости. Я не ушла, пока он не послал в полицию факс с отменой. Вот какая была у нас история, и в каком бы возрасте я ни покинула эту землю, можете не сомневаться, что я прожила бы лет на десять дольше, не случись в Викином паспорте этот красный штамп. Вика тоже потом долго болела, с осложнениями, которые остались на всю жизнь... Меня до сих пор бросает в дрожь при мысли, что было бы с нами, не выйди начальник к народу из своего кабинета в самый нужный, самый критический момент. Он ведь мог оказаться в командировке, или больным, или просто заснул бы в кабинете над бумагами... Но он вышел!!! Спасибо тебе, Ангел-Хранитель!

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Минули ужасы, бури и катаклизмы пути в американцы, и мы опять зажили нормальной жизнью с её радостями и горестями. К Вайсбергу вернулось до времени глубоко погребённое чувство юмора. К моему шестидесятилетию они с Викой сочинили и оформили роскошную грамоту. В это время как раз вышла в свет моя первая мемуарная книжка — событие в нашей жизни незаурядное. Плюс к этому я получила от Национального института рака свой первый миллионный грант на исследования, что тоже случается не каждый день. Заслуги мои были должным образом отмечены, с соответствующим конкретной географической точке лёгким акцентом:

Грамота о Назначении

Отмечая Знаменательное Событие в Жизни Наталья Яков Рапопорт и признавая её выдающиеся заслуги в различных областях и государствах, Русско-думающая Дума города Солёноозёрска (Штат Юта, Соединённые Штаты Америки) надумала назначить упомянутую выше НАТАЛЬЮ:

- 1. Почётным народным писателем, без сохранения содержания;*
- 2. Понечётным — Заслуженным Народным Учёным Академиком с сохранением содержания;*
- 3. По остальным — Почётной Заслуженной Матерью-Героиней с возложением обязанностей;*
- 4. По прочим — Почётной Заслуженной Женой-Героиней, без возложения.*

*К выполнению приступить немедленно
Salt Lake City, Utah, USA
26 августа 1998 года*

Грамоту подписали:

*Член
Член-корреспондент
Народные представители*

*В.А. Вайсберг
В. Г. Рапопорт
друзья — 11 подписей*

Теперь самое время рассказать, на какие исследования я получила свои гранты от Национального института рака.

Оглядываясь назад, я вижу цепочку счастливых случайностей и находок, словно меня вела по профессиональной жизни чья-то сильная и доброжелательная рука.

Предупреждение: если у вас сводит скулы от химии, физики и биологии, эту часть моего рассказа следует пропустить.

Началось всё так.

На заре моей американской жизни, работая на проекте Кэрин Колдуэлл, я измеряла зависимость скорости движения молекул, сидящих на твёрдой поверхности импланта, от длины их движущегося хвоста. Моделью служило семейство молекул, используемых для защиты имплантов от адсорбции белка, ведущей к их отторжению. Как и предполагалось, скорость движения молекул оказалась важным фактором в предотвращении адсорбции белков, и красивые математические формулы описали эту зависимость. Но один член большой полимерной семьи выпадал из общего правила. Я повторяла измерения снова и снова — ошибки не было, этот член семьи не подчинялся общей зависимости. Сейчас я поздравляю себя с тем, что не выбросила эту аномалию из головы, а попыталась разобраться, в чём дело, и довольно быстро догадалась, что эти молекулы не садятся на предложенную им поверхность, а вступают в «групповой секс»: предпочитают соединяться друг с другом, образуя крохотные сферические частички, называемые мицеллами. Потом оказалось, что это явление было уже известно из экспериментов другого рода, но, по вопиющему невежеству в новой для меня области, я этого не знала и дошла своим умом. От первой счастливой догадки было два шага до следующей, по дороге к которой я изобрела ещё пару велосипедов. Однако одна идея оказалась совсем новой и плодотворной. Я сообразила, что противораковые лекарства можно доставлять в опухоли, упаковав их в мицеллы или микроскопические капельки и выбивая потом из этих носителей прямо в опухолевые клетки направленным на опухоль ультразвуком. При такой методике здоровые клетки защищены от действия токсичного лекарства, что позволяет доставлять в опухоль лекарство в нужной дозе, не опасаясь побочных эффектов. На мышцах этот подход показал себя весьма перспективным. Эта идея принесла мне впоследствии несколько крупных грантов от Национального института рака, но до этих грантов ещё надо было дожить.

Трудилась я в самом буквальном смысле день и ночь и через эти нечеловеческие усилия приобрела опыт, благодаря которому спустя пять лет после переезда — пять самых трудных лет моей жизни — получила свой первый персональный грант. Он был умеренного размера и всего на один год, но оказался очень престижным — таких грантов было двадцать на всю Америку.

В связи с этим мой Университет получил поздравление от директора Национального фонда науки, а я получила первую нормальную зарплату, на которую уже можно было жить. После этого первого гранта всё покатило по более или менее накатанным американским рельсам, с постоянной охотой за грантами и систематической работой на полный износ.

В Америке успех измеряется в единственном эквиваленте — долларах, и скромность не в почёте. Поэтому сообщу, что мои разработки принесли Университету за последнее десятилетие почти три с половиной миллиона долларов. К сожалению, до выхода на пенсию мне так и не удалось начать испытания моей технологии на людях — надеюсь, это доведут до успешного завершения мои ученики и коллеги.

Года, как чемоданы, оставим на вокзале

*С годами мудрость приходит, и вот
На жизнь по-новому открылись глаза:
Наш лозунг прежний «Время, вперёд!»
Мы заменяем на «Время, назад!»*

Александр Блюменфельд

Не успели отзвучать гитары и фанфары моего шестидесятилетия, как Вайсбергу исполнилось семьдесят — казалось, это было только вчера, но сегодня ему уже восемьдесят... Года помчались вскачь, как табун диких лошадей, пронёсшийся однажды мимо нас в дикой прерии на юге Юты, чудом нас не растоптавши.

Что было в промежутке между моими шестьюдесятью и вайсберговскими восьмьюдесятью? У меня — работа и связанные с ней замечательные поездки. У Вики — работа и выставки. У Вайсберга, как всегда — сплошные заботы. Были, конечно, и общие радости: Вика получила постоянную профессорскую позицию на факультете искусств в Университете штата Небраска. Среди её бесчисленных выставок были две, особенно мне памятные — большая персональная выставка в Центре гравюры в Вашингтоне и персональная выставка в музее МОНА. Вика на свои вернисажи летать отказывается — говорит, ей тяжело быть в центре внимания. А мне ничего, и я иногда на них летаю, чтобы получить там весь заряд предназначенных автору восторженных откликов.

...Ярких поездок было немало — остров Пасхи, Галапагосские острова, Каппадокия в Турции, Аляска. Об одной из них хочу рассказать особо, ибо то, что мы там увидели, осталось для меня волшебным видением на всю жизнь. У меня была конференция в Мельбурне. На обратном пути из Австралии мы сделали остановку в Новой Зеландии, взяли напрокат машину и целую неделю ездили по Южному острову. В первый день было очень страшно: в Новой Зеландии, как в Англии или Японии, левостороннее движение, и сначала кажется, что все машины едут нам в лоб; левый поворот прост, как наш правый, а после каждого правого поворота Вайсбергу приходилось вытирать с моего лба холодный пот ужаса. Но уже на второй день я привыкла, благо на острове в те годы было больше баранов и опоссумов, чем жителей и туристов, и движение было шадящим. Через пару дней мы достигли пещеры, о которой я читала в путеводителе. Здесь и начинается мой рассказ.

Мы с Вайсбергом влились в небольшую группу ведомых гидом туристов. Гид выдал нам фонарики, и мы двинулись вниз по узкому, скользкому, извилистому проходу. Шли долго, и наконец вышли к подземной реке, протекавшей на огромной глубине по выдолбленному в камне ущелью. Здесь нас ждала лодка-плоскодонка. Когда закончилась погрузка, гид приказал всем погасить фонарики и повёл лодку, как гондольер. Плыть в кромешной тьме по подземной реке было очень странно, и я подумала, что гид похож на Харона. Не помню, сколько мы так плыли — может, минут десять или пятнадцать, и в какой-то момент раздался дружный вздох восторга: мы неожиданно вплыли в ярко освещённый зал. Это светились и сверкали мириады светлячков, свисавших со стен и потолка пещеры на почти невидимых нитях. Здесь гид остановил лодку и рассказал нам такую историю.

Светлячки живут в этой пещере много миллионов лет в полной гармонии с окружающей средой. В день «икс» мать выпускает тонкую липкую ниточку, прикрепляет её к стене или потолку, вешает на неё личинку и умирает. Личинки растут, питаются друг другом. Силась дотянуться друг до друга, они раскачиваются на своих ниточках, и кто кого первый достал, тот того и съел. Так они проводят девять месяцев. В полном соответствии с Дарвиным, выживает сильнейший и наиболее ловкий. А накануне дня «икс» происходит вот что: червячки превращаются бабочек. Бабочки эти живут только одни сутки. Эти сутки они проводят так: совокупаются, совокупаются, совокупаются... Бог не дал им рта, чтобы не отвлекались на другие плотские соблазны. И они

совокупаются, сокупаются, сокупаются... К концу суток мать производит на свет и прикрепляет к стенам личинки, после чего измождённые родители умирают. И начинается новый цикл: личинки пожирают друг друга, растут, превращаются в бабочек, лишённых рта, сокупаются, сокупаются, сокупаются, производят потомство... умирают. Сотни миллионов лет повторяется эта яростная девятимесячная схватка ради одного, яркого, последнего, предсмертного дня — дня любви.

Не из этой ли пещеры вышла вся мировая литература, драматургия и музыка?!

...На вайсберговское восьмидесятилетие друзья прислали или привезли массу подарков и стихов. Самый замечательный подарок — *часы, которые идут в обратную сторону* — Вайсбергу преподнесли наши друзья Блюмы. Сашу и Нину Блюменфельдов мы получили в наследство от моего друга Льва Александровича Блюменфельда, блестящего учёного, поэта и писателя. Гены не водица, и Сашины стихи доставляют его друзьям массу радости. К необычным часам был приложен текст, вынесенный в эпиграф к этой главе. Заслуги Вайсберга по стойкому отрицанию высоких технологий тоже были Блюмом должным образом отмечены:

А новый век клокочет и дразнит непонятным,
SmartPhone, IPod, компьютер — ты этим не запятнан.
С них радости на рубль, а счастья — на грош,
Чего не потеряешь — того, брат, не найдёшь.

Пока ещё мы живы, покуда годы катят,
Пока ещё в бутылке на нас обоих хватит,
Фортуны — негодяйку мы снова обдурим,
Давай, брат, наливай-ка, давай, брат, воспарим!

Воспарили мы славно. Это разглядела через океан Нателла Болтянская, пропевшая нам через Скайп, среди прочего, следующее:

Товарищ Вайсберг, вправду, Ваша дата
Нас наполняет ныне коньяком,
Да Вы и сами, видимо, поддаты,
И в телефон застать Вас нелегко.

Товарищ Вайсберг, будьте нам здоровы.
Поскольку Вы мормонский наш герой —
И сотня жен отнюдь не так херово,
Как единичный рыжий геморрой...

Зная сохранившуюся у Вайсберга с детских лет страсть к оружию — наследие от пребывания на оккупированной территории — мы с Викой преподнесли ему мемориальный револьвер, точную копию револьвера, принадлежавшего одному из героев американской Гражданской войны. К нему прилагалась почётная грамота «За заслуги перед Отечествами», выгравированная Викой на медной доске. У двуглавого орла одна голова от российского орла, другая — от американского. Мы преподнесли Вайсбергу наш подарок за праздничным столом. Это была ошибка. Он схватил револьвер и забыл обо всём на свете. «Потеряли человека...», — грустно констатировал Блюм.

...У этой повести нет конца, и слава Богу. Разве что такой куплетик, на мотив Булата Окуджавы:

Былое нельзя воротить, ну и ладно, и ну его.
Ненужную память пора нам закрыть на засов.
А всё-таки жаль, что нельзя нам с тобой в Расторгуево
По старой лыжне пробежаться хоть пару часов...

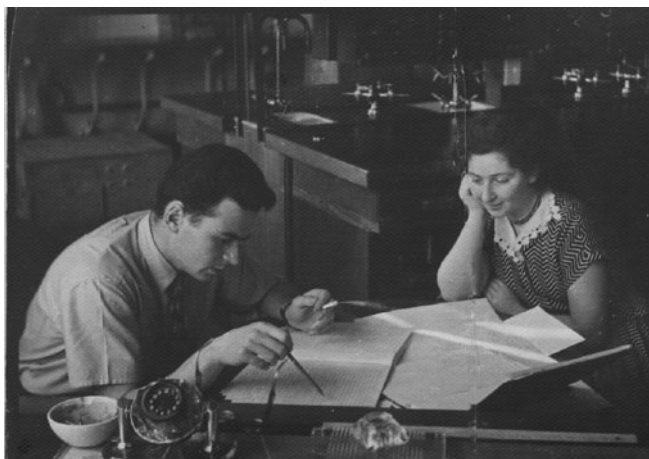

Что, Где, Когда

РАССКАЗЫ, ЭССЕ

ШИРОКО РАСПРОСТИРАЕТ ХИМИЯ РУКИ СВОИ В ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Памяти Вити Кабанова

ОТ АВТОРА

Одного человека спросили: «Что такое счастье?» Он ответил: «Счастье — это когда я с удовольствием иду на работу, а потом с удовольствием возвращаюсь домой». В повести «Личное дело» я попыталась объяснить, почему я с удовольствием возвращаюсь домой. В предлагаемых ниже записках я хочу рассказать вам о человеке, благодаря которому я до сих пор, пенсия-не-пенсия, с удовольствием хожу на работу.

Пролог

К нам в гости приходил высокий красивый мальчик лет четырнадцати-пятнадцати, с мамой Матильдой Яковлевной. Мальчика звали Витя Кабанов. Его мама работала с моим папой в одной больнице, они дружили. Мне было тогда лет одиннадцать. Я была рыжая, веснушчатая и смешная. Мальчик весело мне подмигивал, при случае щёлкал по носу и забывал о моём существовании. Он приходил в гости к моему папе, которого уважал и любил. Папе Матильдин сын тоже очень нравился. Папа говорил, что он красивый и смыслённый, и с удовольствием с ним беседовал. Матильду волновало, что на красивого мальчика обращают внимание женщины много его старше, и папа, справедливо слывший большим знатоком по этой части, деликатно передавал Вите свой опыт. В их беседах я полностью выносилась за скобки, меня не замечали, и вряд ли кто-нибудь мог тогда предвидеть, что этот красивый мальчик сыграет в моей жизни одну из центральных ролей.

Взрыв

Витя блестяще окончил школу и поступил на первый курс Химфака МГУ, а у меня в школе в седьмом классе как раз началась химия. И тут разыгрались события, благодаря которым я впервые по-настоящему попала в поле Витино зрение. Дело в том, что я взорвала школу. То есть не всю школу, а только химический кабинет, и даже не весь кабинет, а в основном соседнюю с ним препараторскую; в самом химическом кабинете только одно окно и выбило. Случилось это так. На первом уроке химии учительница Мария Моисеевна слила два бесцветных раствора, и получился красный. Как сказали бы сегодняшним языком, у меня «крыша поехала». Я была сражена. Передо мной открылся таинственный и прекрасный мир, полный замечательных загадок. Слить два бесцветных раствора и получить красный! А синий не хотите? А зелёный? Я напросилась в помощницы к Марии Моисеевне — помогала готовить демонстрации опытов. Соорудила в пробирках пятнадцать миниатюрных аппаратиков Киппа, по одному на каждый стол химического кабинета, и когда выделявшийся водород загорался от поднесённой спички с характерным звуком «п-па», сердце моё переполнялось гордостью за науку,

которой я уже решила посвятить свою жизнь. Трудилась я вдохновенно, и Мария Моисеевна не могла нарадоваться. Наивная и доверчивая, она стала оставлять меня одну в препараторской для подготовки классных демонстраций. Совершенно не помню, как попала в мои руки книжка «Занимательные химические опыты и фокусы». То ли дал кто-то безответственный, то ли сама откопала в библиотеке. Я выучила книжку почти наизусть и провела инвентаризацию в препараторской. Там в подвесных шкафчиках содержались несметные богатства химических реактивов. Среди них обнаружилось много полезного для будущих «занимательных химических опытов и фокусов», и я приступила к делу. Начала с невинного «вулканчика», благо необходимый для него бихромат аммония был в наличии и не в дефиците и исправно извергался, когда я его поджигала, вроде бенгальских огней. Я несколько раз демонстрировала вулканчик у нас во дворе, к неизменному восторгу многочисленных зрителей. Дом наш был кооперативный, жила в нём медицинская профессура, и все мы — школьники, дворовое братство — знали друг друга и дружили независимо от возраста и пола. Восхищение аудитории было мне приятно. Окрылённая успехом, я двинулась к новым свершениям. Вторым на этом пути был йодистый азот. Книжка утверждала, что йодистый азот очень неустойчив и в сухом виде легко и безопасно «взрывается» даже от лёгкого движения воздуха. В отличие от «вулканчика» йодистый азот не лежал на полке, его надо было синтезировать. Нехитрый этот синтез — первый в моей жизни — я успешно осуществила, и подсохший йодистый азот восхитительно детонировал под ногами у приятелей, куда я его незаметно подбрасывала. К сожалению, этот вариант «опытов и фокусов» большого успеха у зрителей не имел. Некоторые пугались, когда что-то трещало у них под ногами, другие на меня обиделись. Надо было как-то реабилитироваться, и тут внимание моё привлёк порох, который умел гореть под водой. Сера, уголь, селитра — всё было в наличии, надо было только смешать и растереть ингредиенты в нужных пропорциях. Я, как положено, смешала и растёрла. Книжка не обманула: приготовленный мною порох прекрасно горел под водой.

Это было зрелище, которое не стыдно было показать широкой аудитории. Я приступила к изготовлению пороха в «полупромышленном масштабе». Он взорвался. Но как! В препараторской выбило окна, слетели со стены шкафчики, побились банки с реактивами, вытекли кислоты, всё плавало в безобразном месиве.

На взрыв прибежали учителя и школьники второй смены. Меня нашли свернувшейся под кафедрой в химическом кабинете, на мне дотлевала новенькая школьная форма. Я была вся в стёклах, но судьба пощадила глаза. В больнице, куда меня отвезли — наверное, Склифосовского — стёкла вытащили, ожоги смазали, и всё обошлось для меня вполне благополучно. К сожалению, нельзя сказать того же о несчастной Марии Моисеевне. Её уволили — как я подозреваю, с волчьим билетом. Только годы спустя я поняла, что тогда натворила и чем могло всё это обернуться и для Марии Моисеевны, и для нашей семьи, не будь директором нашей школы замечательная Вера Лукинична Кириленко. Шла осень-зима пятьдесят второго года, уже арестовали Виноградова и Вовси, вовсю готовилось «дело врачей», и ничего не стоило объявить взрыв в химическом кабинете сознательным террористическим актом со стороны педагога Марии Моисеевны (фамилии не помню, но не сомневайтесь) и ученицы Наталии Рапопорт, имеющим целью порчу государственного имущества и срыв учебного процесса. Этого не произошло. Просто какое-то время у нас не было уроков химии — ремонтировали пострадавший кабинет (мой папа, в то время ещё не арестованный, что-то там оплачивал) и искали нового педагога. Нам сказочно повезло с новым химиком. Борис Николаевич Михайлов, учитель Божьей милостью, стал моим классным руководителем. Он не держал на меня зла за происшедшее, но бдительно за мной следил и на пушечный выстрел не подпускал к препараторской; при этом выделял среди других, требовательно пестовал и растил из меня химика.

Родители мои, естественно, были очень обеспокоены взрывом, который вполне мог иметь самые трагические последствия. Меня только чудом не изуродовало, не ослепило, не покалечило. Мама мечтала, чтобы моё увлечение химией прошло как можно скорее. Папа относился к этому иначе: он был доволен, что я так страстно увлеклась наукой, далёкой в те годы от медицины. Папа больше всего боялся, как бы я не надумала стать врачом по семейной традиции. «Дело врачей» тогда разворачивалось полным ходом, папа видел, что творится в медицинском мире, и ждал ареста.

Родители сошлись на том, что надо срочно вправить мне мозги относительно «занимательных химических опытов и фокусов». Посудите сами: кто бы мог быть для меня большим авторитетом, чем студент химического факультета Московского университета, Витя Кабанов?! К нему родители и обратились за

помощью. Как я понимаю, в Витину задачу входило прочитать мне нотацию о том, что химия — серьёзная наука, и заниматься ею следует профессионально и с умом. Но Витя, распросив меня о взрыве, нотации читать мне не стал, а просто взял за руку и отвёл в химический кружок для школьников при Московском университете.

Химфак был в те годы во дворе на Моховой, по прямой на метро от Сокола, и я стала регулярно там бывать. Кажется, я была в кружке самой младшей. Остальные ребята были старше и сильнее меня — девятиклассники, десятиклассники. Мне ничего серьёзного не поручали. Я наблюдала с интересом, что делают другие, и понемногу мотала на ус. Иногда, пронсясь мимо, Витя заглядывал к нам, говорил мне пару ободряющих слов и убежал. Он был страшно занят.

Потом химфак перевели на Ленинские горы, ездить стало далеко и неудобно, и я практически перестала там бывать. Но даже при том, что я и не блистала ни в кружке, ни на химических олимпиадах, кружок всё-таки сыграл решающую роль при моём поступлении на химфак.

Я окончила школу с золотой медалью и не должна была сдавать экзамены, а только пройти собеседование. Вместе с остальными абитуриентами я ждала вызова на собеседование в коридоре. Ребята обычно высказывали весёлые и довольные минут через пять-десять. Со мной было иначе. Меня экзаменовали всерьёз, и длилось это минут сорок пять. На химфаке на курс из трёхсот человек каждый год принимали пять-десять «евреев по анкете» и тщательно отбирали самых-самых. Мне на собеседовании задавали вопросы, на которые заведомо не мог ответить школьник, не получивший специальной глубокой химической подготовки. А я отвечала — к удивлению и, видимо, неудовольствию экзаменаторов. В списках принятых меня всё-таки не оказалось. Спасибо, умные люди научили моих родителей, что на собеседовании я должна записывать все заданные мне вопросы и свои ответы. Это меня спасло. Папа пошёл со мной в приёмную комиссию университета и попросил провести экспертизу моих вопросов-ответов. Ему пошли навстречу — видимо, было такое правило. Какие-то независимые профессора проверили и одобрили мои записи, и моя фамилия появилась в списках.

Так, с лёгкой руки Вити Кабанова, я поступила на химический факультет Московского университета. В конечном итоге, взрыв в химическом кабинете стоил свеч, хотя обобщать этот опыт, пожалуй, не следует.

НА ХИМФАКЕ

Когда я поступила на химфак, Витя Кабанов перешёл на пятый курс. Вскоре после начала занятий он встретил меня в коридоре около Большой химической аудитории.

— Послушай, организуется новая кафедра. Очень перспективное дело: высокомолекулярные соединения. Да не важно, что не понимаешь — потом поймёшь. Совсем новое дело — в стране нет ни науки такой, ни промышленности, всё с нуля, очень интересно. Заведует кафедрой академик Каргин. Я записался на эту кафедру делать диплом, и могу взять тебя — будешь моей студенткой. Идём, я тебя познакомлю.

Так, не успев опомниться, и опять с Витиной лёгкой руки, я вошла в историю как первая студентка новорожденной кафедры высокомолекулярных соединений. Мне невероятно повезло быть Витиной студенткой. Он был замечательным педагогом. Он очень ясно мыслил, а потому умел просто и доходчиво объяснять самые сложные вещи. К нам, студентам, имел массу терпения. В лаборатории он был настоящий чародей. Сам собирал сложнейшие приборы и паял стекло, как профессиональный стеклодув. Со мной в этом направлении долго и безуспешно бился, но у меня из-под горелки вылезали такие нелепые и причудливые уроды, что в конце концов Витя сдался и до конца моей кафедральной жизни все вакуумные установки паял мне сам. Он работал легко, радостно и артистично. Казалось, для него не было экспериментальных барьеров.

Мы пропадали на кафедре до поздней ночи, и Витин тёплый юмор скрашивал наши ночные бдения. Взять, к примеру, историю с вискозиметром Уббелоде, хрупким изобретением немецкого химика. Это было хитросплетение стеклянных трубок и капилляров; мы его постоянно ломали, а Витя чинил. В конце концов ему это надоело и он припаял к вискозиметру стеклянную палочку, чтобы легче было устанавливать и вытаскивать его из термостата. Ломать вискозиметр стали реже. Вискозиметр с палочкой мы мгновенно окрестили вискозиметром Уббелоде-Кабанова. Витя услышал, обернулся и спросил недовольно: «При чём здесь Уббелоде?!».

Недавно я впервые осознала, что у меня не было нормальной студенческой жизни, с её походами, кострами, песнями и капустниками. С первого курса я пропадала на кафедре с утра до ночи. Другие так живут только в год диплома. Да ведь никто не неволил. Просто не было ничего интереснее и увлекательнее,

чем эти первые шаги в науку, куда Витя вёл меня аккуратно и бережно, как ребёнка на ходунках.

У него была редкая и драгоценная черта: в самом завалившем и провальном нашем эксперименте он отыскивал рациональное зерно, положительный урок, и находил для нас нужные, ободряющие слова. Этот подход он позже перенёс на рецензирование статей, в великом множестве к нему поступавших. В любой работе он прежде всего искал, что в ней хорошего и полезного. Позже я столкнулась с диаметрально противоположным подходом. Один мой завлаб, талантливый человек с трагической судьбой, прошедший через детский дом для детей врагов народа и лагерь, в каждой поступавшей к нему на рецензию работе прежде всего упоённо искал ошибку и был счастлив, если ему казалось, что нашёл.

В отличие от него Витя был очень доброжелательный человек. Доброжелательный, но не добренький. На кафедре выше всего стояла Научная Правда. За неё бились, ломая копья, теряя шпаги, а иногда и друзей. Для меня эта ситуация была привычной и естественной: такая же атмосфера была у меня дома. Моя бедная мама бывала меж двух огней, когда папа не соглашался с какими-нибудь концепциями Лины Штерн, в лаборатории которой мама работала. Пока папа и Лина выясняли, чья точка зрения справедлива, мама жила, как на вулкане. Я среди этого выросла и считала такое отношение к делу в порядке вещей. Поэтому так поразила, когда столкнулась с кардинально иным подходом, о чём немного ниже.

...Витя защитил диплом и стал научным сотрудником кафедры. Я перешла на второй курс и была ещё совсем зелёная. Своей темы у меня пока не было, Витя держал меня на подхвате, я делала то одно, то другое. Это было очень полезно — расширило горизонты. Работали мы, как прежде, до поздней ночи: началась эпоха кандидатских диссертаций наших шефов.

Вдруг, вырвав из этой рабочей вакханалии, Витю послали в Америку. В Америку! Это была сенсация! Шёл пятьдесят седьмой год, никто ещё никуда не ездил. Витя уехал в Америку надолго: на месяц или два, мне показалось — на целую вечность. Без него на кафедре как-то всё померкло, и не только для меня. Исчез стержень, на который мы, Витины студенты, были нанизаны. Мы, конечно, продолжали делать своё дело, но не было прежнего куража. Я откровенно тосковала. Витин друг Платэ надо мной посмеивался — считаете дни? Да не одна я — мы все считали дни. Витя вернулся, полный впечатлений и замечатель-

ных рассказов. Мне казалось, что он за эту поездку сильно изменился: повзрослел не на месяцы — на годы. Наверное, так оно и было. Впрочем, вскоре всё вошло в привычную колею, и жизнь снова заиграла всеми своими красками.

За годы моей работы на кафедре Витя дважды спас мне жизнь, успешно сыграв роль ангела-хранителя. Первый случай запомнился многим, потому что произошёл во время визита на кафедру великих американских учёных-полимерщиков — это было большое событие. Каргин, Витя и остальная верхушка кафедры беседовали с американцами в кабинете Каргина, а я в лаборатории что-то полимеризовала в запаянной толстостенной ампуле. Реакция неожиданно разогналась сильно пуще положенного, и я стояла в растерянности с ампулой в руках, не зная, что предпринять. У Вити было шестое чувство. Он покинул американцев и заглянул в лабораторию за несколько секунд до взрыва. Осторожно подошёл ко мне сзади и со словами «Глазёнки-то жалко» нацепил на меня защитные очки (мы, студенты, по дураости и дикости часто пренебрегали правилами безопасности). Потом Витя сам надел маску и хотел забрать у меня из рук ампулу, но тут она рванула во всём блеске. Каргин и американцы примчались на взрыв. Картину они застали впечатляющую. Одним осколком стекла мне порезало лоб (представляете, если б не было очков?!), другим — руку. На лбу сосуды проходят очень близко к поверхности, и кровячки было немеряно. Вызвали «скорую», и когда врач остановил кровь и смыл кровяные потоки, на лбу обнаружилась небольшая невыразительная царапина; на руке тоже не было ничего катастрофического, так что, к общему облегчению, всё обошлось.

Второй случай тоже вполне мог стоить мне жизни. Наша лабораторная паяльная горелка стояла на столе у стены. Чуть выше уровня головы в стене была небольшая ниша, в ней помещался сушильный шкаф. Как потом выяснилось, мой сокурсник Плюсин сунул в него для разогрева ампулу с какой-то небезобидной реакционной смесью. Я паяла на горелке очередного стеклянного уroda, когда плюсинская ампула рванула, шкаф вылетел из гнезда и начал валиться мне на голову. В какую-то долю секунды Витя меня сгрёб, вытащил из опасной зоны и спас от неминуемой катастрофы. С тех пор прошло полвека, но это живо в памяти — чуть не написала: «как вчерашний день», но вчерашний день как раз вспоминается сегодня с большим трудом и менее отчётливо, чем события полувекковой давности.

...Думаю, что Витя доверял мне больше, чем другим студентам. Однажды — я была, кажется, на третьем курсе — Витя дождался, пока все разошлись, и сказал мне: «По-моему, я кое-что понял. Кажется, я догадался. Давай с тобой попробуем одну штуку». Мы попробовали. Штука удалась — совершенно потрясающая штука. «А теперь забудь», — сказал Витя, и я послушно забыла. «Штука» эта потом взлетела очень высоко и в прямом, и в переносном смысле.

Тут надо отвлечься и сказать пару слов о личном. Мои родители и Витина мама Матильда Яковлевна продолжали дружить. Они откровенно надеялись, с обеих сторон, что наша с Витей кафедральная близость перерастёт в нечто большее. Хорошо зная Витю, я понимала, насколько бесплодны их надежды. Мы с ним оба посмеивались над родительскими мечтами, я — из девичьей гордости, Витя — с доброй иронией. Но однажды поздно вечером — скорей всего, после какого-то разговора с Матильдой, Витя вдруг заговорил серьёзно. Мы были на кафедре одни. «Наташ, — сказал Витя, — ты мне очень близкий человек. Как сестра. Если б я на тебе женился, это было бы кровесмешение». Потом перешёл на обычную нашу ироническую тональность: «И потом, посмотри на себя: ну какая из тебя жена?! Жена должна мурлыкать в углу дивана и благоухать «Шанелью». А ты будешь с утра до вечера пропадать в лаборатории и благоухать тиоколом. Я знаю твою маму Софию Яковлевну, яблочко от яблони недалеко падает. Или, не приведи господь, станешь, как Лина Штерн. Ну, Лина хоть девственница». У меня, конечно, был контраргумент по поводу торчания в лаборатории с утра до поздней ночи, но я его выдвигать не стала, из той же девичьей гордости. Так точки над «и» были расставлены, и мы никогда больше не возвращались к этой теме.

Кстати, о Витиной концепции «жены, мурлыкающей в углу дивана». Она рассыпалась в прах стремительно, и прямо у меня на глазах. Витиною внимания довольно безуспешно добивались многие девушки и дамы, но он был слишком поглощён делом, чтобы всерьёз уделять внимание этой стороне жизни. Бывали у него, конечно, всякие мимолётные встречи, и я знала его вкус. В шестидесятом году я защитила диплом, вышла замуж, и отправилась в Крым в свадебное путешествие. На платформе перед отходом поезда я увидела... Витю! По-моему, именно в этот момент его знакомили с высокой, яркой красоты молодой женщиной. Знаете, что такое женская интуиция? Я видела их, может, минуты две — мы ехали в разных вагонах, поезд отходил, но

меня как молнией ударило — это ОНА. Так оно и оказалось. Ася отнюдь не мурлыкала в углу дивана, а танцевала в Большом театре характерные танцы и разъезжала по всему свету, но именно она создала Вите дом, о котором он мечтал, и родила ему сына Сашу.

Витя был красивый, обаятельный, талантливый, блестящий. Стремительно росла его научная карьера. Кандидатская диссертация, докторская, член-коррская, действительно членская. Мы, его ученики, радовались, гордились и отмечали эти события весёлыми капустниками.

После окончания университета Каргин взял меня в свою лабораторию в Карповский институт. Витя к Карповскому отношения не имел, и я горевала, что не принимаю больше участия в его работах, увекательных и элегантных... С другой стороны, я счастлива, что на первой в моей жизни опубликованной работе стоят три имени: моё, Витино, и Каргина. Писал её Витя по материалам моего диплома, и это оказалась для меня счастливая путёвка в научную жизнь.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

История с моим распределением была довольно кровавая. Лаборатория Каргина в Карповском институте считалась очень хорошим распределением, вторым после университетской кафедры. У меня был диплом с отличием, и Каргин предложил мне

Карповский. Я была рада и подписала это распределение, но, когда пришла за направлением в деканат химфака, девочка-секретарша сказала, что произошло недоразумение и в моём направлении написан не Карповский институт, а электролизный завод. На завод после университета не распределяли даже едва тянувших троечников, и уж тем более не отличников: университет давал академическое, а не инженерное образование. К тому же, мой выпуск был всего четвёртым выпуском полимерной кафедры, и стране позарез нужны были полимерные кадры. И вдруг — электролизный завод. У меня, как и у секретарши, и зерна сомнения не закралось: конечно, это недоразумение. Но вечером того же дня мне позвонила моя закадычная подружка Женька Лурье, тоже с нашей кафедры и тоже с красным дипломом, и сообщила, что ей перепутали направление — вместо *Института* пластмасс направили на *завод* пластмасс. Мне стало как-то неуютно на душе. Наутро мы с Женькой поехали в Госкомитет по химии менять ошибочные направления на правильные. И там омерзительного вида тётка-секретарша, сияя злорадством, объявила, что, подписав наши распределения, мы попали в распоряжение Госкомитета по химии, и он, Госкомитет, считает, что на данный исторический момент мы больше нужны на заводах; лично я — закрывать грудью амбразуру в электролизной промышленности. Ужаснее и вреднее этого трудно было что-нибудь себе представить. Каргин в это время был где-то за границей. Я позвонила Вите. Он страшно возмутился. Но он тогда только защитил кандидатскую диссертацию и никакой реальной власти не имел. Витя сказал, что нам надо поговорить с начальником отдела молодых специалистов Журавлёвым, а если не поможет — ждать Каргина.

Мы спросили у секретарши, где кабинет Журавлёва. Здесь, — ответила эта ехидна, но Журавлёв — человек крайне занятый, и чтобы к нему попасть, надо приезжать каждый день и караулить его в коридоре у неё под дверь. И мы, дуры, стали каждый день ездить в Госкомитет по химии и торчать в коридоре, где и стула не было, с восьми утра до пяти вечера. Брали с собой термос и бутерброды, потому что секретарша объяснила, что Журавлёв может появиться как раз в обеденный перерыв. В туалет ходили с Женькой по очереди, не оставляя поста у двери. Вахту нашу немного скрашивала болтовня с симпатичными еврейскими ребятами из других институтов, оказавшимися с нами в одной лодке. Не будь все мы так озадачены будущей работой — в этом коридоре, не хуже чем в синагоге, которую

мы не посещали, можно было бы решить свои матримониальные проблемы. Но нам было не до любви.

Наш курс гулял в это время по Крыму-Кавказу перед началом новой рабочей жизни, а мы с Женькой дежурили под дверью мерзкой секретарши, но мифический Журавлёв так и не материализовался, и глазки её сияли откровенным злорадством. Нам, дурам, было уже ясно, что над нами изощёренно издеваются, но не зная, как выпутаться из этой ситуации, мы продолжали ездить в Госкомитет, как на работу.

От души нам сочувствуя, Витя всё это время держал руку на пульсе. Когда Каргин вернулся из поездки, в первый же день, среди главных новостей сезона, Витя рассказал ему о нашей эпопее. Каргин рассвирепел. Он позвонил мне и тоном, не допускающим возражений, приказал быть в кабинете Журавлёва в понедельник в 10 часов утра. Дело было в субботу. «В десять в кабинете Журавлёва! — приказал Каргин. — Что значит, вас не пустят?! Если надо будет, откроете дверь ногой. Наташа, надо уметь постоять за себя!». Кабинет Журавлёва оказался в другом конце здания и даже, кажется, на другом этаже. В коридоре, где мы его ждали, он не бывал никогда, да и не должен был.

Каргин, видимо, позвонил Журавлёву, потому что открывать дверь ногой мне не пришлось: без всяких хлопот меня провела к нему в кабинет вежливая секретарша. У Каргина в те годы была огромная, почти неограниченная власть. Как только я вошла, раздался телефонный звонок. Журавлёв буквально стал во фрунт: «Да, Валентин Алексеевич. Конечно, Валентин Алексеевич. Уже подписываю, Валентин Алексеевич». Не опуская трубку, протянул руку за моим направлением, жирно зачеркнул «электролизный завод», надписал сверху «Физико-химический институт имени Карпова» и расписался. Вся процедура заняла несколько минут, и после месяца неслыханных измывательств, я вышла из кабинета Журавлёва сотрудницей Карповского института. Женьке к Журавлёву даже заходить не пришлось — ей выдала исправленное направление вежливая секретарша.

Мы с Женькой получили очень жестокий урок жизни. За всё пережитое Каргин дал нам дополнительный месяц отпуска, и теперь уже мы с ней на зависть бывшим однокурсникам гуляли на Кавказе, когда все приступили к работе.

В КАРПОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

В Карповском институте всё оказалось не так, как на кафедре, и всё — не по мне. Начать с аракчеевской дисциплины. Система в Карповском была военная: в десять часов — бип, бип, бип — запиралась вертушка проходной, и сидящая в будке страшная женщина Зинаида Холина записывала опоздавших, выстроившихся по наружную сторону вертушки. Судьбу решали секунды. Не передать, сколько нервов и денег ушло у меня на ловлю такси или попутных машин, под которые я бросалась с риском для жизни, умоляя подбросить до Карповского. Когда удавалось вовремя проскочить страшную вертушку, долго не могла отдышаться и начать работать. Я и сейчас не понимаю, зачем в научно-исследовательском институте вводить палочную дисциплину: в науке существуют вполне объективные критерии продуктивности. Но такова была карповская жизнь, и она превратилась для меня в настоящий ад, когда родилась маленькая, часто и тяжело болевшая Вика. Бедный ребёнок терпеть не мог ясли и пытался как мог оттянуть тяжёлый момент выхода из дому, для чего регулярно просился на горшок ровно в тот момент, когда надо было пулей нестись в ясли и оттуда — на работу. Понять Вику можно: в яслях её избрал объектом особого внимания и не шутя поколачивал будущий уголовник и бандит Ромка Бухаров. Как-то в машине по дороге на дачу Вика долго и подробно жаловалась деду на свою горькую ясельную судьбу. «Давай ему сдачи!» — посоветовал дед. Вика обдумала предложение: «Хорошо, если он ещё будет ко мне приставать, я буду давать ему с дачи, а если он ещё посильнее будет приставать, тогда я буду ему давать с Москвы!».

Палочная дисциплина Карповского меня убивала, и всё-таки не она была главным фактором в моём негативном отношении — главным было то, что там не было Вити. Я попала в лабораторию Тамары Иосифовны Соголовой (в просторечьи — Тэмы). Тэма была замужем за Григорием Львовичем Слонимским (в просторечьи — Гришкой), человеком учёным, но неприятным. Эта пара (особенно «Гришка») страшно кичилась своей близостью с Каргиным. Они ездили к Каргиным на дачу, пили с ними вино, играли в карты — я подозреваю, что Гришка проигрывал Каргину даже при четырёх тузах на руках. В изображении Гришки египетский бог солнца Ра не мог сравниться с Каргиным чистотой и яркостью. Это было разительным контрастом с отношением к Каргину молодых сотрудников кафедры. Там тоже Каргина бесконечно уважали (мне даже казалось, что Витя трогательно

копирует каргинскую маститую манеру говорить и держаться), но в их отношениях с Каргиным не было подобострастия. А в отношении Слонимского к Каргину оно выпирало, и выглядело отвратительно. Было совершенно ясно, откуда ветер дует: Слонимский метил в члены-корреспонденты академии, и поддержка Каргина была ему жизненно необходима. Но Каргин продвигал своих молодых учеников, отодвигая Гришку. И на безупречно чистом солнце, каким раньше в изображении Слонимского был Каргин, стали появляться пятна... Это было очень заметно и очень противно.

...Год или два спустя после начала моей работы в Карповском, в нашей лаборатории разыгрались события, настолько противоречившие отношению к науке, которое я впитала с молоком матери и от Вити, что я была совсем сбита с толку. С тех пор прошло полвека, и вряд ли кто-нибудь помнит, что тогда произошло. Я расскажу вкратце.

Это была заря полимерной науки. Многое из того, чему сегодня учат первокурсников, было тогда не известно или не ясно. Циглер и Натта ещё только готовились получить свою Нобелевскую премию. Было подозрение, что некоторые полимеры могут кристаллизоваться, но какова структура полимерных кристаллов, не знал никто. Многие лаборатории мира бились, чтобы вырастить кристаллы покрупнее, с которых можно было бы снять хорошие электронограмму и рентгенограмму. Применяли очень тонкую аппаратуру, опускали температуру раствора, можно сказать, по сотой доле градуса в неделю, и всё без большого успеха — кристаллы достаточного размера не росли. И вдруг...

У нас в лаборатории был аспирант Усман Юсупов, племянник Хамдама Усмановича Усманова. Хамдам Усманович был большой бай. Каргин, продвигавший полимерную науку в советские республики, сделал его директором института нашего полимерного профиля и даже, кажется, президентом Узбекской академии наук.

Племянник Хамдама Усманова Усман Юсупов был человек на редкость безграмотный и дремучий. В дополнение к этим исключительным качествам — нахальный и бесцеремонный. Он мог ничтоже сумняшеся разобрать собранный кем-то из нас прибор, если ему приглянулась оттуда какая-нибудь стекляшка. В лаборатории его не любили, и никто с ним особенно не общался. В моём лице он нашёл слабое звено. Надо заметить, что собаки друзей, если им пришлось в голову поменять голую косточку на кусок сочного шашлыка по-карски, безошибочно и небезуспеш-

но обращались с этим предложением именно ко мне, выбирая из дюжины гостей. Так и Усман. Утро моё в лаборатории началось с просьбы Усмана: «Наташенька, взвесьте». Взвешивать Усман не умел, и, как я ни билась, не научился. Так что мне приходилось взвешивать ему навески гуттаперчи, с которой он работал, и рассчитывать объём растворителя, чтобы он мог приготовить раствор нужной концентрации. И вот у этого Усмана вдруг начали расти огромные кристаллы чудесной полиэдрической огранки! Это была сенсация!!! Для нас, его коллег, двойная сенсация: вожеленные полимерные кристаллы, над которыми безуспешно бились лучшие лаборатории мира, вырастил человек, не умеющий взвешивать! Кристаллы были Усманом всесторонне охарактеризованы в полной тайне, чтобы сенсационная информация не просочилась вовне до известного только Каргину и Тэме «дня икс». Теперь в лаборатории Тэма разговаривала только с Усманом и только шёпотом. Я называла эту новую лабораторную политику «лицом к Усману», по аналогии с политикой молодой советской республики «лицом к деревне». И всё-таки по полимерной Москве ходили невнятные слухи о гигантских полимерных кристаллах Каргина и Соголовой. «День икс», как я понимаю, должен был наступить в Америке, куда Каргин летел с докладом на большую международную конференцию. Радостное возбуждение Тэмы омрачало только одно обстоятельство: посвящённая в тайну выращивания кристаллов опытная лаборантка Верочка Мерзликина, как ни билась с утра до ночи, никак не могла воспроизвести усмановские результаты — у неё кристаллы, хоть убей, не росли. Верочка нервничала и безуспешно старалась, но кристаллы у неё не росли. Она была беременна и мы боялись, что от напряжения и прострации она родит до срока.

Дня за два до отъезда Каргина в Америку произошло следующее. В перерыве между какими-то своими опытами я болтала с другим нашим узбекским аспирантом, Гасэмом Талиповым. Он вертел в руках усмановскую плёнку. Усман был жуткий неряха, и плёнки с кристаллами были во множестве разбросаны по всей лаборатории. Болтая со мной, Гасэм в задумчивости тыкал зажжённой сигаретой в усмановский кристалл, и я вдруг ощутила отчётливый, до боли знакомый запах серы. У меня с серой были особые отношения. Помните, в нашем судьбоносном разговоре Витя мне попенял, что я буду благоухать не «Шанелью», а тиоколом? Синтез тиокола — серусодержащего полимера — был моим первым заданием на кафедре и вообще первым синтезом полимера, который я в жизни осуществила. Я была тогда на первом

курсе, прошло всего несколько месяцев после моего поступления в университет. Методика синтеза была — проще не придумаешь, но когда в реакционном сосуде выпал вонючий губчатый жёлтый осадок, ликованию моему не было предела. Взрослые смеялись, и я получила на кафедре прозвище «тиоколка». Позже, на втором курсе, моей курсовой работой по аналитической химии был анализ серы в полимерах. Словом, «запах серы» я помнила хорошо. «Гасэм, почему так пахнет серой?» — спросила я, внутренне уже зная леденящий душу ответ. «Ой, правда, Наташка, почему так серой пахнет?! Я усмановский кристалл прожёт». Я выхватила у Гасэма плёнку. По ней были во множестве рассеяны крупные жёлтые ромбические кристаллы. Гуттаперча?! Я выковыряла один кристалл и сунула его на ниточке в кипящую воду. Усман утверждал, что кристаллы плавятся при шестидесяти пяти градусах, как положено гуттаперче. Но вода кипела, а кристалл не плавился. Я положила его под микроскоп на нагревательный столик и подогрела. Кристалл расплавился при ста четырнадцати или ста пятнадцати градусах, как положено сере... Я была уверена в результате, но всё-таки провела ещё и количественный анализ на серу — не зря ж учили меня этому на втором курсе. Всё сходилось. Усмановские кристаллы были не гуттаперчей, а серой. Чистой серой. Стало понятно, почему у Усмана они росли, а у Верочки — нет. Мы получали гуттаперчу с вулканизационного завода, и Верочка — хорошая лаборантка — её чистила, прежде чем с ней работать, а Усман, конечно, не чистил. В гуттаперче была примесь серы — вот и вся загадка.

У меня внутри всё дрожало. Я бросилась искать Тэму. В лаборатории её не было, на домашний телефон она не отвечала. Готовила, небось, Нобелевскую речь. К счастью, Каргин был в своём кабинете. Поколебавшись, я постучалась к Каргину: «Валентин Алексеевич, это сера». «Что — сера?», — не понял Каргин. «Усмановские кристаллы — чистая сера. Посмотрите — жёлтые, полиэдрические. Гасэм сигаретой ткнул — запахло сернистым ангидридом. Я попробовала поплавить — кристаллы в кипящей воде не расплавились! Я поплавила их на нагревательном столике — расплавились при ста пятнадцати градусах. Я на всякий случай ещё количественный анализ сделала. Валентин Алексеевич, это чистая сера. Усман работал с неочищенной гуттаперчей...» Каргин побелел. «Дайте-ка кристалл, Наташа». Положил кристалл на свой знаменитый длинный ноготь мизинца, я погрела спичкой. Пошёл явственный запах сернистого ангидрида... «Спасибо, Наташа, — сказал Каргин, — теперь идите».

Каргин улетел в Америку с совершенно другим докладом. А через пару дней в лаборатории появилась Тэма. На ней лица не было. Она сразу вызвала меня в коридор. «Как вы посмели пойти к Каргину, не доложив мне?». Я чувствовала себя очень неловко и стала оправдываться: «Я вас всюду искала. В институте вас не было, на телефон вы не отвечали. А Каргину через два дня улетать. Что мне было делать?» И тут Тэма ошеломила меня следующим заявлением (привожу его дословно): «Конечно, никто бы не мог воспроизвести наши результаты. Но мы бы всю жизнь ходили героями».

Я остолбенела. Бросилась к Вите: он, как прежде, был для меня истиной в последней инстанции. Витя уже знал от Каргина, что произошло. Я рассказала ему о разговоре с Тэмой. Витя сказал: «Ты молодец, Наташка. Умница. Только так и можно было поступить. Боюсь только, что твоя жизнь в Карповском будет теперь довольно сложной». Как в воду глядел! За нанесённый семье моральный ущерб Слонимский пытался отыгаться на моей кандидатской защите. По науке сказать ничего дурного он не мог, так как Тэма числилась руководителем диссертации, поэтому придрался к каким-то огрехам в оформлении, беззастенчиво тыча в мой беременный на восьмом месяце живот. Никого этим не прошиб, проголосовали единогласно при одном воздержавшемся, которым, как нетрудно догадаться, он сам и был.

Витя стремительно взлетал по научной и административной лестнице, и наши встречи становились всё реже. На конференциях, семинарах, защитах он всегда был окружён плотной толпой, в которой всем было чего-то от него надо. Мне не хотелось сливаться с этой толпой, и я держалась в стороне. Через всю мою жизнь прошёл тяжёлый и мучительный комплекс: я боялась, чтобы люди, которые мне дороги, не подумали, что мне от них что-то нужно, кроме их дружбы. Чем выше взлетал Витя, тем выше становился внутренний барьер, которым я себя от него отгородила. И когда произошла большая неприятность — меня поймали в трамвае с книгой Солженицына «В круге первом» и мне пришлось долго и безуспешно искать новую работу — я не обратилась к Вите за помощью.

В те трудные дни, да и позже я гадала, знал ли Витя о моих злоключениях и мытарствах. Думаю, что не знал. В Карповском, кроме Первого отдела, знали только двое: Каргин и Тэма; для всех остальных меня сбросили с пьедестала за опоздания. Каргин вряд ли стал бы делиться с Витей своей информацией.

Во-первых, в те годы о таких вещах распространяться было не принято. Во вторых (и в-главных), готовя себе смену, Каргин запускал Витю вверх, как ракету, и вполне естественно было огородить его от поступков, которые могли бы ему повредить — как, например, вмешательство в мою судьбу. Карьера самого Каргина была отлита из стали, ему ничего не грозило, и он предпочёл помочь мне сам.

В ХИМФИЗИКЕ

О моём переходе в Химфизику Витя, конечно, знал, потому что, встретив меня там, ничуть не удивился. «Ну, как новая жизнь?» — «Ужасно! Они тут говорят на языке, которого я совершенно не понимаю. Как на китайском. Сижу на семинарах, смотрю пустыми глазами, ненавижу себя и прихожу в отчаяние». — «Всё нормально, Наташка. Не дрейфь, ты справишься, всё будет хорошо. Химфизика для тебя очень правильное место». Этот разговор произошёл у нас через несколько месяцев после моего там появления. По правде сказать, мне в Химфизике сразу очень понравилось. Всё было иначе, чем в Карповском, и гораздо ближе к университетской атмосфере. Люди работали серьёзные и увлечённые. На семинарах отчаянно дрались и перегрызали друг другу глотку за какую-нибудь единицу в третьем знаке в химической константе. Но тематика! Но терминология! Всё было новое, незнакомое, трудное. Я грызла этот гранит, ломая зубы, и понемногу училась говорить на их языке.

Химфизика в те годы была настоящим форпостом науки. На международных конференциях можно было увидеть — а на банкетах и потанцевать — с одним-другим нобелевским лауреатом. Кстати о банкетах и юбилеях. В Институте было настоящее созвездие людей талантливых и остроумных, они создавали блестящие капустники. Помню один эпизод из капустника, посвящённого то ли юбилею Химфизики, то ли юбилею её директора, академика Семёнова. На сцену сначала вынесли длинный транспарант с надписью «Да Здравствуйте». «И краткое» было зачёркнуто, а буквы «е» и «т», согласно типографскому значку, надо было поменять местами. С учётом этих поправок, написано было «Да Здравствует». За транспарантом следовало семь прелестных девушек в бикини, на каждой был плакатик: Na^+ , K^+ , Ca^{2+} , Mg^{2+} , Cl^- , Br^- , J , или что-то в этом роде. Читать всё это, естественно, надо было так: «Да здравствует Семь Ионов!» (именно

так произносили фамилию «Семёнов» зарубежные коллеги). Зал взвыл от восторга.

А на внутренних капусниках нашего отдела кинетики химических и биологических процессов частыми мишенями бывали мы с моим приятелем Сашей Вассерманом. Коллеги решали важную проблему: какую реакцию лучше иметь положительной, по Рапопорту (это когда выпивши за рулём) или по Вассерману (это реакция на сифилис). В конце концов сошлись, кажется, на том, что лучше по Вассерману, потому что медицина у нас бесплатная (это были те далёкие годы!), а выкупать у ментов отобранные за пьянство права — никакой зарплаты не хватит.

Работать в Химфизике было очень интересно, у меня была небольшая группа и собственная тематика. С Витей мы виделись теперь гораздо чаще — университетская Кафедра была ближе к Химфизике, чем к Карповскому, и географически, и идеологически. Лет через пятнадцать после прихода в Химфизику я доработалась до того, что написала докторскую диссертацию. Витя знал мою работу по публикациям и докладам и при случае похваливал и подбадривал. Лучшего оппонента для работы, находившейся на пересечении химической кинетики и полимерной структуры, нельзя было представить, но я очень долго мучилась и не могла заставить себя позвонить Вите с этой просьбой — мешал пресловутый комплекс. Когда я, наконец, решилась, Витя откликнулся мгновенно: «Хорошая работа. Тащи!» — словно только этого и ждал. Вторым оппонентом был Павел Юрьевич Бутягин. Мой приличный доклад и положительные отзывы двух таких зубров, как Кабанов и Бутягин, сыграли решающую роль — я стала доктором наук.

Забегая вперёд, скажу, что «стричь докторские купоны» мне пришлось недолго: когда через несколько лет я перелетела в Америку, моя степень доктора наук оказалась совершенно невостребованной. В Америке есть три степени: бакалавр (где-то чуть выше нашего аттестата зрелости), мастер — на уровне нашего диплома об окончании высшей школы, и доктор философии — равноценно нашей кандидатской. Эта степень последняя и окончательная. За ней следует, фигурально выражаясь, только нобелевский лауреат. Объяснить американским коллегам разницу между доктором философии (Ph.D.) и доктором наук (D.Sc.) трудно, если не невозможно. То есть они, конечно, понимают, что если на документах вслед за своей фамилией я пишу не просто Ph.D., а Ph.D., D.Sc. — за этим что-то кроется, но что именно, не всякий спросит, и не враз поймёт.

Но вернусь к повествованию. Незадолго до моей докторской защиты скоропостижно умер академик Эмануэль, и Витя сменил его на посту академика-секретаря Химического отделения, то есть стал химиком номер один нашей страны. Вам, возможно, покажется странным, но я огорчилась, когда об этом узнала. А дело в том, что когда Вика пошла в первый класс, я ушла из лаборатории, чтобы больше бывать дома, и целый год работала научным референтом академика Эмануэля. Сейчас я ненадолго отвлекусь, чтобы кое-что вам объяснить. Я только недавно облекла эти мысли в слова. Представим себе человеческую жизнь в виде атома с его электронными уровнями или — кому проще — в виде лестницы. Лестница эта необычная: расстояния между ступеньками у неё разные. От земли до первой ступеньки — огромное, потом всё меньше и меньше, и так до последней ступеньки, которая ведёт... ну, не знаю, не знаю, но в любом случае требует опять гигантского прыжка, желательно с летательным аппаратом, а умчит он в поднебесье или сложит крылышки и рухнет в преисподнюю — говорят, зависит от того, как жил на земле. Но я не о последней ступеньке, я о первой. Этот первый скачок — переход из детского сада в школу — требует огромных усилий. Как сказали бы философы, это скачок революционный. Все остальные переходы — из школы в институт, из института на работу — постепенные, подготовленные, эволюционные. И только самый последний... но я не о нём.

Переход с нулевой ступеньки на первую — из детского сада в школу — сопряжён с огромной психологической ломкой, и ребёнку надо помочь. В американских школах первые полгода детям вообще не ставят отметок, а у нас начинали бить отметками по голове буквально с первого дня. И где-то в конце сентября или начале октября состоялся у нас с Викой такой телефонный диалог.

- Ну, как дела в школе?
- Я получила три двойки.
- А сколько было уроков?
- Четыре.
- Почему же ты не получила четыре двойки?
- А четвёртый урок было пение, мы пели хором.

Этот диалог я дословно передала Эмануэлю, и он предложил мне перейти к нему в научные референты, то есть работать в основном дома, переводить нужные ему книги, готовить материалы для докладов. Так я попала в его «внутренний круг» и имела

возможность воочию наблюдать академические игры, подхалимаж, интриги, торговлю — словом, мадридский двор высшего эшелона академической науки. Всё это необычайно обострялось перед выборами в Академию. Мне это активно не нравилось, я выдержала год и вернулась в лабораторию.

Вооружённая этим опытом, я опасалась, что Витя — блестящий учёный, талантливый, доброжелательный и порядочный человек (скажем прямо, редкая находка для высшего административного поста Академии) — станет на посту академика-секретаря потерей для науки. Мои опасения, к счастью, не оправдались. Не произошло этого, я думаю, во многом благодаря его сыну Саше. Сын подрастал, и Витя пестовал его для будущей Большой Науки, как когда-то Каргин пестовал его самого, а для этого надо было быть в хорошей научной форме. Пройдёт совсем немного лет, и Витя скажет мне с радостью и гордостью: «Раньше про Сашку говорили — это сын Кабанова, теперь про меня говорят — это отец Кабанова!». Это была для Вити, я думаю, высшая награда, какую он получил от жизни.

НА БАРРИКАДАХ

Был один эпизод, когда мы с Витей оказались — почти физически — по разные стороны баррикады. Было это в самом начале Перестройки. Только что вернулся из ссылки академик Сахаров. Он был нашим знаменем и нашей надеждой, вроде окуджавского Мастера Гриши: придёт и всё наладит, и в нашем доме будет благодать. Мы выдвинули Сахарова в Верховный Совет. Голосовать за его выдвижение должна была Академия наук. Академики Сахарова забаллотировали. Это было неслыханно! Сотрудники академических институтов гудели. Мы бушевали около здания Президиума, устраивали митинги, таскали красивые лозунги. Сахарова потом выдвинула и провела в Верховный Совет другая организация.

Ушлые люди докопались, что Витя голосовал против Сахарова. Я очень огорчилась. Много лет спустя, в Америке, я с ним об этом заговорила. Витя сказал: «Многие, конечно, думали, что я голосовал против Сахарова из карьерных соображений. Но ты-то, Наташка, должна понимать, что это чушь! Моей карьере ничего не грозило. Просто я был глубоко убеждён, что то, что предлагал Андрей Дмитриевич, в наших условиях было неосуществимо. Россия была к этому не готова. Я считал, что это

привело бы к хаосу, коррупции, разгулу преступности и всяким другим безобразиям. Путь, который он предлагал, был не российский путь».

Я не знаю, насколько пошла Россия по пути, предложенному Сахаровым, но то, что Витины предсказания осуществились, — к сожалению, неоспоримый экспериментальный факт...

ЭМАНУЭЛЬ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Мои болезненные комплексы рассеялись, когда я переехала в Америку, потому что никому из тех, кого я любила, не могло бы отныне прийти в голову, что к моей сердечной привязанности примешаны какие-то привходящие соображения; им и раньше, скорей всего, такое в голову не пришло бы, но комплекс, знаете, есть комплекс. Теперь мне стало легко и радостно общаться с друзьями, достигшими больших высот.

В один из приездов в Москву я позвонила Вите. Он очень обрадовался. «Ты одна или с Володей?» — «С Володей». — «Прекрасно. Сейчас я пришлю за вами машину, поедем на дачу, переночуете у нас, а завтра поедем обратно в Москву — у меня дела в Президиуме».

Тут надо ненадолго отвлечься и рассказать, что Витя, как и я, очень любил анекдоты. Характер анекдотов менялся с возрастом. Были анекдоты из серии «приходит муж домой», были о теще, всегда безусловно остроумные. К тому времени, о котором идёт речь, Витя рассказывал анекдоты о старости, в частности — о старых академиках. Один анекдот звучал так: «Старый академик собирается с дачи на заседание Президиума. Жена даёт ему наставление привезти из Москвы два предмета, хлеб и кефир. Академик помнит, что должен что-то привезти, и покупает зубную щётку. Отдаёт жене, та говорит: «Я же велела тебе привезти два предмета. Где паста?!»

За нами заехал Витин академический шофёр, но деликатный Володя ехать со мной отказался: «Ты давно не виделась с Витей, вам есть о чём поговорить, я буду лишним», так что я поехала одна. Витя ждал на пороге Президиума. Обнимая меня, сказал шофёру: «Я же велел тебе привезти два предмета!».

Мы провели в Перхушково чудесный вечер. Он был бы ещё прекраснее, если бы телефон делал перерыв хотя бы минуты на три. Он звонил, не переставая. Дело было перед выборами в Академию, и меня как будто окунули в атмосферу Эмануэлевского

кабинета тридцатилетней давности. Витя сказал мне, вздыхая: «А что делать? Я — Эмануэль сегодняшнего дня!..»

Эпилог

В один из приездов в Москву я узнала, что Витя в больнице в тяжёлом состоянии. Помочь я ничем не могла и беспокоить Асю звонком не стала. Я сидела в Шереметьево в накопителе и ждала посадки на самолёт в обратный путь, когда зазвонил мой мобильник. Это была Марина Аствацатурян, моя приятельница из «Эха Москвы», она вела там тогда программу «Гранит Науки». «Наташа, только что позвонили на «Эхо» с сообщением, что умер Кабанов. Я знаю, что он был твоим учителем, и решила тебе сказать об этом, пока ты ещё здесь». Я дёрнулась было бежать из накопителя. Но куда? Я была «ещё здесь» и уже не здесь. Я летаю в Москву по американскому паспорту. Виза моя кончилась, пограничники проштамповали мой отъезд, меня уже никто не пустил бы обратно... Объявили посадку, и я вошла в самолёт. Десять часов пути до Америки я вспоминала то, о чём вы сейчас прочитали.

ПОРТРЕТ

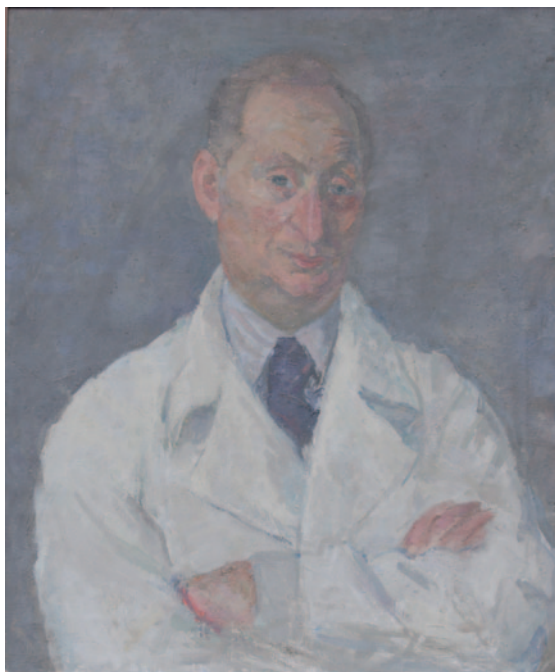
Среди радостей моей жизни есть одна особенно мне дорогая: папин портрет работы Фалька у меня на стене. История его драматична от начала до конца. Я толком не знала, какого он года — сестра моя говорила, что 1956-го. В 60-х или 70-х годах портрет экспонировался на какой-то выставке Фалька и был напечатан с датой создания в каталоге выставки. У меня этого каталога нет, но недавно я нашла подтверждение датировки 1956 годом в переписке папы с вдовой Фалька, Ангелиной Васильевной Щёкин-Кротовой.

Портрет не подписан — дальше я объясню, почему. Это и дало мне возможность вывезти его в Америку, о чём тоже чуть позже.

Мои родители познакомились с Фальком, я думаю, через замечательную художницу Лилю Бродскую. После войны мы жили в большой коммунальной квартире на углу Сивцева Вражка и Большого Афанасьевского и встречали Фалька на Арбате. Иногда он к нам заходил. Мне было тогда лет девять — десять. Я запомнила его печальным человеком в синем спортивном костюме с начёсом. Папа мне говорил, что он гениальный художник. Мне кажется, что карандашные наброски к папиному портрету Фальк делал в нашей арбатской коммуналке, но, возможно, это поздняя абберация памяти. Фальк очень тяжело переживал разнузданный послевоенный антисемитизм, аресты и убийства друзей — я краем уха слышала его разговоры полушепотом с моими родителями.

В 1951 году мы переехали на Новопесчаную улицу у метро «Сокол». Я не помню, чтобы Фальк там у нас бывал, но родители мои продолжали с ним встречаться. Потом папу посадили по «делу врачей». Папин портрет был написан Фальком через три года после папиного освобождения.

Портрет не понравился моей маме. Мама сказала, что по мироощущению человек на портрете напоминает больше самого Роберта Рафаиловича, чем папу. Это отчасти правда. Человек на портрете — философ-созерцатель, мой папа — философ-деятель. У папы всю жизнь была чрезвычайно жизнеутверждающая позиция (по контрасту с его профессией патологоанатома), у Фалька — в соответствии с его профессией — позиция созерцательная.

Мама моя за всю жизнь не сказала ни слова неправды — такой она была человек. Вот мама и сказала Фальку, что человек на портрете, несмотря на несомненное внешнее сходство — не папа. Фальк безумно огорчился и отказался подписывать портрет. Мама с папой тоже страшно огорчились и долго, но безрезультатно его уговаривали. Помню, что Фальк даже не хотел брать за портрет денег, хотя очень нуждался. Потом это как-то утряслось через общих друзей, но портрет остался без подписи.

Много лет спустя, уже после смерти Роберта Рафаиловича, его вдова Ангелина Васильевна, которую я навещала, дала нам сертификаты на этот портрет и два эскиза к нему.

С момента создания портрет висел у нас дома. Папа его очень любил, мама привыкла, а для меня он был неотъемлемой частью жизни. Поэтому, когда речь зашла о моём возможном отъезде, я в первую очередь стала думать о судьбе портрета. Во время нашего с Викой первого визита в Штаты мы случайно познакомились с нашим дальним родственником Ленни Шацкиным (подробнее о нём в главе «Марк Шагал, Клёрманы и Ленни Шацкин»). Ленни был консультантом престижного американского издательства и относительно часто наезжал в Москву. К нему

я и обратилась со своей просьбой. Мы сняли портрет с подрамника и свернули в трубу — как потом оказалось, свернули неправильно и варварски. Ленни увёз портрет в своём чемодане среди вещей, и по приезде в Америку так и держал его свёрнутым много месяцев, пока мы не встретились. В довершение всего, в одном месте он чем-то зацепил холст, и сзади образовалась крохотная дырочка, а спереди на небольшом — с гривенник — участке отлетела краска. Холст потом удачно отреставрировала Вика, и снаружи не заметно, что он проделал такой трудный путь.

В России ли, в Америке — папин портрет по-прежнему остаётся неотъемлемой частью моей жизни. Он доминирует в нашем доме. И всё-таки на фотографии с высоким разрешением видно, что это — холст трудной судьбы. Когда-нибудь, по моему завещанию и с Викиного согласия, он вернётся в Москву в Музей частных коллекций, о чём у меня есть договорённость и предусмотрены необходимые фонды.

...В «Огоньке», повидимому в 1986 году, была статья о Фальке. Статья не понравилась папе, и он написал об этом вдове Фалька Ангелине Васильевне (копии этого письма у меня нет). Ангелина Васильевна в ответ сурово папу отчитала за самонадеянность. Папа попытался перед ней оправдаться. Их переписка показалась мне очень интересной и я предлагаю её вашему вниманию.

*Письмо Ангелины Васильевны Щёкин-Кротовой
Якову Львовичу Рапопорту*

Москва, 17/XII 1986 г.

Дорогой Яков Львович!

Мне уже трудно писать из-за глаз, и я диктую моё письмо одной милой девушке, которая мне согласилась помочь в довольно трудном деле.

Яков Львович! Меня поразило Ваше предложение прислать вам материалы о Фальке, и Вы напишете о нём то, что надо. Конечно, Вы привыкли работать с научными материалами, и вы всегда можете извлечь из них что-то ценное. Но писать об искусстве гораздо труднее, чем научный трактат, ибо в искусстве всё так зыбко, всё так на нюансах, всё на чувстве. Вы можете и имеете полное право рассказать читателям о Ваших впечатлениях от живописи Фалька, очень сложной живописи, очень трудной для того, чтобы сформулировать своё ощущение от неё. Вы постоянно повторяете, что Фальк Вам сказал, что его задача

«одрагоценивать» живопись, и в этом вы видите его отличие от других художников. А Рембрандт? А Сезанн? А Рюо? И, наконец, наш Тышлер? У них тоже цвет не локальный, не натуралистический — цвет, в котором из-за его сложности исчезает краска как таковая. Но разве в этом суть Фалька как художника, и в этом ли его отличие от всех?

Я думаю, что когда Фальк работал над Вашим портретом, постепенно наслаивал цвет на цвет, добываясь свечения одного цвета из-под другого, и Вы наблюдали медленный процесс этого наращивания: накладывание разных мазков, очистка их, снова на расчищенный след накладывался слой, — Вас заинтересовала медлительность этого процесса. Илья Эренбург, знаток живописи и друг художников, наблюдавший за работой Пикассо и Матисса, не понял смысла медлительности живописной техники Фалька: она показалась ему мучительными поисками, метаниями в погоне за истиной. Но у Фалька это был последовательный путь к истине, а не метание. Да и всё ли дело в технике? Нет! Это только маленькая частица процесса душевного, духовного приближения к выражению духовной сути, идеи в материале, преодоление материала, преображение его. И не для того писал Фальк, не для того стремился писать, чтобы поразить зрителя красотой драгоценной материи. Впрочем, я всего лишь жена художника, а не искусствовед. И, вероятно, мои формулировки для Вас, учёного, не убедительны. Разрешите приложить к этому письму выписки из трудов искусствоведов, которые хорошо знали творчество Фалька, и Вы убедитесь, как трудно искусство живописца привести к точной формуле. Это ещё труднее, чем определить законы музыкального произведения, так как музыка поддаётся хотя бы математическим измерениям (частота колебаний, тембры, законы гармонии и т.п.). В живописи пока что всё это «на глазок». И, боже мой, каким опытным, тонким должен быть этот «глазок»! Конечно, он ещё должен обладать талантом видения, отшлифованным наукой и опытом смотрения.

Из «Портреты в живописи» А.Ягодской, сборник «Очерки современного советского искусства»: «Вслед за живописью зрителю открывается возможность вступить в «общение» с изображённым на полотне персонажем, «узнать» в нём себя. Самым прямым путём к достижению такого рода цели служит для живописца красочная стихия реального мира, организованная его сознательной творческой волей цветовая структура полотна. Значительный интерес представляет в этом смысле искусство Р.Фалька. Речь идёт о последнем периоде его творчества. Худож-

ник, занятый, казалось бы, чисто живописными проблемами, он умел передать личную неповторимость модели с такой возвышенностью и полнотой, что она приобретала расширительный, всеобщий смысл. Человек, который ему позировал, для мастера всегда был такой же «задачей», требующей разрешения, как и поверхность полотна, на которую наслаиваются, перекрывая друг друга, мелкие, цветные, плотные мазки. Личность модели драгоценна для него, как и светящиеся всплески цвета, ни одного из оттенков которого не хочется упустить. *Художественная значимость интимно-камерного по форме искусства Фалька заключена в той человечности и благородстве, с которыми он сумел увидеть и передать своих современников»* (курсив А. Ш-К).

Ещё одна выписка из статьи Д.Аркина «Фальк и московская живопись» в журнале «Русское искусство», номер 2–3, 1923 год:

«Организм живописного видения Фалька достаточно своеобразен. Между глазом и предметом неизменно находится какая-то особенная живописная среда, ощутительно присутствующая в валёрах почти всех его последних работ. Усложнённость этого зрения несколькими планами, — не в обычном зрительно-пространственном смысле, — а в смысле различных степеней напряжённости, требующих соответствующей аккомодации зрения, — одна из характерных особенностей живописной «манеры» Фалька».

А теперь выписка из моей статьи в журнале «Литературная Грузия», номер 2, 1980 год:

«Мне часто приходилось слышать беседы и споры Фалька с друзьями, художниками, учениками. Много удалось записать тут же, непосредственно, кое-что вспомнилось потом; некоторые ученики тоже записывали высказывания Фалька. В результате можно суммировать его концепцию собственного творчества. Конечно, на абсолютную полноту и точность эти записи рассчитывать не могут, но во всяком случае они помогают нам воспринять более осознанно его искусство».

И вот пример таких «записок»:

«Холст для современного живописца — это заряженное магнитное поле, на котором действуют цветовые массы, то сталкиваясь, то сливаясь, то нежно вибрируя, то взрываясь. Эта энергетическая заряженность цвета даёт картине глубокую жизнь, движение не внешнее, а внутреннее, НАПРЯЖЕНИЕ».

Яков Львович! Я прожила двадцать лет с Фальком. Он мне многое рассказывал, я наблюдала его работу, и после его смерти я не перестаю беседовать с ним, вспоминая беседы с друзьями, читая о нём. Но я бы не решилась в популярном журнале «Огонёк» изложить самое основное, что отличает живопись Фалька от живописи других художников. Это станет ясно людям ещё век спустя. Прав был Бирштейн, что ограничился человеческими воспоминаниями. Уф! Устала! Над этим письмом мы работаем уже полтора часа.

17/XII 86 г.

А. Щёкин-Кротова

*Письмо Якова Львовича Рапопорта
Ангелине Васильевне Щёкин-Кротовой*

Москва, 19/II— 87 г.

Дорогая Ангелина Васильевна!

В течение длительного времени я не имел возможности брать в руки перо. Как невыполнение долга перед вами и перед самим собой я ощущал невозможность ответить вам на ваше письмо, за которое я вам от души благодарен. Хотя в нём — упрёки в мой адрес, но вы в нём светитесь своим, а не отражённым светом, луч которого попал и в меня и доставил мне большую радость, ведь вы, вероятно, не тратите зря свои лучи! Я неоднократно возвращался к вашему письму во время подлой болезни, и моя первая письменная попытка обращается к вам. Начну со статьи в «Огоньке». В искусстве я — меньше, чем дилетант, просто — профан, и мне не стыдно в этом сознаться. Музыка я воспринимаю более непосредственно и эмоционально, чем живопись. Никогда я не осмелился бы при этом выступить в роли искусствоведа. Но статья в «Огоньке» мне показалась мелкой для Фалька (отнюдь не по объёму), с примером (уступил на лето свою мансарду!), который мало его характеризует. Фальк — не та фигура, для которой надо мельчить. Вы опять на меня обзлитесь, но я этого уже не боюсь. Привык! При этом же объёме и примерно том же содержании я для Фалька, как мне кажется, нашёл бы другие слова.

Теперь — об «одрагоценивании красок». Это не мой термин, а Фалька. Им он лаконично охарактеризовал свою задачу в живописи. Не откажите мне, пожалуйста, в понимании того, что «одрагоценивание» — не оптимальное механическое смешивание или накладывание красок, что это — не «подбор колера»

(извините за грубость). Без души художника, без вкладывания чувства в этот процесс драгоценности не получится, независимо от того, пишет ли художник портрет или неживой предмет.

Учёному вы отказываете в чувстве при творческом процессе, и это — заблуждение, если это — подлинное научное творчество, а не диссертация! Ни один научный творческий процесс, помимо знания предмета, не обходится без вовлечения в него сферы чувств. И в научном творчестве участвует не только кора головного мозга, но и глубокие его участки, где заложены центры эмоций с их многообразием и при опосредованном участии сердца. Таким образом, и учёному знакомы «нюансы», о которых вы пишете и награждаете ими только художника. И научное подлинное творчество, и живописное творчество — сродни друг другу по интимным их механизмам. Что такое «одрогоценивание красок» Фалька мне понятно.

И ещё одно, что роднит обе сферы — это глубокое проникновение в глубь вещей, где играет роль также дар предвидения и даже творческая фантазия. Не проживает без них ни наука, ни искусство. Когда Фальк писал мой портрет, у него вырывались восклицания: «Мне всё больше начинает нравиться сюжет — профессор Рапопорт». Когда портрет был представлен для обозрения, я увидел, что в этот сюжет он вкладывал какое-то своё видение. У нас его не было, и моя жена не удержалась от разочаровавшего восклицания: «Я вижу Я.Л. другим!» И это находили все наши друзья. Прошли годы (с 56-го года) и мне начинает казаться, что в портрете прорезываются какие-то новые черты, которые задолго увидел (или хотел увидеть?) Фальк и которые так привлекли его. И это есть — глубина проникновения сквозь годы, роднящая науку и искусство. И это — элемент «одрогоценивания».

Дорогая Ангелина Васильевна! Я не могу злоупотреблять вашим зрением, но я не могу передать мёртвой машинописи свои задушевные мысли. Надеюсь, что кто-нибудь прочитает вам это письмо, хотя я, как первоклассник, вложил в него чистописательское старание.

Ваш всегда,
Яков Рапопорт

ВОТ ЭТО МЕСТО

ЗАМЕТКИ ПРИЮТИВШЕГОСЯ

*Сбежав от нашей власти лютой,
Вдали Московского статута,
Ты окопалась в штате Юта,
Но мы нашли тебя и тута...*

Виллен Кандрор

«Как ты можешь жить в Юте?! — недоумевают мои друзья. — Вайсберг ещё ладно, но ты?!» Объясняю: для счастливой жизни в Юте требуется соблюдение минимум трех условий, каждое из которых необходимо, но не достаточно. Условие первое — фанатичная любовь к горам и горным лыжам. Второе — чувство юмора. Третье — возможность уматывать отсюда несколько раз в год хоть на неделю. Факультативное условие — интересная работа. У меня соблюдаются все четыре условия, а Вайсбергу хватило первых двух, и его из Юты на аркане не выгатишь. Что ему тут, мёдом намазано? Выходит, намазано.

В Юте фантастическая красота ошеломляющих пейзажей. Каких-то четыре-пять часов езды на машине, и все, что вы знали об окружающем мире, разом уходит в прошлое. На смену реальному и привычному внезапно вырастает новый волшебный мир с такой феерией белых, розовых, и красных скал, что сквозь весь ваш атеистический цинизм невольно прокрадывается сомнение, не поработала ли здесь рука гениального Главного Архитектора. Вся эта архитектурная вакханалия сосредоточена, в сущности, на очень небольшом клочке земли. Недаром Голливуд облюбовал эти места: именно здесь снимают вестерны.

Пейзажи — это во-первых. Во-вторых, люди — спокойные, приветливые, доброжелательные и улыбчивые. Здороваются при случайной встрече, словно живут в деревне, а не в городе с населением в миллион двести тысяч. Почти наверняка — мормоны.

«Если тебе тут так хорошо, что ж ты рвешься «уматывать отсюда несколько раз в год хоть на неделю?»

На этот вопрос следует дать развёрнутый ответ. Тогда станет понятно, почему необходимым условием жизни в Юте является чувство юмора.

Немного истории

История мормонов начинается в конце двадцатых годов XIX века. В ней много загадочного. Достоверно известно следующее: молодому человеку по имени Джозеф Смит явился ангел. Ангел сообщил, что Смиту преназначено перевести на английский язык и опубликовать истинную историю человечества, записанную на золотых пластинах, которые уже несколько тысячелетий хранятся в горной пещере в штате Нью-Йорк.

Вот как мне представляется встреча Джозефа Смита с ангелом. Ясным летним днем 1823 года молодой человек лет восемнадцати лежал в полудреме на лесной поляне в тени большого дерева. Делать ему было решительно нечего, и он задумчиво глядел в небо, по которому медленно проплывали бледно-розовые кучевые облака. От нагретой земли поднималось марево, неподвижные ветки и листья, сквозь которые просвечивало бледное от жары небо, колыхались в нем, как живые. Юноша бы уснул, но внимание его привлекло облако — оно бежало по небу быстрее других, постоянно меняя форму, превращаясь то в крокодила с разверстой пастью, то в цветок, то в птицу. Внезапно облако остановилось прямо над его головой и стало стремительно приобретать человеческие очертания; юноша даже приподнялся на локте от изумления. От облака на землю метнулся яркий луч. Юноша зажмурился, а когда открыл глаза, перед ним оказался человек, которого можно было бы принять за окрестного фермера, если бы не два белоснежных крыла за спиной. Впрочем, он тотчас скрыл их под светлой то ли туникой, то ли курткой.

— Я ангел Мороний, — представился пришедший, — а ты, если не ошибаюсь, Джозеф Смит?

— Да, это мое имя, — не стал спорить пораженный юноша.

— Я послан сказать тебе, что ты избран Богом, чтобы рассказать человечеству его истинную историю. Она записана на золотых пластинах, и тебе предстоит перевести их на английский язык и издать книгу, чтобы ее прочитали миллионы жителей твоей страны.

— Разве история человечества не записана в Библии? — изумился юноша.

— Записана, но с большими ошибками. Библию писали через два-три столетия после описанных в ней событий, с неизбежными искажениями. А на золотых пластинах писали свидетели и участники тех событий — много поколений одной семьи из рода нефийцев. Записанная ими история начинается пример-

но за 600 лет до рождения Христа и кончается в 421 году, когда меня, последнего представителя этого славного рода, убили ламанийцы. В ней рассказывается о взлёте и падении одной религиозной цивилизации. Предки мои когда-то жили в Иерусалиме, но покинули его как раз перед Вавилонским пленением. Они построили корабль и приплыли на нём в западное полушарие, в новую землю обетованную. Эти места вы сейчас называете Южной Америкой. Разрозненные записи членов семьи, выгравированные на золотых пластинах, собрал человек по имени Мормон, мой отец. Он завещал мне сохранить пластины, даже — если понадобится — ценой собственной жизни. Нас постоянно преследовали, за нами охотились. Я бежал от преследователей из Южной Америки далеко на север, и мне удалось спрятать пластины в заваленной камнями пещере в лесу на горе, где мы с тобой сейчас стоим. Но вскоре меня догнали, и я погиб.

— Почему вас преследовали?

— К сожалению, после переезда в Америку семья разделилась на два враждебных клана, нефийцев и ламанийцев. Мои предки из рода нефийцев были благочестивы и богопослушны. Они построили храм и жили по закону Моисееву. Их пророки предсказывали рождение Христа и учили жить по божьему закону. Ламанийцы не подчинялись божьим законам; год за годом они пытались нас уничтожить, и в конце концов спустя тысячелетие, им это удалось. Мормон, мой отец, был наш последний полководец. Он передал мне собранные им золотые пластины и погиб в бою. Два с половиной тысячелетия пластины пролежали в пещере. Наш Небесный Отец считает, что сейчас пришло время достать их и вернуть человечеству его истинную историю. Ты переведешь выгравированный на пластинах текст на английский язык и издашь книгу. Пойдём, я проведу тебя в пещеру.

Для Джозефа Смита это было нелегкое путешествие. Мороний летел сквозь лесную чащу, Джозеф Смит едва за ним поспевал, спотыкаясь о корни деревьев и поваленные стволы, не успевая отводить колючие ветки, хлеставшие его по рукам и лицу. Наконец, видимо, прибыли, потому что Мороний резко затормозил на небольшой полянке в густой чаще, около двух огромных валунов.

— Раздвинь камни,— приказал Мороний.

— Ты что, как я могу раздвинуть такие огромные камни?! — поразился юноша.

— Можешь,— прикрикнул на него ангел, и Джозеф Смит действительно без особого труда сдвинул с места валуны не-

мыслимого размера. За ними обнаружился проход, и они вошли в пещеру. Она вся сияла от золотых пластин, испещрённых странными письменами.

— Я не смогу это перевести,— воскликнул Джозеф Смит.— Я не знаю этого языка!

— Знаешь,— сказал ангел, и Джозеф Смит с удивлением обнаружил, что легко читает выгравированный на пластинах текст.

Каким-то чудом они разом перетащили пластины в дом Смита. Теперь ангел не нёсся сквозь чащу, а двигался с драгоценным грузом осторожно и аккуратно. С последним лучом солнца, по прежнему маршруту ангел вернулся на небо.

Три года, три долгих года Джозеф Смит не думал ни о чём, кроме перевода пластин. Он работал истово днём и ночью, не отвлекаясь на занятия, естественные для юноши его возраста. Это случилось позже, когда он, уже будучи признанным мормонским Пророком, принялся навёрстывать упущенное и ударился в безудержный сексуальный экстаз, что стало одной из причин его трагической гибели. Но об этом чуть позже.

Через три года был закончен труд, в самом буквальном смысле завещанный от Бога. Не успел Джозеф Смит поставить последнюю точку, как явился Мороний и хотел унести пластины на небо.

— Да кто же мне поверит, что пластины были, и я это не выдумал! Так нельзя! — впервые возразил ангелу Джозеф Смит.

— А что, пожалуй, ты прав. Позови-ка пять человек, пусть подпишут, что видели золотые пластины,— согласился ангел.

Так и сделали. Джозеф позвал своего брата, отца и пару друзей. Они подписали документ, удостоверяющий, что золотые пластины существовали. Моронию этого показалось мало, и он приказал позвать ещё троих.

С этих восьми, подписавших справку о золотых пластинах, в 1830 году началась мормонская религия. Сейчас она насчитывает около тринадцати миллионов приверженцев.

В сущности, об описанных выше событиях мы располагаем весьма скудными сведениями, исходящими в основном от самого Джозефа Смита. А вот о событиях, последовавших за его судьбоносной встречей с ангелом Моронием, имеются многочисленные свидетельства очевидцев, и мы ими воспользуемся. Кто он, первый мормонский пророк, чьи скульптурные и живописные портреты украшают мормонские дома и храмы?

КТО ВЫ, ПРОРОК ДЖОЗЕФ?

Джозеф Смит родился в Вермонте в 1805 году. Все вокруг, включая членов его семьи, практиковали религию на разные лады и верили в видения и предсказания. Когда мальчику было двенадцать лет, семья перебралась в штат Нью-Йорк. Джозеф Смит окончил церковную школу, откуда почерпнул пригодившиеся ему впоследствии сведения о Библии. Не имея постоянной работы, он перебивался случайными заработками на полях соседних фермеров. Его рано начали посещать разнообразные видения (сегодня мы бы сказали «глюки»). Глюки бывали и у его родителей — тогда это считалось нормой.

Однажды, копая колодец у соседа, Джозеф Смит нашел гладкий камень шоколадного цвета и решил, что это магический кристалл. Он отправился с ним на поиски сокровищ, но камень что-то не помог, и впоследствии Смит нашёл ему более удачное применение: этому камню суждено было сыграть ключевую роль в «переводе» золотых табличек.

Судя по сохранившимся письмам и запискам, будущий пророк был не слишком силен в грамоте и предпочитал диктовать перевод двум писцам. Диктовал он, сидя в полной темноте с большой шляпой в руках, на дне которой лежал его магический кристалл. Сквозь него он видел золотые пластинки, на каком бы расстоянии они не находились. Иногда диктовал из-за занавески. Диктовал он чётко и уверенно, никогда не поправляя сказанное.

Закончив перевод, Смит подарил магический камень своему другу; впрочем, у него остались ещё два магических камня, через которые он продолжал контакты с ангелом и получал указания свыше. Так продолжалось вплоть до 1833 года, когда Смит объявил, что больше в магических кристаллах не нуждается — откровения приходят к нему напрямую, без посредников... Он стал Пророком.

ЕЩЁ НЕМНОГО ИСТОРИИ

Двадцать шестого марта 1830 года «Книга Мормона» была опубликована издательством «Пальмира». Для осуществления этого грандиозного проекта хозяин «Пальмиры» заложил своё имя. Смит, что называется, «проснулся знаменитым» — пока ещё в локальном масштабе, в узком кругу приближённых. Меньше чем через две недели он объявил о создании новой ветви

христианской религии — сейчас она называется Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, или мормонская церковь. Популярность новой религии быстро росла (думаю, в немалой степени этому способствовало практиковавшееся мормонами многоженство, о котором ниже), но были у неё и серьезные оппоненты. Смит организовал небольшую армию («милицию»), с помощью которой мормоны воевали с соседями, не слишком одобрявшими их религию и образ жизни. В довершение к многоженству Пророк, похоже, был не очень чист на руку, мухлевал с банковскими счетами своих последователей, имел много кредиторов и несколько раз попадал в тюрьму.

Через восемь лет после возникновения мормонской религии терпение её оппонентов лопнуло, и начались события, вошедшие в американскую историю как Мормонская война. Небесный Отец, покровитель мормонов, в этот момент, видимо, отвлекся на другие задачи, потому что успех в войне мормонам не сопутствовал. Они вынуждены были бежать и в конце концов осели в городке Наву на реке Миссисипи, в штате Иллинойс. Тут они развернулись по-настоящему. Смит стал мэром, и все ключевые позиции в городском управлении заняли мормоны. Амбиции Пророка росли, и в 1844 году он объявил, что начинает кампанию по избранию его американским президентом. Этому помешали внезапно разыгравшиеся драматические события, изменившие ход мормонской истории.

В Наву, как и всюду в те годы, у мормонов были противники. Они организовали типографию, и 7 июня 1844 года основанная ими газета отпраздновала свой первый и единственный выпуск, содержащий резкую критику мормонских порядков и лично мистера Смита. Утверждалось, что мормоны захватили слишком

Аарон благословляет Джозефа Смита (слева) и его друга Каудри на служение Богу. Скульптура на Храмовой площади в Солт-Лейк-Сити.

много власти; что Смит женат на восьми женщинах, четыре из которых продолжают жить с предыдущими мужьями; что Смит берёт женщин в жёны фальшивыми обещаниями или силой; что мормоны установили в городке теократические порядки. Смит приказал уничтожить диссидентскую газету и разгромил типографию. Начался вооружённый конфликт («Иллинойская мормонская война»). Успех опять не сопутствовал мормонам, и губернатор штата Иллинойс уговорил Смита сдаться. Смит и его брат Хайрум ожидали суда в местной тюрьме. Губернатор не гарантировал им свободу, но гарантировал безопасность. Ему не удалось сдержать свое обещание: 27 июня на тюрьму напала вооруженная толпа с раскрашенными лицами. Утром этого дня Смита навестили соратники и тайно снабдили оружием, так что Смит и Хайрум отстреливались от нападавших и, по слухам, Смит кого-то то ли ранил, то ли убил, но вскоре пал под натиском превосходящих сил противника. Озверевшая толпа растерзала и его, и его брата. Пророку не было тогда и тридцати девяти лет...

После гибели Смита встал вопрос о преемнике. Естественным преемником считался Хайрум, но братья погибли вместе. Юный сын Джозефа Смита, Джозеф Смит Третий, как преемник не котировался. На роль нового пророка претендовали три человека из верхних эшелонов мормонской власти. В результате церковь разделилась. Многие пошли за Бригамом Янгом, героем жутковатой повести Конана Дойля «Этюд в багровых тонах». Он привел мормонов в Юту.

Забегая вперед, скажу, что кое-какие из обвинений, высказанных теми канувшими в лету илинойскими свободолюбцами, актуальны и сегодня: вся реальная власть в нашем штате принадлежит мормонам, и отделить церковь от государства здесь довольно трудно. А идею Джозефа Смита об американском президентстве чуть было не осуществил новый кандидат на этот пост, мормон Митт Ромни.

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЕ ПРОРОКИ

Бригам Янг унаследовал тринадцать жен Джозефа Смита, добавив их к собственному гарему. Во времена Янга Юту посетил Марк Твен. Вернувшись домой, записал следующее: «Не вызывает сомнений, что Бригам Янг действительно святой человек. Он женат на двадцати восьми самых уродливых женщинах Америки!»

Смит начал пропагандировать многожёнство вскоре после опубликования «Книги Мормона». В 1977 году историк Тодд Комптон, член мормонской церкви, опубликовал труд о печальных судьбах тридцати трёх жён первого мормонского Пророка. В книге Комптона семьсот с лишним страниц. Комптон не сомневается, что Джозеф Смит был пророком; он не судит Смита — просто излагает собранные им исторические факты, без комментариев. Попробуем и мы последовать его примеру.

Со своей первой супругой Эммой, будущей «старшей женой», Смит сочетался легальным браком. Остальные тридцать две жены Пророка были, по его определению, «небесными женами», хотя отношения со многими из них были, по историческим свидетельствам, вполне земными. Эмма не одобряла такую практику, и отношения между супругами сильно напряглись, хотя, по утверждению Смита, каждую новую жену он брал, получив прямую команду от Бога. Пророк предпринимал героические усилия, чтобы скрыть от Эммы свои отношения с «небесными жёнами». Вот несколько документированных эпизодов.

Джозеф Смит обратился к некоему Бенджамену Джонсону с просьбой отдать ему в жёны сестру Джонсона: «Бог опять приказал мне взять несколько новых жён». Джонсон был в шоке. Немного придя в себя, он сказал: «Брат Джозеф, я такого не ожидал и не понимаю. Вам известно, что это правильно, а мне — нет. Пусть будет по-вашему, но если я узнаю, что вы обидели и обесчестили мою сестру, клянусь Богом, я вас убью». Ни Бенджамин, ни его сестра Алмера не сомневались, что Джозеф Смит — пророк, и в апреле 1843 года Алмера стала двадцать первой женой Смита. Ему было в это время 38 лет, ей 30. Её брат оставил подробное (что было редкостью) описание церемонии бракосочетания. Эмма в это время находилась, видимо, в отъезде, потому что брачная церемония проходила в доме Смита, и то, что за ней последовало, произошло в «комнате номер десять», куда Бенджамен привёл сестру по указанию Пророка.

Интересно, что за месяц до этого Смит просил у Джонсона разрешение провести время в одной из комнат его дома с дочерью покойного мормонского епископа Патриджа. Не ясно, какую из двух дочерей Патриджа упоминает Бенджамен, ибо Бог приказал Смицу взять в жены обеих с интервалом в четыре дня, и ни одна из сестер долгое время не догадывалась, что они делят мужа. Позднее обе сестры Патридж поселились в доме Смита, но были оттуда изгнаны строгой Эммой.

...Спустя три недели после бракосочетания с Алмерой Смит снова появился в доме Джонсона и занял с его сестрой ту же комнату и ту же кровать, на которой не так давно наслаждался жизнью с дочерью покойного епископа Патриджа.

Многожёнство Смита было поначалу окружено строгой секретностью. В 1842 году он посвятил своего близкого друга Ньюэла Уитни и его жену в доктрину многожёнства. Он назначил Уитни епископом и вскоре попросил руки их семнадцатилетней дочери Сары Энн, пообещав им, если согласятся, множество благ в вечной жизни. Спустя месяц он написал Уитни письмо с просьбой привести Сару Энн к нему в секретное место, соблюдая чрезвычайную осторожность, чтобы не попасться на глаза его жене Эмме. Письмо он просил по прочтении сжечь, но Уитни этого не сделали, и письмо дошло до потомков.

Чтобы скрыть свои отношения с Сарой Энн, девять месяцев спустя Смит организовал и освятил её фиктивный брак. Попутно он женился на четырнадцатилетней Элен Мар Кимбалл, дочери другого своего приятеля, которого, как и Уитни, вознес на вершины мормонской иерархии.

Но не всё проходило так гладко. Несмотря на согласие родителей, девятнадцатилетняя Зина Хантингтон категорически отказала Пророку и даже вскоре вышла замуж за юного Генри Джекобса. Пророка это не остановило. Вскоре он прислал Зининим родителям и молодой паре письмо, в котором сообщал, что Бог повелел ему взять Зину в «небесные жёны». Поразительно, но молодой муж на это согласился: «То, чего хочет Пророк, угодно Богу». Одна только Зина продолжала упорно сопротивляться, но и она сдалась, получив от Пророка душераздирающее письмо. Смит сообщал, что ночью ему явился ангел с огненным мечом и пригрозил, что если Смит не добьётся Зины, он потеряет свой пост первосвященника, а, может быть, и жизнь. Даже строптивая Зина не могла себе позволить рисковать жизнью Пророка. Смит и на этот раз добился своего.

Браки Джозефа Смита имели много общих черт. Во-первых, он только исполнял Божью волю, продиктованную ему в ночных откровениях, за что новые жёны и их близкие родственники получали гарантию вечной жизни в небесном царстве. Во-вторых, жёны должны были поклясться строго соблюдать секретность брака и ни в коем случае не обращаться к Смигу как к мужу на публике: Пророк смертельно боялся своей первой жены Эммы.

Возрастные группы жён Смита были подобраны весьма разумно. Одиннадцать жён — от четырнадцати до двадцати лет,

девять — от двадцати до тридцати, восемь — от тридцати до сорока, две — от сорока до пятидесяти и три — от пятидесяти до шестидесяти. Последних, думаю, он держал «на хозяйстве».

Как нетрудно догадаться, жилось им всем несладко. Постоянные переезды, жизнь на колесах. Всюду — сначала построенные, затем покинутые дома; взятые замуж, затем покинутые жёны. Согласно историческим свидетельствам, одиннадцать из тридцати трёх документированных жён Смита продолжали жить со своими первыми («гражданскими») мужьями.

После безвременной смерти Пророка овдовевшим жёнам было разрешено выбрать себе в мужья какого-нибудь другого мормонского лидера. Многие выбрали Бригама Янга. Печальна была судьба этих женщин: от сурового Бригама Янга не приходилось ждать ни эмоциональной, ни физической, ни финансовой поддержки...

Многожёнство и власть

В 1852 году Пророк Орсон Прат снял с многожёнства вуаль секретности, и почти сорок лет, вплоть до 1890 года, мормоны открыто практиковали и пропагандировали многожёнство. Реакция внешнего мира с первых минут была негативной. В 1862 году американский конгресс законодательно запретил многожёнство на принадлежащих США территориях, приравняв его к рабству. Однако шла Гражданская война, и властям было не до мормонов, так что они продолжали свою практику, утверждая, что это право дано им Конституцией, провозгласившей свободу религии. Ответ федеральных властей был прост: *верить* вы можете во что угодно — этого вам никто не запрещает. Вам запрещают *практиковать*.

Когда американский Север победил в войне с рабством, власти всерьез принялись за многожёнство. Многожёнцам грозило тюремное заключение до пяти лет и штраф в 500 долларов — сумма по тем временам очень солидная. Жён заставляли публично отказываться от мужей, иначе у них отбирали детей. В восьмидесятых годах девятнадцатого века власти ограничили иммиграцию мормонов из Европы в Америку; были введены и другие ограничения. Жизнь мормонов стала очень трудной, и многие ушли в подполье.

Во времена Бригама Янга Юта, как и теперешние штаты Колорадо, Аризона, Нью-Мексико и Вайоминг, была так называемой

«территорией», то есть не входила в состав Соединенных Штатов. Мормонские правители неоднократно подавали заявки на приём в Штаты, но их постоянно отвергали за многожёнство. В конце концов стремление стать американским штатом победило, и в 1890 году президент Церкви Вилфорд Вудрафф выпустил манифест, осуждавший многожёнство и предлагавший мормонам жить по законам Соединенных Штатов. *Мормонская церковь* на своем генеральном съезде одобрила манифест Вудраффа и *официально объявила многожёнство вне закона*. Тогда же *полигамисты были исключены из лоно церкви*. В результате этих мер в 1896 году Юта вошла в состав Соединённых Штатов как равноправный член.

Когда многоженцев изгнали из официальной церкви, они основали свою церковь, верную старым традициям, под названием «Фундаментальная Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней». Официальная мормонская церковь фундаменталистов не признаёт и всячески от них отмежёвывается. Фундаменталисты живут своей закрытой жизнью в маленьких городках, большей частью на юге Юты, на границе с Аризонай и Колорадо, или на севере, на границе с Айдахо, но иногда ближе к центру и даже в столице. Обычно они живут колониями. Еще совсем недавно одно такое поселение было минутах в десяти езды от моего дома, в ущелье по дороге к горнолыжному курорту. Сейчас оно, похоже, пустует.

Фундаменталистов не трогают, пока они не высовываются, но время от времени случаются громкие процессы, привлекающие внимание далеко за пределами Юты и даже Америки. Один такой процесс был спровоцирован симпатичным рыжеватым сорокалетним полигамистом по имени Том Грин, который вылез на телеэкраны с пропагандой своего образа жизни. Грин сообщил телезрителям, что у каждого полноценного мужчины обязательно есть любовницы, так как прожить жизнь с единственной женщиной совершенно невозможно. Но любой «одножёнец» переспит с любовницей и был таков, ибо не несёт никакой ответственности ни за неё, ни за возможных детей, в то время как он, Том Грин, нежно заботится о своих пяти жёнах и тридцати пяти детях. В дело тут же включилась прокуратура. Следователи раскопали, что на своей первой и легальной жене Линде Кунц, с которой он прожил двадцать лет и прижил пятерых детей, Грин женился, когда ей было тринадцать лет. В Юте до 1999 года легально разрешенным для брака возрастом считалось четырнадцать лет (в 1999 году легальный возраст повысили до шестнадцати). Ко-

гда Грин взял Линду в жёны, ей недоставало нескольких месяцев до легального возраста, и, стало быть, он «изнасиловал малолетнюю». Это — тягчайшее преступление. Бедолага получил статью, предусматривающую заключение от пяти лет до пожизненного, под душераздирающие вопли пяти любящих жён. Его осиротевшие дети перешли на содержание штата, и я, как налогоплательщик, принимаю в их содержании активное участие.

Экономика в Америке — мотор политики, поэтому современные власти предпочитают многожёнцев не замечать, если те не совершают дополнительных уголовных преступлений. Но они, к сожалению, довольно часто их совершают — как правило, насилиям малолетних. У них в моде выдавать беззащитных двенадцати-тринадцатилетних девочек замуж за стариков, нередко их близких родственников. С годами у похотливых старцев аппетит на тринадцатилетних только разыгрывается. Девочек готовят к этому с детства: внушают, что они должны полностью подчиняться и во всём угождать будущему мужу, иначе будут гореть в аду. Многие верят...

Как-то внимание средств массовой информации привлек секретный полигамный клан Кингстонов, насчитывающий полторы тысячи членов. Главам клана принадлежат в Юте земли, школы, спортивные залы, доходные дома, магазины и угольные шахты. На банковском счету патриарха клана оказалось 150 миллионов долларов. При этом выяснилось, что его многочисленные дети находятся на содержании штата (в русскоязычном обиходе — «на вэлфере»), поскольку их матери официально числятся матерями-одиночками! А выплыло всё это на свет из-за истории с шестнадцатилетней дочерью главы клана. Он выдал её замуж за своего тридцатидвухлетнего родного брата. Девочка стала своему дяде пятнадцатой женой. С трудом выдержав семь месяцев брака, она сбежала от мужа, вернулась к матери и попросила у неё защиты. Мать тотчас позвонила её отцу. Тот приехал, забрал дочь, увез в какой-то амбар на принадлежащем ему отдалённом ранчо, жестоко избил, сломал ей нос, бросил в амбаре и укатил. В три часа ночи девочка добралась до ближайшей автозаправки в семи милях от ранчо и позвонила в полицию. С этого звонка и началась широкая кампания в прессе, и многое тайное сделалось явным. Оказалось, что клан Кингстонов существует примерно с 1935 года. Сейчас лидером клана является внук его основателя, некий Поль Кингстон. У него, по слухам, 15 жён и 50 детей. Члены клана считают его пророком: «Только Поль может беседовать напрямую с Богом, мы не можем».

Жизнь членов клана контролируется до мелочей. Им внушают, что они не попадут в рай, если не отдадут юную дочь замуж за одного из лидеров секты. Они верят, что их тяжелый труд и земные страдания будут вознаграждены на небе, где каждый получит хороший дом и дорогую машину. Пока же «зарплата» членов секты идёт на секретный счёт клана в банке, а взамен они получают специальные талоны, позволяющие расходовать строго определённые суммы на еду и одежду в магазинах, принадлежащих лидерам клана. В XXI веке больше тысячи человек живёт в рабстве, не имея ни гроша за душой! Спартак среди них пока не нашлось.

Отец покалеченной девочки был арестован по обвинению в издевательствах над ребёнком и осужден на 28 недель тюремного заключения. Обвинение в инцесте и незаконном сексе было предъявлено и дяде-мужу. Этот получил 10 лет без права помилования или досрочного освобождения.

За другим уголовным процессом — над последним пророком фундаменталистов Уорреном Джеффсом, омерзительного вида слизняком, — следила вся Америка. Пост пророка он унаследовал от своего отца, Рулона Джеффса, у которого было шестьдесят детей от двадцати жён. Последним браком он женился в восемьдесят восемь лет на восемнадцатилетней девушке; семидесятилетнюю разницу в возрасте супругов следовало бы занести в Книгу Гиннеса...

На суде над его сыном среди прочего фигурировала аудиозапись: девочка лет пятнадцати учит личным примером двенадцатилетнюю девочку — новую жену, — каким способом доставлять этому пятидесятишестилетнему монстру максимальное сексуальное наслаждение. За свои годы Уоррен Джеффс успел жениться 80 раз, из которых два раза, в последние годы — на несовершеннолетних. К моей большой радости, он получил пожизненное заключение. Его бывшая паства воздвигает этому святому мученику невероятных размеров монумент.

Несмотря на предпринимаемые федеральными властями жёсткие меры, даже сегодня в Юте, по официальным данным, около 40 тысяч многожёнцев. Не все из них такие омерзительные, как Джеффс. И если они содержат своих детей, платят налоги и не обижают малолетних девочек, я не возражаю. Многим женщинам нравится их образ жизни, и другого они не хотят. Две веселые подружки объяснили в недавнем газетном интервью, что они по-честному и без скандалов делят своего молодого и привлекательного мужа: три ночи он проводит с одной, три

ночи с другой, а последняя ночь в неделе достается каждой по очереди.

С беззащитными девочками и их рабынями-матерями всё понятно. Но что движет мужчинами — только ли сексуальный ажиотаж? Оказывается, не только. Один славный многожёнец очень искренне объяснил в интервью, что он и его соратники по полигамному клану служат Богу тем, что имеют много жён и рожают много детей, ибо многочисленные души на небе по долгу ждут своего часа, чтобы одеться плотью и обрести земную жизнь. Многожёнцы значительно эффективнее, чем те, кто имеет только одну жену, работают в этом направлении и тем радуют Творца.

Надо сказать, что и «одножёнцы» — члены официальной мормонской церкви — по моим наблюдениям, тоже вполне эффективно радуют Творца: когда я в начале 90-х появилась в Юте, во многих мормонских семьях было по 10–15 и даже 18 детей. Сейчас официально разрешённый возраст для замужества в Юте — шестнадцать лет, так что радовать Творца девочки начинают очень рано и продолжают до полной отключки детородного органа. Иногда это переходит всякие границы. В одной мормонской семье жена порадовала Творца шестнадцать раз и... устала. Она не хотела больше иметь детей, но муж настаивал: ему нужно было не меньше восемнадцати, чтобы всё как у людей. Тогда жена тайком отправилась в больницу, где ей перевязали трубы. Операция удалась — она перестала беременеть. Муж заподозрил неладное, занялся расследованием и нашел-таки больницу, в которой была произведена операция. Ничтоже сумняшеся, взял свое ружье (в Юте все вооружены, мы тоже) и пошёл в больницу сводить счёты. По коридору шла медсестра — он застрелил её на месте, потом взял в заложницы несколько рожениц и заперся с ними в палате. У него всего-то и требований было: прислать к нему врача, сделавшего операцию, он его застрелит и тотчас отпустит всех рожениц рожать на воле. В дело включился американский ОМОН. С разъяренным папашей вели переговоры, а тем временем спецназ на крыше больницы готовился к внезапной атаке, которую и осуществил блестяще, без жертв. Правда, две заложницы разродились от ужаса «под ружьём» без медицинской помощи, но в общем все обошлось благополучно, если, конечно, не считать погибшей медсестры...

Сейчас число детей в мормонской семье катастрофически упало — то ли интернет виноват, то ли вообще наступает некоторый кризис мормонского жанра, но только девочки повыска-

кивали из постелей и пошли учиться в колледжи и университеты. Поразителен этот стремительный прогресс, который вряд ли теперь остановишь...

МОРМОНЫ И СМЕРТЬ

Хороший моногамный мормон свой первый брак обычно заключает в мормонском Храме. Это здание является географическим и духовным центром столицы штата, Солт-Лейк-Сити. От Храма идёт отсчёт направлений и расстояний, он служит началом координат в декартовой системе. В Храм допускаются только президент церкви и двенадцать Апостолов (называемых также Пророками) — простому мормону вход туда заказан. Но есть в Храме специальное помещение для бракосочетаний. Чтобы удостоиться чести сочетаться здесь браком, надо представить рекомендацию от районного епископа. Брак, заключенный в Храме, освящен («запечатан») на вечные времена. И если человек потерял жену или, не дай Бог, развелся и женился вторично (что скандально), всё равно после смерти, хочет он того или нет, он будет навеки связан с женой, брак с которой заключил в Храме.

К смерти мормоны относятся очень спокойно. Они никогда не говорят «умер» — они говорят «вернулся к своему Небесному Отцу» и не слишком горюют по поводу утраты, поскольку под крылом у Небесного Отца умершему не хуже, а может, даже лучше, чем было на Земле. Поэтому похоронный обряд у мормонов на редкость жизнерадостный. Мормоны верят, что души праведников отправляются на специальную, ближайшую к Богу планету, и когда раздастся трубный глас, оденутся плотью и оживут для вечной жизни. Души грешников летят на далекую планету и трубный глас не услышат...

Мормонская религия совмещает в себе черты различных мировых религий. Мормоны очень хорошо относятся к евреям, потому что считают себя потерянным еврейским коленом. У евреев они позаимствовали много символики и названий. Одно из зданий на Храмовой площади в Солт-Лейк-Сити украшает звезда Давида. На окраине города протекает небольшая речушка Иордан. Национальный парк и банк называются Сион. Посетивший нас как-то Шимон Перес сказал: «У вас Сион и у нас Сион. У вас в Сионе деньги, а у нас — история». От раннего иудаизма и сегодняшних мусульман у мормонов многоженство и запрет на

спиртное. От католиков и православных — вера в Христа как Божьего сына. Но есть одна черта, которой нет ни в одной современной религии: посмертное крещение в мормоны.

Каждый мормон знает, что должен при жизни обратить в мормонство как можно больше народа. Чем успешнее выполняется эта задача, тем большее вознаграждение ждет его в вечной жизни (и, кстати, тем больше «десятина», отстёгиваемая паствой церкви). Мормонские юноши и девушки разъезжают с этой миссией по всему свету. Миссия обращения, заметьте, благородная: церковь учит, что только мормон может после смерти попасть в Царствие Небесное, для остальных на вратах висит табличка «Вход воспрещён».

А как быть с теми предками, что умерли еще до того, как возникла церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней и был построен Храм? Или с покойными иноверцами, при жизни не имевшими возможности (или отказавшимися) вступить в мормонство? Сегодняшние мормоны нашли способ им помочь. Покойных предков можно «поженить» в Храме с помощью специального обряда и тем самым увековечить их брак. А иноверцев можно крестить в мормоны посмертно. Через живого представителя, или, по-английски, «*by proxy*» (по доверенности).

Теперь самое время объяснить, почему для жизни в Юте необходимо чувство юмора.

Посмертное крещение «по доверенности» проходит в специально освященных для этого храмах. Доброволец, взявший на себя роль представителя умершего, входит в зал, где на изваяниях быков стоит большая мраморная купель, а за компьютером сидит клерк. Представитель объявляет: «Я крещусь от имени такого-то во имя Иисуса Христа», совершает омовение в купели, и клерк заносит имя нового мормона в компьютер.

Традиция эта, по утверждению мормонских пророков, идет от ранней православной церкви, которая в IV веке отказалась от этой практики, но в Новом Завете есть о ней упоминание, и идею в 1840 году подхватил Джозеф Смит.

Мормоны уверены, что посмертным крещением оказывают огромную услугу покойным: им даётся шанс встретиться в вечной жизни и вместе войти в Царствие Небесное. Заметьте: шанс. Никакой принудиловки. Покойные вольны сами решать, воспользоваться им этим шансом или отказаться.

Мои очень милые, добрые и отзывчивые соседи несколько раз обращались ко мне с предложением обратить в мормонство

моих родителей; более того, предлагали после крещения поженить их по мормонскому обряду. Это — особая привилегия, доступная далеко не всем. Мне она была предложена, потому что мой сосед занимает серьёзный пост в мормонской иерархии. Он — епископ районной церкви, что, по нашим понятиям, уровень секретаря райкома. Я упорно отказывалась от предложенной услуги, объясняя, что без разрешения родителей не могу принять их предложение. Мои добрые соседи многократно и терпеливо объясняли, что они только хотят дать моим родителям шанс встретиться в вечной жизни — решать, принять ли этот шанс, родители будут сами — и недоумевали, почему я отказываюсь, в глубине души безусловно осуждая меня за бессердечие и упрямство.

Крестить «по доверенности» может любой мормон, достигший двенадцати лет — это ему засчитывается как плюс в нынешней и вечной жизни. Есть, однако, небольшая загвоздка: согласно официальным правилам, крестить посмертно можно только с разрешения живущих родственников, если таковые имеются. Реально, конечно, крестить можно любого умершего, если знаешь его имя, поскольку он вряд ли сможет что-то возразить. И кого-то осенила блестящая идея: начиная с 1990 года, мормоны начали крестить жертв Холокоста. Шесть миллионов известных имён и крайне маловероятное наличие родственников, у которых надо испрашивать разрешение, — удобнее просто ничего не придумаешь!

Выплыло это случайно и далеко не сразу. Просто мормоны зашли слишком далеко: крестили умершего в 2005 году известного охотника за сбежавшими нацистами Симона и Анну Франк... Поднялась волна протеста, копнули поглубже и обнаружили — не поверите! — что в 1993 году кто-то заодно с жертвами Холокоста крестил Адольфа Гитлера, его родителей и подругу жизни Эву Браун! Гитлер уж точно без мормонского благословения вряд ли попал бы в Царствие Небесное...

После многочисленных скандалов, в 1995 году мормоны обещали прекратить крестить жертв Холокоста, но упорно продолжают это делать и порой ставят церковь в довольно двусмысленное положение. Наряду с жертвами Холокоста они крестят умерших знаменитостей, благо имена известны. Недавно, например, крестили маму президента Обамы, умершую в 1996 году. Средства массовой информации с интересом ждали реакции со стороны Обамы, но он предпочел отмолчаться.

ПОЧЕМУ МОРМОНЫ НЕ ПЬЮТ ГОРЬКУЮ

Два слова о церковной структуре. Её архитектором был Джо-зеф Смит, и с той поры она мало изменилась. Во главе мормонской церкви стоит Президент; у него есть три ближайших советника из числа Пророков («тройка»). Президентом назначают самого старшего из двенадцати Пророков (Кворум Двенадцати Апостолов). Каждый Пророк имеет шанс стать со временем Президентом, если переживёт своего предшественника. Следующая ступень вниз по мормонской иерархической лестнице — Кворум семидесяти: Пророков избирают из их числа. Наконец, каждый небольшой район имеет свою церковь и духовного наставника, в прямом переводе — епископа, по-американски — bishop. Епископ — не профессиональный священник, а обычно вполне успевающий господин, основная работа которого вне церкви.

Каждый мормон платит церкви «десятину» — десять процентов дохода. Мормонская церковь очень богата, потому что богата её паства. Несколько мормонов-миллиардеров входит в ежегодно обновляемый список четырёхсот самых богатых семей Америки, публикуемый журналом «Форбс». Миллионеров и мультимиллионеров сотни, если не тысячи. Кроме «десятины», отдаваемой церкви, богачи активно занимаются благотворительностью и тем увековечивают своё имя. Мариотт, чьи отели раскиданы по всему миру, — мормон. Нескольким университетам нашего штата он подарил роскошные здания библиотек, они так и называются: «библиотеки Мариотта». Хантсман, владелец химических фирм, трогательно пытавшийся когда-то помочь своими деньгами разорённой землетрясением Армении, — мормон. Он поддерживает исследования в области рака и подарил штату 250 миллионов долларов на строительство и организацию «Ракового центра Хантсмана» в Солт-Лейк-Сити. Браунинг, сконструировавший пистолет своего имени — мормон. Мой покойный друг Джим Соренсон, сын бедного фермера, четыре миллиарда сделавший своими руками на биомедицинской аппаратуре — мормон. И много других, чьи фамилии вы вряд ли знаете. Каждый из них платит церкви сотни миллионов в год. Добавьте к этому двенадцать миллионов мормонов помельче. Если каждый отдаст церкви хотя бы тысячу долларов — посчитайте сами, сколько это получится.

Мормонская структура вам ничего не напоминает? Не кажется ли, что она очень похожа на советскую партийную иерархию: генеральный секретарь — политбюро (12 членов) — центральный

комитет — районные комитеты. Партвзнос. Но есть и кардинальные отличия. Во-первых, активная благотворительность. Во-вторых, сегодняшние мормоны не преследуют инакомыслящих (хотя раньше и такое бывало). Наконец, как ни дико это звучит для нашего уха, мормоны не пьют. Даже пива. В более чем миллионной столице нашего штата винные магазины в прямом смысле можно пересчитать по пальцам — и никогда никаких очередей. Ситуация несколько изменилась после Олимпиады 2002 года, открывшей Юту миру. До этого, если паче чаяния в винном магазине оказывался, кроме вас, еще какой-нибудь покупатель, можно было смело заговорить с ним по-русски: в девяти случаях из десяти вы попадали в цель. Повторяю: мормоны не пьют.

Вот как это произошло. В 1847 году первых пионеров привел в Юту Бригам Янг. Выйдя из узкого ущелья и увидев открывшуюся перед ним панораму, Бригам Янг произнес историческую фразу (в штате Юта её знают даже грудные дети):

— *Вот это место.*

На этом месте сейчас стоит монумент, который так и называется: Монумент «Вот это место».

Что увидел Бригам Янг с холма «Вот это место»? Он увидел огромное озеро и пустыню. Пустыня простиралась на несколько десятков миль между восточными и западными отрогами Скалистых гор. Вода в озере оказалась очень солёной, почти как в Мёртвом море, и озеро получило название Большое Солёное озеро (Грэйт Солт Лейк). Отсюда и возникший вскоре город стал называться Солт-Лейк-Сити, или, по-нашему, Соленоозёрск.

Территория, куда пришли первые мормоны, была непригодна для жизни и никому не нужна. На этой суровой земле обитали только индейцы, в основном племени Юта (горы), откуда и получил впоследствии штат свое название. Следом за передовым отрядом в Юту потянулись остальные мормоны. Они шли через горы со скотом, фургонами, телегами, с многочисленными жёнами и бесчисленными детьми. После многомесячного изнурительного путешествия, начавшегося в маленьком городке Наву, они остановились в долине Большого Солёного озера.

У пришельцев был только один шанс выжить: сделать территорию, на которой они осели, пригодной для земледелия и скотоводства. Поначалу мормоны, руководствуясь коммунистическими идеями, основали нечто вроде колхозов — сельскохозяйственные коммуны. Продуктивность их была крайне низкая, и от отчаяния и безысходности народ начал пить. Тогда, как

сообщает мормонская история, то ли Бригаму Янгу, то ли одной из его жён ночью было откровение: явился ангел и сообщил, что мормонам запрещено пить горькую и другие алкогольные напитки. Заодно почему-то запретил чай и кофе. Наутро Бригам Янг объявил волю ангела народу и стал следить за неукоснительным её исполнением, сурово карая нарушителей. Одновременно он упразднил колхозы и перевел сельское хозяйство на частное предпринимательство. Дело сразу пошло на лад. За рекордно короткий срок пустынная долина превратилась в цветущий сад — чудо, впоследствии повторенное израильтянами. Отцы семейств отныне не тревожились о будущем: прилежно трудясь вместе с жёнами, они могли прокормить и их, и своих бесчисленных потомков. Так Юта стала безалкогольным штатом.

На Диком Западе

Юта — американский Дикий Запад, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Время от времени у нас проходят выставки-продажи оружия. Это мероприятие надо видеть. На необъятной площади выставочного павильона разложено столько оружия, что им можно было бы, я думаю, вооружить армию небольшого государства. Здесь есть всё, кроме, пожалуй, ядерной бомбы. «Калашников», «узи», «браунинг», автоматическое, полуавтоматическое, не автоматическое... Купить оружие очень легко, если у вас нет криминального прошлого. Впрочем, если есть — тоже не проблема, просто будете действовать по другим каналам. А так — даёшь номер американской идентификационной карты, предъявляешь автомобильные права, продавец куда-то звонит, и через десять минут ты — владелец «калашникова».

Вопрос о том, как и куда носить оружие, постоянно обсуждается в сенате штата. Можно ли приходиться с оружием в университетский кампус, библиотеку или больницу, нужно ли нести револьвер открыто или спрятанным — всё это вопросы острые и животрепещущие. Один городок на юге Юты принял местный закон, обязывающий каждую семью иметь хотя бы одну единицу огнестрельного оружия; если обнаружится, что в семье нет ружья, пистолета или револьвера, эти инакомыслящие будут оштрафованы на крупную сумму. А соседний с ними городок объявил себя зоной, свободной от юрисдикции ООН, о чем въезжающих в город оповещают большие плакаты. Так что у нас не соскучишься.

Главная мормонская
святыня – Храм на
Храмовой площади
в Солт-Лейк-Сити.

В сельских городках нашего и соседних штатов часто живёт по двести-триста жителей. Народ тихий, доброжелательный и очень доверчивый. В одном таком городке жители подали в суд на одного из односельчан за жульничество. Тот объявил, что имеет прямую связь с Богом и может передавать Ему просьбы — за некоторую мзду, конечно, потому что дело нелёгкое и требующее времени, а в Америке время и труд должны быть оплачены. И если жители не могли достучаться до Бога собственными молитвами, они несли свои просьбы этому односельчанину для передачи по прямому проводу. Но он оказался мошенником: чьи-то просьбы он Богу передавал, и Бог их исполнял, а передавать другие либо забывал, либо не удосуживался, хотя платили ему все одинаково. Вот за эту нерадивость на него и подали в суд. Сам факт его прямой связи с Богом ни у кого сомнений не вызвал...

КАК Я ПОСТУПАЛА НА РАБОТУ В МОРМОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В середине 90-х я затеяла один проект и пригласила принять в нем участие профессора из университета имени Бригама Янга, у которого было нужное мне оборудование. Университет Бригама Янга (буду называть его УБЯ) принадлежит мормонской церкви и гораздо богаче штатского университета, в котором я работаю, потому что мормонская церковь — один из самых богатых институтов Америки. Понимая ценность образования, церковь щедро раскошеливается на содержание своего университета:

чем лучше специалист, тем выше оплачивается его работа и, соответственно, больше церковная «десятина». Здесь самая низкая среди частных университетов Америки плата за обучение — раз в десять меньше, чем, например, в Гарварде, и соответственно большой конкурс. Профессора и студенты УБЯ по преимуществу, конечно, мормоны: студенты на 99 процентов, профессора — на 95. В отличие от УБЯ, мой университет — секулярный, принадлежит штату и всецело зависит от его скудных субсидий.

Нежданно-негаданно, мой проект выиграл грант Национального фонда науки. По условиям гранта, я могла выбрать любой университет Америки и поехать туда на год работать. Но я уже завязала сотрудничество с УБЯ и сочла неэтичным переводить проект в другой университет, хотя Фонд науки настойчиво рекомендовал мне отправиться в райские кущи Калифорнийского университета в Сан-Диего.

Одним словом, я преподнесла УБЯ ценный подарок, явившись туда с мешком денег за спиной: сто восемьдесят три тысячи долларов на год, из которых только шестьдесят тысяч шли мне в зарплату, остальные — на поддержку студентов, покупку необходимого оборудования, просто на нужды университета.

Но не так всё просто. Церковь строго следит за моральным обликом студентов и профессоров. Ещё до начала необходимых интервью, я получила на подпись бумагу, в которой было пять существенных пунктов:

1. Обязуюсь не пить алкогольных напитков ни в кампусе, ни вне кампуса.
2. Обязуюсь не курить и не сквернословить ни в кампусе, ни вне кампуса.
3. Обязуюсь не пить ни чая, ни кофе ни в кампусе, ни вне кампуса.
4. Обязуюсь соблюдать стандарт одежды (прилагается) в кампусе и вне кампуса.
5. Никаких внебрачных связей!

Да что же это, люди добрые! Всю жизнь, даже в Америке, меня преследует этот проклятый пятый пункт! Я не удержалась и позвонила мормонскому коллеге:

— У меня вопрос по поводу пятого пункта в вашей форме. Запрет внебрачных связей — это в кампусе или вне кампуса?

Он сразу стал очень серьезен: «Надеюсь, я последний раз слышу, что ты шутишь святыми вещами».

Жесткое пуританство — отличительная черта современного мормонского катехизиса, категорически запрещающего добрач-

ные связи и внебрачные отношения, регламентирующего даже допустимую степень обнаженности. На этой почве произошел казус, с удовольствием осмеянный американскими средствами массовой информации.

По Америке ездила организованная музеем Метрополитен выставка скульптур Родена. Одним из пунктов её назначения был музей при университете Бригама Янга. Это роскошное, огромное, оснащенное по последнему слову техники музейное здание, где иногда проходят первоклассные выставки. Однако с Роденом случилась неожиданная заминка. Мормонская церковь запретила не то что выставлять, а даже просто открывать ящики с четырьмя скульптурами. По-моему, это были «Ева» (но, может быть, «Поцелуй»), «Вечная весна», «Орфей и Эвридика» и одна из роденовских версий памятника Бальзаку, в силу возмутительной обнаженности уважаемого французского писателя. На выставке в Юте были представлены в основном руки, которых Роден навалял великое множество.

Директор музея, приглашённый в связи с этим скандалом на национальное радио, выдвинул забавный аргумент: «Если б мы выставили эти скульптуры, публика бы на них сосредоточилась и могла прозевать другие шедевры!» Ведущий передачи посоветовал директору: «Вот что я вам скажу. Никогда, ни при каких обстоятельствах не выставляйте роденовского «Мыслителя»! И причин здесь две: во-первых, он голый, а во-вторых — думает!» На следующий день в нашей «диссидентской» газете появилась карикатура: на левой картинке перед «Мыслителем» стоят два пожилых господина; один говорит другому: «Надо закрыть ему самые срамные места». На соседней картинке стоят те же двое, а на голову «Мыслителя» надет мешок...

Но вернемся к моему поступлению в УБЯ. Я заступилась за свое право пить вне кампуса чай и кофе, но остальные пункты малодушно подписала и поехала на первое интервью. Вице-президент университета, приятный человек лет сорока, задал мне свой первый вопрос:

— Каковы ваши религиозные взгляды?

Я и не сомневалась, что всё начнется именно с этого. Сразу по приезде в Юту нас с мужем взяли на заметку и первые лет десять постоянно одолевали миссионеры. У мормонов очень силен институт миссионерства: молодые люди в возрасте 18 лет разлетаются по всему миру — в Европу, Азию, Австралию, в Африку, на острова Океании, теперь и в Россию — и вербуют народ

в свою веру. Мормонская миссия длится два года. При УБЯ есть специальный Центр подготовки миссионеров с поразительной системой быстрого обучения любому языку методом глубокого погружения. В центре преподают 49 языков, вплоть до суахили. Будущий миссионер в течение двух месяцев изучает там язык и нравы той страны, куда его направляет церковь.

Словом, к первому вопросу я была готова и постаралась твердо и доходчиво объяснить, что рассчитывать на меня нечего:

— Я ни к какой организованной религии не принадлежу и этот вопрос для себя не рассматриваю. Стены между религиями созданы людьми, а не Богом, и приносят много кровопролития. До неба эти стены не достают. Я соблюдаю Божьи заповеди, потому что не могу иначе, а не потому, что так предписывает какая-нибудь религия. А по рождению я еврейка, и если бы решила к чему-то присоединиться, это был бы иудаизм — вера моих предков.

Вице-президент выслушал меня очень внимательно. Не могу сказать, что он пришёл в восторг, но меня не отверг, и задал следующий вопрос:

— Были ли вы верны своему мужу?

Я остолбенела. К этому вопросу я не подготовилась!

— Знаете, меня даже муж никогда об этом не спрашивал!

— Я понимаю, и не подумайте, пожалуйста, что мне нравится задавать вам такие вопросы, но у меня есть список — вот он, — по которому я обязан вас опросить.

Дальше он спросил меня, что именно я собираюсь преподавать студентам УБЯ. Понимая, с чем связан вопрос, и старательно обходя острые углы, я объяснила, что буду преподавать исключительно физику и химию полимеров, в которых хорошо разбираюсь, а еще расскажу про ультразвук и как ликвидировать инфекцию на полимерных имплантах, а чего не знаю, о том промолчу.

После вице-президента было интервью с деканом факультета — он задавал те же вопросы, в слегка более приличной упаковке. Затем меня отвезли на верхние этажи мормонской власти, в здание «епархии». Это единственный небоскрёб в нашем городе, средоточие мормонского чиновничества.

Человек, к которому меня привели, живо напомнил мне портреты на стенах наших парткомов — в советском воплощении он был бы секретарем ЦК по идеологии. Здоровый мужик, а глазки маленькие и пронзительные.

— Каковы ваши религиозные взгляды?

Я повторила все, что сказала вице-президенту. Его глаза раскрылись от изумления — такого он ещё не слышал. Мормоны очень уважают свою бюрократию, зависят от чиновников, боятся их и буквально вползают в их кабинеты. А я вошла, со своим мешком денег за плечами: прогонишь — поеду в Сан-Диего.

— Провели ли вы свою жизнь в благочестии? — спросил меня секретарь по идеологии (он сказал — *chastity*. «Благочестие», может быть, не совсем адекватный перевод, «целомудрие», возможно, точнее).

— Что вы имеете в виду?

— Вы не знаете, что такое *chastity*?!

— Я думаю, что знаю, но не знаю, что вы имеете в виду.

— Ну, например, вы вышли замуж, будучи девушкой?

Я ушам своим не поверила. Мне стало интересно, что будет дальше. Самое смешное, что, имея ввиду мой первый брак, я могла с чистой совестью ответить на этот вопрос положительно. Но каков вопрос! Помолчав, я сказала:

— Возможно. Это было очень давно. Не помню.

Он опешил. Такого оборота дела он не ждал и явно не знал, как со мной поступить, а расставаться с двумя сотнями тысяч долларов не хотелось.

— Хорошо, последний вопрос. По нашей информации, ваш муж приехал сюда на год позже вас. Вы не старая женщина, как вы провели здесь одна этот год?

Тут я ему лучезарно улыбнулась:

— Что за вопрос! Это же Юта! Здесь все живут в *chastity*! У меня не было шансов...

Он счёл за лучшее поскорее со мной расстаться.

— Поздравляю! Вы можете работать в УБЯ!

Я вернулась домой в состоянии, близком к точке кипения. Сказала Вайсбергу: «Ну и везучий же ты мужик! На страже твоей чести стоит теперь весь мощный аппарат мормонской церкви!»

Если вы думаете, что это конец истории, вы заблуждаетесь. Конец был такой восхитительный, что я разом простила им все вопросы, оценив, какой сюжет они мне преподнесли.

На следующий день после этих интервью я спокойно работала на приборе в своем университете, когда за мной прибежал запыхавшийся студент: вас срочно просят к телефону из УБЯ! Очень просили вас найти (мобильных телефонов тогда еще не было).

Я поднялась к телефону. Звонил завкафедрой, на которой мне предстояло работать. Он сказал:

— Тысяча извинений! Я понимаю, что ваше время очень ценно, и буду краток. Вчера вы блестяще прошли три интервью. Но оказалось, что их должно было быть не три, а четыре, и четвертое интервью должно было быть со мной. Мы не спросили у вас, какова сфера ваших научных интересов?

Я пришла в восторг и хохотала до слёз. Теперь я знала, какие критерии преваляют в мормонском университете при приёме на работу полного профессора.

...После всего этого на одной из моих первых лекций случился жуткий скандал. У меня в классе было 60 человек, среди них две девушки: это был первый, слабый, но очень важный шаг к теперешней женской эмансипации. Впрочем, я не об этом. Для мормонских студентов я была по всем параметрам инородным телом: у них никогда не было педагога-женщины; у них никогда не было профессора — немормона; я не начинала класс с молитвы, к чему они привыкли; и всё это венчал мой неизбывный славянский акцент. Между мной и классом стояла толстая стеклянная стена, которую я ощущала почти физически.

Я рисовала что-то на доске и по ходу дела задала классу вопрос. Правильный ответ на этот вопрос был — единица, но кто-то крикнул — два, кто-то крикнул — четыре. С мелом, зажатым между пальцами, большим и указательным, я обернулась к классу, подняла средний палец и сказала: «Нет, единица». Класс ахнул и заголосил. Начался страшный гвалт. Не понимая, что произошло, я стояла в недоумении, всё ещё держала руку с поднятым пальцем. *Средним!* Вижу, ко мне направляется целая делегация с очень мрачным предводителем.

— Вы понимаете, что вы оскорбили целый класс?

— Нет. Я понимаю, что что-то произошло, но не могу понять что.

— Вы сделали такой жест, такой грубый и неприличный жест, что я даже не могу его вам повторить.

Я начала мысленно крутить плёнку обратно и дошла до среднего пальца... Расстроилась я безумно. Мне предстояло учить их целый год, и всё началось хуже некуда. О продолжении урока не могло быть и речи. Чуть не плача, я бросилась по коридору в свой кабинет. Около него меня поджидал мой мормонский куратор. Он уже всё знал.

— Ну, что ты натворила?!

— Я ничего такого не имела в виду! В моей культуре этот жест ничего не значит!

В ответ он произнёс длинную сентенцию, смысл которой сводился к тому, что незнание законов не освобождает от ответственности за их неисполнение.

На следующий урок я шла, как на Голгофу. Надо было наводить мосты, и я сказала:

— Ребята. Сегодня я хочу сначала поговорить с вами на философские темы. Мы все приходим из разных культур. И ваши бабушки произошли из другой культуры, чем та, в которой вы сейчас находитесь. На прошлом уроке вас оскорбил жест, который я сделала. В моей культуре он абсолютно ничего не значит. Если бы я хотела вас оскорбить, я бы сделала совершенно другой жест, который сейчас показывать вам не буду.

Я увидела, что они оживились. Один из них сказал:

— Покажите.

Я ответила:

— Не сейчас. Провалишь экзамен, покажу.

Они засмеялись. Я поймала волну и сказала:

— Я хочу вам сказать очень важную вещь. Если вы будете оскорбляться, когда вас отнюдь не намереваются оскорбить, ваша жизнь будет очень печальной.

Они смотрели на меня совершенно новыми, живыми глазами, и я чувствовала, как тает разделявшая нас стена.

— И ещё одну важную вещь я хочу вам сказать. Я знаю, что для вас очень странно, что я не начинаю занятие с молитвы. Но я не принадлежу к вашей религии. Я вообще ни к какой организованной религии не принадлежу. Я считаю, что Бога важно носить в душе, а как ему молиться, каждый выбирает для себя. Я не начинаю занятие с молитвы, потому что это было бы очень искусственно. Но я обещаю вам, что в начале каждого урока я буду вам рассказывать истории великих научных открытий. Их совершали люди с божьей искрой, и вам будет интересно.

Чтобы закончить эту главу, похвалюсь, что лучших отзывов о моём преподавании, чем те, что я получила от студентов мормонского университета, мне не давал никто. Через полгода-год после окончания моей работы в УБЯ я получила письма от двух своих бывших студентов, в которых они писали, что встреча со мной была очень важным событием в их жизни и на многое открыла им глаза. Было чертовски радостно это читать.

КТО МЫ И ОТКУДА

Идея создания генеалогической библиотеки (мормоны называют ее Библиотекой семейной истории) зародилась ещё в 1830 году, при Джозефе Смите. Библиотека начиналась с трёхсот книг; сейчас в ней двести семьдесят тысяч книг и два миллиона микрофильмов.

Разъезжая по свету со своими миссиями, забираясь в самые глухие уголки, мормоны сначала просто собирали разнообразные материалы, в том числе манускрипты, относящиеся к генеалогической истории, а с 1938 года стали фотографировать книги записей рождений и смертей, забираясь так далеко в глубь веков, как только позволяли сохранившиеся свидетельства. Эти данные теперь компьютеризируются, а оригиналы микрофильмов хранятся в специально оборудованном глубоком подземелье, вырубленном в 1963 году в Гранатовых горах в надежде, что там они уцелеют в случае ядерной войны или катастрофического землетрясения, которое в наших местах ожидается. Копии с оригиналов есть в читальном зале библиотеки, и их можно получить для изучения.

Библиотека семейной истории открыта для всех, независимо от религиозной принадлежности; сюда приезжают со всего мира, чтобы попытаться найти свои корни, и в среднем только половина многочисленных посетителей — мормоны.

Русских материалов в библиотеке пока мало. Переговоры между мормонской церковью и советскими властями о фотографировании русских церковных книг и записей актов гражданского состояния велись давно, но только в начале 90-х, на волне перестройки, разрешение было получено.

Практически каждое государство регламентирует доступ к своим архивным документам, в том числе к книгам записей рождения и смерти. Информация о недавних рождениях и смертях считается закрытой в течение определенного «карантинного» срока. В одних странах подобная информация не может служить общим достоянием сорок лет, в других — семьдесят; в России «карантинный» срок — семьдесят пять лет.

Сопоставляя записи в книгах разных эпох (а иногда и стран), специалисты могут проследить для желающих генеалогическую линию, если, конечно, в библиотеке имеется для этого достаточно данных. Евгений Евтушенко нашел линию своих немецких пращуров. Александру Дулову мы отыскали княгиню Дулову, жившую в XVI веке, но эта линия потом оборвалась.

Готовят специалистов по генеалогическим исследованиям на особых курсах, и после успешной сдачи экзамена они получают лицензию. За их услуги надо платить, и немало. Но интерес так велик, что очереди к опытным и популярным исследователям растягиваются на год–два. В некоторых мормонских семьях генеалогическая линия прослежена вглубь на несколько веков.

Конечно, составляя генеалогические карты, мормоны лелеют надежду доказать, что восходят к семейству, приплывшему в незапамятные времена из Иерусалима в нынешнее Перу, как это описано в «Книге Мормона». С этой целью мой покойный приятель-миллиардер Джим Соренсон начал создавать, в параллель к генеалогической библиотеке, генетическую библиотеку человечества. Всего-то и дел — плюнуть в баночку или потереть ваткой с внутренней стороны щеки — и твой генетический код попадает в руки ученых генетиков и расшифровывается. Так создается увлекательнейшая наука — генетика популяций.

Два мормонских генетика взялись проследить генетическую линию от сефардов-израильтян к перуанцам, живущим в упомя-

нутых в «Книге Мормона» селениях. Потерпели, бедняги, полное фиаско. Доверяя своим исследованиям больше, чем «Книге Мормона», они разуверились в истинности описанных там событий и вышли из мормонской церкви. Так, на новом историческом витке, наука борется с религией...

Но каковы бы ни были исходные цели, Библиотека семейной истории — безусловный дар мормонов всему человечеству, и не только в историческом аспекте. Юта, с её огромным количеством детей, частыми перекрёстными браками и генеалогической библиотекой стала настоящим раем для генетиков. Не удивительно, что именно здесь находится всемирно известный Институт генетики человека имени Эклса. Здесь изучают гены, ответственные за различные болезни, поведение и черты характера. Здесь совершаются открытия, имеющие хорошую перспективу стать «нобелевскими». Словом, здесь интересно.

Сом живой усопший, или похоронные мотивы

Объявление об усопшем соме, написанное от руки на куске картона, я увидела на прилавке в голове длинной очереди, извивавшейся угрём вдоль неприхотливых форм нашего рыбного магазина у метро «Сокол». По всему, безвременная кончина усопшего сома никого не отпугнула и не удручила. Очередь жила выработанным десятилетиями тоскливым ритмом, рутина его разнообразилась время от времени острыми дискуссиями на тему «вас здесь не стояло». Я ввязалась в хвост в надежде на редкое лакомство, но усопший сом уплыл перед самым моим носом. Это меня огорчило, но не удивило — таков был факт моей жизни, моя планида: за чем бы я ни стояла — за бензином, апельсинами или туалетной бумагой — оно кончалось за метр-два от вожденной цели...

Места рекламе в Советском Союзе не было за ненадобностью. Какая, к чёрту, реклама, если в жаркие июльские дни Вайсберг выстаивал часами в очереди за беспардонно разведённым пивом, наблюдая, как грудастая продавщица закрывает верхней частью торса амбразуру пивного ларька, в то время как её мужик разливает пиво с чёрного хода постоянным клиентам. Пиво разливали в полиэтиленовые пакеты — ни банок, ни бутылок в том году в обиходе не числилось.

О машинах вообще помолчим. Машину, если помните, в Советском Союзе нельзя было просто купить: на её покупку нужно было получить разрешение вышестоящих инстанций. Машины обычно поставлялись в организации и ходили там по замкнутой траектории: партком — местком — партком — местком... Пока отоваривали членов месткома, первому в парткоме подходило время менять старую тачку... Но у нас в семье машина была. Папа получил разрешение на её покупку за военные заслуги: прошёл всю войну, был Главным патологоанатомом Карельского фронта, имел многочисленные награды, включая орден Ленина. К тому же — член партии. Всё это, конечно, не помешало его посадить, когда понадобилось. Но в машине ему не отказали. А вот Шостаковичу, как я прочитала недавно в замечательной книге Оксаны Дворниченко, в покупке мотоцикла для сына Максима отказали (оно, может, и к лучшему). Зато в компенсацию за отказ в мотоцикле разрешили композитору купить в ГУМе отрез на пальто, чем просто осчастливили.

Другое дело — в Штатах. Здесь реклама бьёт по глазам и ушам, шибает в нос, часто пованивает, но порой бывает очень хороша.

...Летят по небу две старушки, машут прозрачными стрекозьими крылышками. Порхают вокруг разноцветные птички и бабочки невиданной красоты, проплывают лёгкие облачка, озарённые тёплым солнечным светом. Звенят колокольчики, слышатся сладкие мелодии. Одним словом, рай. И одна старушка говорит другой с упрёком: «Если бы не эти твои геркулесовые хлопья фирмы «Изюминка» («Raisin Bran»), мы могли бы здесь быть уже десять лет назад!».

Вот что я называю рекламой. И, конечно, покупаю геркулесовые хлопья фирмы «Изюминка», а не какой-нибудь другой фирмы, вознаграждая создателей за остроумие и находчивость. Но иногда мой вкус к остроумной рекламе оборачивается большими убытками. Вот характерный эпизод.

Удивительным и непостижимым образом, стоит вам обратиться к врачу с самым невинным насморком, вас начинают немедленно забрасывать письмами от похоронных контор. Отслеживают, как ястребы, по налаженным каналам связи. В письмах содержатся, как выражается мой муж, «лестные предложения» по организации похорон. «Заплатите сегодня — завтра это будет дороже» (что, несомненно, истинная правда). «Пусть ваши родственники сокрушаются об утрате, а не о том, сколько она будет им стоить». Тоже убедительно. Одно из писем начиналось словами: «Когда вы будете квалифицированы для похорон...». Все хороши, но одна реклама меня совершенно сразила: «Бай уан, гет уан фри»: купи одно, второе получишь бесплатно. Спрашиваете, что рекламировали? — Место на кладбище! Два места по соседству. С прекрасным видом на Скалистые горы. Ну, можно устоять? Я купила. Продавали относительно дёшево, потому что в момент покупки на месте будущего кладбища простиралось заросшее пожухлой травой поле, которое администрация обязывалась в течение года подготовить к исполнению функций.

— А если мне понадобится раньше? — встревожилась я.

— Положим вас в мавзолей, у нас это отработанная система. Потом перенесём на место.

Мне это что-то смутно напомнило. Кажется, что-то похожее было в истории моей страны.

— О-кэй, я согласна, но при одном условии: я надпишу открытки с адресами, и вы разошлёте всем моим друзьям сообщения о том, что я лежу в Мавзолее!

Теперь поле уже разработано, и мавзолеей мне больше не светит. И вообще мне там не нравится. Я вовремя не сообразила, что кладбище — мормонское. Прямо над моей двуспальной собственностью простирает всепрощающую длань белоснежный Христос на высоком постаменте. Вокруг него, накрытые стандартными надгробными пластинками с выгравированным мормонским храмом, лежат мои будущие соседи; все уже на месте. Я ничего не имею против Христа, но не над моей же могилой! Не говоря уж о том, что Стена Плача импонирует мне больше, чем мормонский храм.

Словом, я решила продать эту собственность. «Пока не продавай, — советуют бывалые американцы, — это недвижимость, она постоянно растёт в цене». — «Недвижимостью буду я, и мне не всё равно, куда меня отправят, по меткому выражению Вайсберга, на «постоянное место жительства. Продаю прямо сейчас». Я дала объявление о продаже двух мест на кладбище с замечательным видом на Скалистые горы через нашу новостную телевизионную программу — у неё есть для этого специальный сайт в интернете. Телевизионная программа тут же прислала мне предупреждение: опасайтесь жульничества, многие наши клиенты стали жертвами махинаций.

И уже на следующий день пришёл первый запрос. «Я — морской офицер, в данный момент нахожусь за пределами США и не могу сам приехать за твоим товаром (merchandise)», — писал мой корреспондент. — Но у моего сына день рождения, и я хочу сделать ему подарок. Он всегда мечтал о таком подарке. Пришли мне номер твоего банковского счёта, я переведу тебе деньги, и мой представитель приедет забрать твой товар».

Я сначала подумала, что это отменная шутка, и включилась в игру. Не упоминая, о чём идёт речь, ответила:

«Боюсь, что твоему сыну вряд ли понравится такой подарок. К тому же, я продаю свой товар только в паре».

«Я покупаю оба, — мгновенно отозвался мой корреспондент. — Мой сын один подарок всегда ломает, поэтому я ему обычно покупаю два одинаковых. Пришли мне скорее номер твоего банковского счёта, а то я не могу перевести тебе деньги».

«А как ты заберёшь товар?» — поинтересовалась я.

«Об этом не беспокойся. Приедет мой представитель, он сам всё упакует и заберёт. Пришли мне номер твоего банковского счёта. Больше ни о чём не беспокойся».

Точно, подумала я, больше мне не о чём будет беспокоиться, включая мой банковский счёт.

Чтобы прекратить этот трёп, я написала: извини, дорогой, товар ушёл, другой покупатель предложил мне больше, упаковал и забрал.

Через пару дней пришло новое письмо, от другого адресата. Этот знал, о каком товаре идёт речь. Его письмо вышибло у меня непрошеную слезу.

«Два года назад у меня умерла любимая жена. Мы с ней были в разводе, я женат на другой, но ту тоже продолжаю любить. Она всегда мечтала быть похороненной в вашем штате. Я прочитал твоё объявление и понял, что могу теперь исполнить её последнюю волю. Я покупаю твоё место на кладбище. Пришли мне номер своего банковского счёта, я переведу тебе деньги, и вслед за этим перевезу в твой штат прах своей бывшей жены».

Мне стало интересно. «Окэй, — отозвалась я, но ты, как видно, не заметил, что я продаю два места по соседству. Я не продаю их по одному».

«Так я и покупаю оба! Ты думала, я покупаю одно? Ты просто не видела мою бывшую жену. Мне нужны оба места. Пришли мне номер твоего банковского счёта».

На этой точке я оборвала переписку с вечно любящим бывшим мужем покойной жены корпускулярного телосложения. Больше предложений не поступало.

Чтобы завершить рекламно-похоронную тему на более оптимистической ноте, расскажу анекдот.

По кладбищу идёт человек, читает надписи на камнях. «Здесь лежит мистер Смит, который дожил до восьмидесяти пяти лет, потому что курил сигары нашей фирмы». «Здесь лежит миссис Фишер, которая дожила до девяноста лет, потому что пользовалась помадой нашей фирмы». «А здесь никто не лежит, потому что его родители пользовались презервативами нашей фирмы!».

Кстати, вам не нужны два места на кладбище с прекрасным видом на Скалистые горы? Купите одно, второе получите бесплатно.

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ

Сколько бы лет вы ни прожили в Америке, как бы ни адаптировались к её нравам и повадкам, она найдёт, чем вас поразить. В рассказанной ниже истории, до мозга костей американской, каждое слово — правда, и есть подтверждающие документы.

Когда Вайсберг переехал в Штаты, его включили в какую-то демографическую программу по раку простаты. Всего-то и дел,

что звонили раз в год весной и спрашивали: «У вас ещё не диагностировали рак простаты? Нет? Спасибо». И оставляли в покое до следующего года. Но наступил момент, когда на очередном весеннем опросе Вайсбергу пришлось ответить «да». Через пару дней мы получили по почте пакет с красивой грамотой, где в обрамлении замысловатых виньеток шёл следующий текст:

Дорогой Мистер Вайсберг!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Теперь вы член огромного коллектива, включающего в себя сотни тысяч мужчин вашего возраста. Вы не будете одиноки! Приносим вам сердечную благодарность за прошлое участие в нашей программе.

Вскоре мы получили ещё одну грамоту — на этот раз из Нью-Йоркского госпиталя, куда я возила Вайсберга на обследование. Эти грамоты, с текстом, обрамлёнными красивыми винюетками, приходят нам теперь каждый год. Если внимательно читать в текст, госпиталь искренне гордится мистером Вайсбергом и выражает ему полное одобрение в связи с тем, что он заболел раком. Впрочем, судите сами:

Сертификат об одобрении.

Мемориальный Раковый Центр Слоун-Кеттеринг с гордостью выражает одобрение Мистеру Владимиру Вайсбергу за его выдающуюся роль, достижения, и поддержку в борьбе с раком.

Вице-Президент по Развитию Центра Ричард Наум.

АЗОХЕН ВЕЙ ЦУ ДЕ КОММУННЕ!*

От автора: ради бессмертной фразы, вынесенной в заглавие, я решила каждую новую книжку заканчивать этим рассказом.

В Сороковые — пятидесятые годы в нашем дачном поселке был управляющий по фамилии Кролик. Савелий Юльевич Кролик был невысок, лысоват, брюки его постоянно были опасно приспущены под круглым животиком. Кролик был большой талмудист — явление в ту пору довольно редкое. «Почти наизусть знает почти весь Талмуд», — цитировал папа Иосифа Уткина. Кролик со своей стороны совершенно благоговел перед папой и советовался с ним по всем вопросам как медицинского, так и не медицинского свойства. У Кролика была паховая грыжа, и много лет подряд он почти каждый день приходил к папе обсуждать, следует ли её оперировать.

— Вон идет Кролик поговорить о грыже, — сообщала мама, завидев Кролика в конце нашей линии (линиями назывались улочки в нашем дачном поселке).

Кроме грыжи, у Кролика были какие-то проблемы с кожей ног, и папа смеялся, что Кролик из тех занятных типов, которые удивляются, почему руки моют каждый день, а ноги никогда! В этой связи папа любил цитировать разговор в бане: «Рабинович, вы ещё грязнее меня! — Так я же старше!».

В связи с ножной проблемой деликатный папа давал Кролику следующие медицинские рекомендации:

— Возьмите тазик, небольшой, чуть больше размера ног. Наполните его теплой водой, градусов тридцать восемь — сорок. Положите туда кусочек мыла, лучше всего не хозяйственного, а детского. Попарьте ноги в этом тазике минут пятнадцать, выньте, вытрите насухо чистым полотенцем и наденьте чистые носки. Повторяйте эту процедуру каждый вечер. Через две недели расскажете, помогло ли.

Через неделю восхищённый Кролик кричал папе:

Впервые опубликовано в книге Натальи Рапопорт «То ли быль, то ли небыль», изд-во «Феникс», 2004 г.

* Многозначное еврейское восклицание. В данном контексте: несчастная коммунна!

— Вы волшебник! Вы гений медицины! У меня на ногах всё прошло — как рукой сняло! Евреи — вот настоящие врачи, не то что гои!

Папа принимал похвалы Кролика со скромным достоинством. Он знал, что заслужил их своим медицинским искусством.

Однажды Кролик насмерть поссорился с Гимпельсоном. Дмитрий Израилевич Гимпельсон был нашим соседом сзади. Соседом слева в это время был знаменитый врач Мирон Семенович Вовси, соседом наискосок — историк Вениамин Ильич Каплан. Гимпельсон был соседом сзади. Он был акушер-гинеколог, принимал роды у мамы, когда я появилась на свет. Папа по-приятельски называл его абортмахером.

Я толком не знаю, что произошло между Гимпельсоном и Кроликом, то ли Гимпельсон срубил дерево на участке Кролика, то ли повредил его забор, но только Кролик подал на Гимпельсона в суд.

Взволнованный Гимпельсон прибежал к папе:

— Яша, ради Бога, уговорите Кролика забрать жалобу из суда!

Папа повел с Кроликом дипломатические переговоры:

— Савелий Юльевич, дорогой! Не надо судиться с Гимпельсоном! Он вам заплатит, возместит ущерб. Подумайте сами, как это некрасиво — судятся два старых еврея! Люди будут смеяться!

Уговорить Кролика оказалось нелегко: он был страшно зол на Гимпельсона. Папа прибег к новому аргументу:

— Поймите, ему никак нельзя доводить дело до суда! У него будут неприятности по партийной линии.

— Он?! Партийный?! — совершенно изумился Кролик. — Гимпельсон партийный?!

И заключил бессмертной фразой:

— Азохен вей цу де коммунне!

Гимпельсон с Кроликом, конечно, помирились, а бессмертное «Азохен вей цу де коммунне» навсегда осталось в наших семейных анналах.

ПРИМЕЧАНИЕ

В заглавиях использованы строки следующих поэтов:

Схлестнулись гены в чреве сонном — Игорь Губерман

*Под фиговым листочком спрятан огромный орган
безопасности — Игорь Губерман*

Война гуляет по России — Давид Самойлов

Парня в горы тyani — рискни — Владимир Высоцкий

Прославим, братья, сумерки свободы — Осип Мандельштам

Как длинны расстоянья расставаний! — Давид Самойлов

*Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий
поворот руля — Осип Мандельштам*

*Я с дымящей лучиной вхожу к шестипалой неправде в избу —
Осип Мандельштам*

*Кто может знать, при слове расставанье, какая нам разлука
предстоит — Осип Мандельштам*

*Случай — псевдоним Бога, когда он не желает подписываться
собственным именем — Анатолий Франс*

Года, как чемоданы, оставим на вокзале — Давид Самойлов

*Широко распространяет химия руки свои в дела человеческие —
Михаил Ломоносов*

СПАСИБО!

*Друзья — это родственники,
которых мы выбираем.*

Михаил Туровский

Хотите знать, как познаются настоящие друзья? — Они читают то, что вы пишете. И не просто читают, а критикуют, советуют, и исправляют опечатки. Хронологически первым на этот нелёгкий путь вступил мой друг Ян Кандрор, человек яркий и ошеломляюще остроумный. Любовь Яна к книге сродни любви к женщине: если рукопись ему нравится, он её одевает в драгоценные одежды и издаёт в единственном экземпляре; некоторым из его изделий не стыдно было бы в соседстве с экспонатами Отдела редких книг Эрмитажа. Но от меня Ян получил вместо рукописи кусок сырой глины, который я почему-то ошибочно приняла за готовое изделие. Деликатный Ян похвалил содержание, исправил замеченные опечатки и посоветовал поработать над формой.

Ободренная его рецензией, я отправила текст нашим общим друзьям Блюменфельдам. У Блюмов, Саши и Нины, взгляд на слово не менее ястребиный, чем у Кандрора. Трудно поверить, но каждый из них прочитал мою рукопись в трёх вариантах, пройденных ею от момента зачатия. При этом, что очень ценно, один и тот же текст они видят по-разному. Нина Блюменфельд — художник; её живописи свойственны тончайшие нюансы. Такими же глазами она читает книги и тонко улавливает вылезавшие из полотна грубые мазки, требующие лессировки. Саша Блюменфельд — учёный-физик, но в душе лирик и автор обаятельных и остроумных стихов. Саша великий эрудит и знаток литературы, его замечания и советы всегда конструктивны, дорогого стоят и принимаются мною «в первом чтении». И если в предлагаемом тексте нет несуразностей — это прежде всего заслуга Блюмов, добровольно взваливших на себя непосильную ношу и поймавших в тексте целую галактику опечаток.

Моя подруга Стэлла Коппель — научный редактор. Её роль — сжать любой материал до сухого остатка, не пожертвовав смыслом. За это её ценили в Москве и ценят в Америке. Стэлла читала с карандашом в руке, и если сегодня объём рукописи не превышает трёхсот страниц — вы знаете, кого благодарить.

Ну и, наконец, мой дорогой друг, профессиональный писатель, автор замечательных романов Елена Катишонок. На её долю пришлось два варианта — неотмытый новорожденный и последний, окончательный. Посылать Лене промежуточные я не посмела. Лена читала медленно и очень внимательно, больно ударяясь об углы и выступы текста, мимо которых остальные проскочили. Я обтесала их, как сумела. Бесценные советы друзей помогли мне превратить лоскутное одеяло в относительно связанное полотно, которое вы держите в руках.

Отдельная благодарность моему приятелю и однокашнику по химфаку МГУ Эрнесту Крупникову, круто сменившему профессиональную ориентацию на карьере корректора. Эрик вычитал текст, который я твёрдо считала окончательным, и решительно поставил меня на место: выяснилось (впрочем, я это всегда подозревала), что совершенству нет предела...

В написании этой повести мне необыкновенно помогали классики — Пушкин, Мандельштам, Самойлов, Окуджава, Бродский и гиганты своих жанров — Губерман, Высоцкий, Шаов. Их строчки и строфы настойчиво просились в заглавия и эпиграфы. Я не сопротивлялась.

Всем, всем моим друзьям, а с ними — прошлым и будущим читателям: *спасибо, дорогие!*

СОДЕРЖАНИЕ

Личное Дело <i>повесть</i>	7
От автора	9
Часть первая <i>Россия</i>	11
Схлестнулись гены в чреве сонном	13
Свято место пусто не бывает	15
Война гуляет по России	21
На оккупированной территории	24
На канаве	29
Как Институт стали лишили девственности	34
Вайсберг ищет отца, а находит сестру	35
Семья от бога нам дана	40
Красный день календаря	57
Самовымышленники	59
Парня в горы тяни — рискни	60
По объявлению	69
Какие розы нам уготовил Гименей	78
Прославим, братья, сумерки свободы...	88
На родину предков	90
Эпистолярный	97
Дорога морем	99
Обед с Джимом	118
О Визите в Россию американского миллиардера Джима Соренсона	123
Часть вторая <i>Америка</i>	137
Случай Натальи	141
Случай Вайсберга	172
Случай Виктории	179

Что, Где, Когда <i>Рассказы, эссе</i>	195
Широко распростирает химия руки свои в дела человеческие	197
Портрет	220
Вот Это Место	227
Сом живой усопший, или похоронные мотивы	257
Азохет вей цу де коммунне!	262
Примечание	264
Спасибо!	265

Этой книгой Издательство «Пушкинского фонда» продолжает серию «Русская Америка».

Роман «Личное дело» — книга о собственной жизни и общей судьбе.

И тут чуть ли не на каждой странице ответ «немыслимо счастливого случая» (иногда — немыслимо несчастного).

Если бы перед нам был вымысел, то такой сюжет — кем-то явно подстроенное стечение обстоятельств, кем-то явно сочинённая цепь нарочитых совпадений — конечно, выглядел бы абсолютно неправдоподобным, но — недаром автор цитирует классика: «Случай — псевдоним Бога». Неубедительная выдумка вдруг оборачивается бесспорной былью. И удивительный жанр этой необычной истории — заведомо невероятная документальная повесть или, если угодно, автобиографический роман.

ISBN 978-5-89809-186-2

9 785898 031862